

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 5(103)*

Вологда • 2019

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., профессор (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьяна Т.П., д. э. н., профессор (Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шабунова А.А., Косыгина К.Е.

Методика оценки экономической значимости
некоммерческого сектора в регионе7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: основные тенденции. Июль 2019 года 24

Мониторинг социальных настроений..... 34

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Волкова Н.Н., Романюк Э.И.

Развитие цифровой среды российских регионов.....38

Попов Е.В., Семячков К.А.

Оптимизация процессов цифровизации городской среды.....53

Кузнецова Е.П.

К вопросу оценки развития производственной кооперации в регионе64

Цветкова И.В.

Развитие туризма в контексте региональной идентичности
(на примере Самарской области).....78

Кархова С.А.

Факторы глобального спроса на лесную продукцию91

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Губанова Е.С., Клец В.С.

Зонирование как инструмент регулирования
социально-экономического развития региона 109

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Москвина О.С., Маковеев В.Н.

Статистический анализ пространственной неравномерности
инновационного развития российских регионов 124

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Секушина И.А.

Финансово-бюджетная обеспеченность малых и средних городов
(на материалах Вологодской области) 138

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Блынская Т.А., Малинина К.О., Максимов А.М.

Функционирование научного сообщества в региональном пространстве
Арктической зоны РФ (на примере Архангельской области)..... 153

Короленко А.В.

Факторы демографического развития России:
опыт исследования панельных данных 170

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения
Вологодской области в августе 2019 года 189

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН 196

Правила для авторов 197

Информация о подписке 200

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Shabunova A.A., Kosygina K.E.

Estimation Methodology of Economic Significance of the Region's Non-Profit Sector	7
--	---

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Economic Monitoring: Main Trends. July 2019	24
Public Sentiment Monitoring	34

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Volkova N.N., Romanyuk E.I.

Digital Environment Development in Russian Regions	38
--	----

Popov E.V., Semyachkov K.A.

Optimization of the Urban Environment Digitalization Processes.....	53
--	----

Kuznetsova E.P.

On the Issue of Assessing the Industrial Cooperation Development in the Region.....	64
--	----

Tsvetkova I.V.

Tourism Development in the Context of Regional Identity (the Case of the Samara Oblast).....	78
---	----

Karkhova S.A.

Factors Contributing to Global Demand for Forest Products	91
---	----

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

Zoning as a Tool for Regulating the Region's Socio-Economic Development	109
---	-----

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Moskvina O.S., Makoveev V.N.

Statistical Analysis of Spatial Unevenness of Russian Regions' Innovative Development	124
--	-----

TERRITORIAL FINANCE

Sekushina I.A.

Financial and Budget Provision of Small and Medium-Sized Cities (the Case of the Vologda Oblast)	138
---	-----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Blynskaya T.A., Malinina K.O., Maksimov A.M.

Scientific Community Functioning in the Regional Space of the Arctic Zone
of the Russian Federation (the Case of the Arkhangelsk Oblast) 153

Korolenko A.V.

Factors Contributing to Russia's Demographic Development:
Panel Data Research Experience 170

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in August 2019 189

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

NEW VOLRC RAS PUBLICATIONS 196

Guidelines for the authors 197

Subscription Information 200

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.1

ББК 65.292.5 | УДК 334.724

© Шабунова А.А., Косыгина К.Е.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В РЕГИОНЕ

ШАБУНОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: aas@vscs.ac.ru

ORCID: [0000-0002-3467-0921](https://orcid.org/0000-0002-3467-0921); ResearcherID: [E-5968-2012](https://orcid.org/E-5968-2012)

КОСЫГИНА КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: [0000-0001-5875-8912](https://orcid.org/0000-0001-5875-8912); ResearcherID: [K-7910-2018](https://orcid.org/K-7910-2018)

В условиях нестабильной экономической среды регионы находятся в поиске альтернативных и потенциальных ресурсов для решения социально значимых проблем, улучшения качества жизни и благосостояния населения. К долговременному фундаментальному фактору решения этой задачи можно отнести развитие некоммерческого сектора. В России социально ориентированные некоммерческие организации составляют основу некоммерческого сектора, при этом остается недостаточно изученной проблема оценки экономической значимости этих организаций для регионального развития. Целью статьи является представление методического инструментария для оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе. Для реализации поставленной цели в исследовании использовались общенаучные методы системного, структурно-функционального анализа, обобщения, научной абстракции, синтеза, индукции и дедукции, метод интегральной оценки. Предложенный авторами методический инструментарий основан на

Для цитирования Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Методика оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.1

For citation: Shabunova A.A., Kosygina K.E. Estimation methodology of economic significance of the region's non-profit sector. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.1

построении синтетического (интегрального) показателя, определяющего долю некоммерческого сектора по отношению к валовому региональному продукту как к одному из макроэкономических показателей развития субъектов Российской Федерации. В основу методики положены три модели поведения: «СОНКО как социальный предприниматель», «СОНКО как объединенный благотворитель» и «СОНКО как добровольческий центр». В рамках исследования была проведена первичная апробация методики на регионах Северо-Западного федерального округа интерпретацией полученных результатов. Анализ показал, что в целом вклад социально ориентированных некоммерческих организаций в валовый региональный продукт регионов Северо-Западного федерального округа варьируется от 0,3 до 1,5%. Регионом-лидером по данному показателю является Вологодская область, аутсайдером Ленинградская область. Результаты исследования могут быть полезны федеральным и региональным органам власти при разработке государственных программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, долгосрочных стратегий социально-экономического развития регионов.

Некоммерческие организации, НКО, социально ориентированные некоммерческие организации, СОНКО, региональная экономика, методика, некоммерческий сектор, ВРП.

Актуальность и краткий теоретический обзор проблемы

В последние десятилетия распространяется глобальный дискурс об увеличении некоммерческого сектора и его возрастающей роли в предоставлении услуг, разработке политики и экономической жизни. Этот сектор включает в себя различные некоммерческие организации (далее – НКО), которые в основном работают в области здравоохранения, социального обслуживания, искусства, культуры, образования, научных исследований и др. [1, с. 67].

Теоретические, методологические и практические аспекты, раскрывающие процесс функционирования некоммерческого сектора, стали обсуждаться научным сообществом экономически развитых стран Европы и Америки существенно раньше, чем в России, в начале 1970-х годов [2, с. 109]. В отечественной науке активное изучение некоммерческих организаций началось спустя 20–30 лет, что связано с особенностями государственного устройства и исторического развития. Только к концу 90-х годов XX века российские НКО получили определенную самостоятельность, и исследования в данной предметной области стали более активными.

Значимое место в становлении концептуальных основ изучения некоммерческого сектора занимают труды американского экономиста В. Weisbrod, предложившего теорию экономического поведения неком-

мерческих, государственных и частных организаций, а также обосновавшего причины и последствия растущей коммерциализации НКО. Согласно подходу ученого НКО развиваются вследствие «провалов» коммерческих и государственных институтов в производстве и предоставлении населению общественных благ [3]. Профессор Йельского университета Н. Hansmann продолжил разработку этого направления, но с другой точки зрения. В теории «провалов контракта» он доказывает, что НКО существуют из-за информационной асимметрии, отсутствия доверия населения к коммерческим фирмам, нацеленным на извлечение прибыли в вопросах качества и количества услуг [4].

Исследования Н. Hansmann в определенной степени дополняют работы D. Easley и М. O'Hara, которые утверждают, что НКО могут превзойти коммерческие фирмы, если результат будет оцениваться через затраты. Они обосновывают теорию оптимальных контрактов при асимметричной информации, заключающуюся в том, что в определенных условиях НКО становятся наилучшими производителями услуг. Данный принцип действует тогда, когда выгоды трудно наблюдать или измерить [5].

Достаточно распространенными в западной литературе являются межстрановые сравнения национальных некоммерческих секторов. В качестве примера можно рассмотреть научную работу профессора J. Casey «The

Nonprofit World – Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector». Автор проанализировал социально-экономические характеристики крупных международных неправительственных организаций и небольших НКО, действующих в отдельно взятой стране от «промышленно развитых демократий Севера до зарождающихся голосов Юга». На основе эмпирических данных J. Casey доказывает, что НКО играют значимую роль в национальном развитии [6].

Заслуживает внимания проект сравнительных измерений некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества Университета Дж. Хопкинса (США, Балтимор, штат Мэриленд). В рамках проекта удалось достичь заметных результатов по 35 странам мира: 16 развитым, 14 развивающимся и 5 с переходной экономикой. Итоги исследования показывают, что в среднем по миру вклад данного сектора в ВВП оценивается на уровне 5%. Страны с незначительной ролью НКО в формировании ВВП – Пакистан (0,3%) и Мексика (0,4%). Максимальный вклад в ВВП от деятельности некоммерческого сектора показывают Израиль (12,7%) и Нидерланды (15,5%). Необходимо отметить, что в НКО работает около 54 млн наемных работников и добровольцев в исследуемых странах, что составляет в среднем 4,5% от экономически активного населения [7]. Обратим внимание на то, что Россия в данном сравнительном исследовании не была представлена. Однако в публикациях встречаются данные, оценивающие вклад некоммерческого сектора в размере 1% ВВП нашей страны [8, с. 133]. Американский проект сравнительного исследования позволил разработать и внедрить «Руководство ООН по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов»¹, которое предполагает создание специального вспомогательного (сателлитного) счета для НКО, отражающего «экономическое лицо» некоммерческого сектора.

В целом можно сказать, что научные исследования в области экономической оцен-

ки деятельности НКО в зарубежных странах находится на достаточно высоком уровне и постоянно развиваются: предпринимаются попытки собрать полную, отвечающую стандартам, сложившимся в других секторах, статистику по НКО [9].

В дискурс российских ученых тема функционирования и экономической значимости некоммерческого сектора вошла значительно позже, чем на Западе, об этом уже говорилось в начале статьи. Академические и прикладные исследования НКО в настоящее время находятся в стадии становления, что во многом вызвано проблемами в статистическом учете, который пока не дает в полной мере оценить место НКО в экономике [10, с. 85].

Самым известным в России подразделением, изучающим рассматриваемый феномен, является Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики». Научные работы авторов Центра охватывают широкий спектр вопросов, таких как партнерство НКО и государства в решении социальных проблем и предоставлении услуг, роль инноваций в НКО, оценка результативности государственных и муниципальных программ поддержки НКО, вклад в экономику от труда волонтеров и др. [11–14].

Вместе с тем эффективность деятельности НКО и их роль в экономике как консолидированного сектора в нашей стране изучены недостаточно. Эксперты отмечают, что методики отечественных ученых представляют собой в основном фрагментарные разработки, применимые к той или иной отрасли некоммерческой деятельности либо затрагивающие лишь отдельные аспекты эффективности [15]. Например, Е.И. Борисова и Л.И. Полищук предлагают использовать метод аппроксимации границ производственных возможностей и обсуждают возможность его применения для некоммерческих организаций в сфере жилищно-коммунальных услуг [16]. Ю.А. Крашенинникова оценивает деятельность пациентских обществен-

¹ Руководство ООН по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesf/seriesf_91r.pdf

ных организаций в рамках реформирования системы здравоохранения России [17, с. 519]. Н.В. Рождественская, С.Б. Богуславская, О.С. Боброва уделяют внимание методикам и инструментам оценки проектов НКО и социального предпринимательства [18]. Е.Л. Шекова оценивает инновационность проектов НКО в сфере культуры, используя коэффициент общей чистой приведенной стоимости [19] и др.

Проблемам влияния НКО на национальную экономику также посвящен ряд работ российских ученых. Среди данных трудов хотелось бы особо выделить исследования С.В. Суловой, методика которой стоит на анализе статистических данных о национальных счетах. Автор приходит к выводу, что темпы развития российского некоммерческого сектора отстают от темпов экономики в целом, что проявляется в снижении его доли в использовании ВВП, а также в выпуске ряда отраслей [10, с. 86].

В то же время представляется важным при изучении некоммерческой сферы учитывать то, что Россия – страна с федеративным устройством и особенности функционирования любого субъекта экономической деятельности задаются региональной дифференциацией [20, с. 22], что актуализирует исследование развития некоммерческого сектора в территориальном измерении. Также важно подчеркнуть, что в наших предыдущих исследованиях некоммерческий сектор рассматривается как самостоятельная подсистема региональной экономики, в которой действуют субъекты и объекты, ставятся цели, достигаются результаты [21].

С практической точки зрения существует как минимум две причины, по которым необходимо анализировать экономическую составляющую работы НКО в регионе. Во-первых, только в случае понимания (оценки) «экономического веса» некоммерческий сектор может рассчитывать на признание и поддержку со стороны региональных органов власти и бизнеса. Эти субъекты будут рассматривать НКО в качестве равноправных участников экономического процесса и все-таки прислушиваться к их мнению, выбирая

пути решения актуальных проблем. Пока, как отмечают эксперты, во взаимоотношениях с региональными и местными властями НКО часто сталкиваются с недоверием чиновников и депутатов, непониманием сути и роли поддержки некоммерческих организаций, формальным подходом к вовлечению НКО в решение социальных проблем². Во-вторых, оценка экономической значимости позволит самим НКО воспринимать себя в качестве субъектов экономической деятельности в регионе, субъектов рынка. На сегодняшний день подавляющее большинство НКО анализируют свою деятельность только с точки зрения выполнения социальной миссии. Необходимо взглянуть на общественные блага и социальные услуги, производимые НКО, как на продукт и оценить его конкурентоспособность на рынке³.

Все перечисленные выше аспекты определяют актуальность, а также цель исследования – представить научно обоснованный методический инструментарий оценки экономической значимости некоммерческого сектора в российском регионе.

Прежде чем перейти к изложению методического инструментария, необходимо уточнить определение, границы объекта исследования и его характеристики.

Один из подходов, использующийся в исследованиях, заключается в сопоставлении и определении отличий организаций некоммерческого сектора от организаций в других секторах. Существует трехсекторная структура экономических субъектов. Государственные организации и структуры определяются как первый сектор, бизнес – как второй, а некоммерческий сектор – как третий. Три сектора также часто характеризуются как «принц, торговец и гражданин» [22]. Чтобы описать организации, работающие в третьем секторе, ученые используют термин «неправительственные некоммерческие организа-

² Главная проблема НКО – недостаточная помощь региональных властей // Известия. 2015. 17 авг. URL: <https://iz.ru/news/589952>

³ Развитие финансово-экономической устойчивости российских НКО: анализ. зап. URL: https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2016/10/Analit_finstabilNGO.pdf

ции» как наиболее точное выражение того факта, что эти организации отделяются от государственного и коммерческого секторов.

В структурно-функциональном определении L. Salamon и H. Anheier, которое впоследствии было принято ООН с целью создания сопоставимых национальных обследований НКО, используются следующие пять критериев для НКО. Они должны быть институционализированы, т. е. должны иметь хотя бы неформальную организационную структуру (1), быть частными, т. е. не является частью институтов власти (2), отделены от бизнеса (3), самоуправляемы (4), а также не распределять прибыль среди своих учредителей или руководителей (5) [23].

Ограничение на распределение не запрещает НКО получать прибыль, но любой излишек, который генерирует организация, должен использоваться для финансирования предоставления услуг нуждающимся слоям населения. НКО, которая получает прибыль

в любой период, может направить эти ресурсы одним из трех способов: увеличить расходы, чтобы прибыль использовалась в текущих операциях, инвестировать в основные средства, которые предположительно будут использоваться для предоставления ориентированных на миссию услуг, или сохранить прибыль как источник внутреннего капитала.

Фактически, в России удовлетворяют представленным выше критериям – социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО)⁴. Их характеристики основываются на Федеральных законах от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁵ и от 5 апреля 2010 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (табл. 1).

Данные официальной статистики также отвечают на вопрос о том, какие организа-

Таблица 1. Характеристика СОНКО в России

Критерий по L. Salamon и H. Anheier	Характеристика/соответствие критерию
Наличие организационной структуры	СОНКО могут осуществлять деятельность в следующих юридических формах: фонд, общественные и религиозные организации (объединения), учреждения, некоммерческие партнерства, автономные некоммерческие организации, ассоциации и союзы
Отделение от государства	Федеральным законом от 5 апреля 2010 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» определено, что СОНКО не могут являться потребительские кооперативы, товарищества собственников жилья, садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан, государственные корпорации, государственные компании и общественные объединения, являющиеся политическими партиями
Отделение от бизнеса	Источники доходов СОНКО включают добровольные пожертвования в виде времени и денег, которых не имеется в распоряжении коммерческих производителей и которые менее интенсивно используются органами государственного управления, что тем самым требует иных стратегий получения доходов и иной рыночной ориентации. СОНКО занимаются решением социальных проблем, развитием гражданского общества в Российской Федерации
Ограничение на распределение прибыли	СОНКО образованы не для получения прибыли и не могут распределять ее среди своих директоров или сотрудников. Прибыль должна направляться на предоставление услуг нуждающимся слоям населения
Самоуправляемость/саморегулируемость	СОНКО предоставлена существенная автономия. Они несут полную ответственность за поведение своих членов и результаты производственной деятельности
Составлено по: Salamon L.M., Anheier H.K. In Search of the Nonprofit Sector I: the Question of Definitions. <i>Voluntas</i> , 1992, no. 2, pp. 125–151.	

⁴ Федеральным законом от 5 апреля 2010 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» введен статус «социально ориентированные некоммерческие организации» (СОНКО).

⁵ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (действующая редакция, 2016 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

Таблица 2. Количество СОНКО в регионах СЗФО 2012–2017 гг.

Регион	Количество СОНКО, ед.			
	2012 год	2017 год	на 1000 чел. населения в 2017 году	темп прироста 2017 года к 2012 году, %
Республика Карелия	353	1142	1,8	225
Псковская область	253	908	1,4	259
Республика Коми	380	1082	1,3	185
Архангельская область	458	1500	1,3	228
Мурманская область	293	970	1,3	231
Новгородская область	270	769	1,3	195
Вологодская область	526	1465	1,2	179
Калининградская область	311	853	0,9	174
г. Санкт-Петербург	1227	3785	0,7	208
Ленинградская область	415	877	0,5	111
Итого по СЗФО:	4486	13351	1	198
Итого по РФ:	44009	142641	1	224
В % СОНКО от общего количества НКО (по РФ)	20	65	–	45

Рассчитано по: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 годы. URL: <http://www.gks.ru>

ции в России составляют некоммерческий сектор. Количество СОНКО в России увеличилось с 44 тыс. в 2012 году до 143 тыс. к концу 2017 года, темп прироста составил 224%. На долю этих организаций приходится 65% от общего количества НКО (табл. 2), что в целом соответствует показателям развитых стран, в которых число социально ориентированных организаций составляет 60–70% [24]. Следовательно, СОНКО можно считать основной и главной движущей силой российского некоммерческого сектора.

В регионах Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) сосредоточено 9% от общего количества СОНКО России в 2017 году. Для сравнения: в Центральном – 23%, в Приволжском – 22%, в Сибирском – 15%, в Южном – 10%, в Уральском – 8%, в Дальневосточном – 7%, в Северо-Кавказском – 6%⁶.

В абсолютных значениях по количеству зарегистрированных СОНКО в СЗФО регионами-лидерами являются г. Санкт-Петербург, Архангельская и Вологодская области. Однако в расчете на 1000 жителей видно, что данные регионы уступают лидирующие позиции Республике Карелии и Псковской об-

ласти. Кроме того, в этих двух субъектах РФ наблюдаются высокие темпы прироста числа СОНКО с 2012 по 2017 год. Население Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга наименее обеспечено СОНКО – не больше одной организации на 1000 жителей (табл. 2).

Важным доказательством нашего предположения о том, что социально ориентированные некоммерческие организации представляют собой основу некоммерческого сектора и вносят свой вклад в социальное и экономическое развитие регионов, является объем предоставляемых ими услуг. В 2017 году в регионах СЗФО наибольшую долю составили услуги, оказанные СОНКО в сфере социальной политики, включая социальное обслуживание населения (52,1 чел. на 1000 чел. населения) и образования (51,2 чел. на 1000 населения). В здравоохранении число жителей, получивших услуги от СОНКО, по макрорегиону составило 48,4 на каждую 1000 человек, что почти в 2 раза меньше, чем в России в целом. В Санкт-Петербурге наблюдается самый высокий показатель по числу потребителей услуг СОНКО (327,2 чел. на 1000 чел. населения), другими словами, около

⁶ Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2017 год. URL: <http://www.gks.ru>

33 человек из 100 получают помощь в этих организациях. Вместе с тем следует отметить, что обеспеченность населения СОНКО в г. Санкт-Петербурге одна из самых низких среди регионов СЗФО и составляет 0,7 организаций на каждую 1000 человек. СОНКО Ленинградской области и Республики Коми отстают от лидеров более чем в 3 раза и находятся на последних местах по общему объему оказанных услуг. В целом наблюдается выраженная дифференциация регионов СЗФО в зависимости от сферы оказания услуг СОНКО. К примеру, в Республике Карелии потребителей услуг в отрасли образования – 111, 4 чел. на 1000 жителей, а в Ленинградской и Мурманской областях – 6,6 и 10,8 соответственно. Также и в здравоохранении, в Мурманской области в СОНКО обращаются почти 220 человек из 1000, а в Псковской – 5,6 (табл. 3). Предположим, что скачкообразное, неравномерное развитие региональных СОНКО по сферам социальных услуг вызвано несхожими запросами населения и власти на тот или иной вид услуг в том или ином регионе, а также активностью самих СОНКО. Выявление факторов разного уровня развития СОНКО по сферам оказания услуг в субъектах РФ требует дополнительного исследования и может выступить следующим этапом работы над темой.

Привлечение СОНКО в социальную сферу и оказание услуг населению для регионов открывает возможность оптимизировать использование выделяемых на эти цели бюджетных средств и обеспечить индивидуальный подход к потребителю [25, с. 63].

Таким образом, теоретический обзор проблемы и данные официальной статистики позволяют говорить о том, что социально ориентированные некоммерческие организации могут быть объектом исследования.

Методика оценки

Обосновывая методику оценки экономической значимости СОНКО в регионе, более подробно остановимся на формулировке показателей, выборе инструментария и апробации на регионах Северо-Западного федерального округа с интерпретацией полученных результатов. Также отметим, что предложенный методологический инструментарий не претендует на универсальность и обладает некоторой условностью.

Методика оценки экономической значимости социальной эффективности СОНКО в регионе должна учитывать отличительные особенности этого типа экономических субъектов, действующих в рамках рыночной экономики. На наш взгляд, социаль-

Таблица 3. Количество потребителей услуг СОНКО в регионах СЗФО в области образования, здравоохранения, культуры и кинематографии, спорта, социальной политики (включая социальное обслуживание населения) в 2017 году, чел. на 1000 чел. населения

Регион/сфера оказания услуги	Образование	Здравоохранение	Социальная политика	Культура и кинематография	Спорт	Оказано услуг, всего
г. Санкт-Петербург	70,2	70,2	88,8	1,1	33,6	327,2
Республика Карелия	111,4	51,5	48,5	37,8	19,7	269,0
Мурманская область	10,8	219,9	13,4	6,6	15,7	266,4
Калининградская область	43,6	175,9	15,1	0,8	9,8	245,2
Вологодская область	86,2	27,4	59,7	37,7	26,8	237,8
Новгородская область	27,8	10,6	16,5	46,1	82,6	183,6
Псковская область	41,7	5,6	36,2	19,7	18,3	121,6
Архангельская область	30,0	53,5	10,4	11,1	10,5	115,4
Республика Коми	31,5	16,9	33,7	9,1	13,3	104,6
Ленинградская область	6,6	2,3	29,7	8,1	53,6	100,3
СЗФО в целом	51,2	48,4	52,1	49,4	24,6	225,6
РФ в целом	60,1	84,7	43,8	63,9	33,7	286,2

Рассчитано по: данные ЕМИСС «Количество человек, которым оказаны социальные услуги с 2017 года». URL: <https://fedstat.ru/indicator/58621>

но-экономическое поведение СОНКО в социуме складывается из трех разных типов поведенческих моделей. В частности, СОНКО одновременно выступает в роли социального предпринимателя, объединенного благотворителя и добровольческого центра. Каждая из этих моделей требует индивидуального подхода. Остановимся на них более подробно.

1. Модель поведения «СОНКО как социальный предприниматель»

По мнению экспертов, в качестве основного субъекта социального предпринимательства выступают СОНКО (А.А. Москвитин [26], М.Б. Полтавская [27]). Вместе с тем понятие социального предпринимательства еще до конца не определено, но у него есть две ключевые особенности. Первая – это направленность коммерческой деятельности на решение социальных проблем, вторая – это окупаемость проектов, их экономическая целесообразность. В узком смысле под социальным предпринимательством понимают возмездную деятельность в сфере социального обеспечения населения, а также привлечение к коммерческим проектам социально неблагополучных категорий населения [28]. Фонд региональных социальных программ «Наше будущее» считает, что социальное предпринимательство – это инновационный и креативный подход к решению социальных проблем, направленный на устранение их причин, а не на борьбу с последствиями.

Работая по модели социального предпринимательства, СОНКО оказывает общественно полезные услуги на платной основе, компенсируя тем самым свои затраты в рамках простого воспроизводства.

2. Модель поведения «СОНКО как объединенный благотворитель»

Разрозненные и неупорядоченные пожертвования частных благотворителей характерны для стран с неразвитой инфраструктурой благотворительной деятельности. Современные мировые тренды указывают на формирование такой инфраструктуры через преимущественное утверждение специализированных субъектов благотворительной деятельности, владеющих на профессио-

нальном уровне технологиями фандрайзинга и социальной проектной деятельности. К числу таких субъектов российское законодательство относит СОНКО. В связи с этим стоит задача оценки благотворительности в деятельности СОНКО. В чем проявляется эффект создания «новой стоимости» в отличие от прямого трансферта или посредничества, через которые возникает так называемый эффект дырявого ведра?

Во-первых, посредством привлечения и аккумуляции средств из разных источников (как бюджетных, так и внебюджетных) СОНКО на профессиональном уровне формируют новое качество и дополнительный объем социальной результативности, материализуют полученные средства в конкретную услугу. Как отмечают эксперты, некоммерческий сектор создает новую добавленную стоимость за счет инфраструктурного развития и сферы услуг [20].

Во-вторых, перераспределение ресурсов через СОНКО осуществляется преимущественно на профессиональной основе по следующим направлениям:

- фандрайзинг – специализированный поиск и аккумуляция средств инвесторов, спонсоров, меценатов, грантодателей под конкретные мероприятия и проекты;
- определение приоритетных направлений социальной и благотворительной деятельности на основе анализа региональных и местных особенностей (на федеральном уровне приоритетные направления приведены в ФЗ «О некоммерческих организациях»);
- проведение обучающих мероприятий и консультаций по социальному проектированию, что повышает качество проработки заявок и подготовки благополучателя к реализации благотворительных мероприятий; при предоставлении средств СОНКО практически во всех конкурсах проходит экспертная оценка заявок на оказание благотворительной помощи;
- договорные отношения с благополучателями, которые предусматривают права и обязанности сторон, сроки, выделяемые ресурсы, организацию учета и контроля це-

левого использования благотворительных пожертвований, ответственность за нарушение условий договора;

– цивилизованная открытость благотворительной деятельности посредством соблюдения установленных законодательством финансовых нормативов на операционные расходы (не более 20% от привлеченных источников), а также проведения внешнего аудита и открытой отчетности на общедоступных информационных ресурсах.

Приведенные выше аспекты присущи исключительно профессиональным инфраструктурным организациям, включая СОНКО, что дает основания на включение в методику модели СОНКО как объединенного благотворителя.

3. Модель поведения «СОНКО как добровольческий центр»

Для выполнения проектов СОНКО привлекают добровольцев. В 2017 году средняя численность добровольцев СОНКО в целом по России составила 2 млн 731 тыс. человек, в СЗФО – 162,8 тыс. человек. Благодаря волонтерской деятельности укрепляется институциональное и межличностное доверие, а также преодолевается социальная изоляция и аномия среди населения [29, с. 15]. Кроме того добровольческий труд имеет и экономическую оценку в денежном эквиваленте.

Работая по модели добровольческого центра, СОНКО предоставляет услуги и оказывает иную поддержку благополучателям на безвозмездной основе, что предполагает оценку труда добровольцев по замещающим затратам, которые определяются путем сопоставления с затратами, которые понесла бы организация, если бы вместо волонтеров использовались оплачиваемые работники [30, с. 69].

Предложенную методологическую концепцию оценки вклада СОНКО в экономику региона представим в следующей схеме (рис.).

Таким образом, разработка методического инструментария состоит в построении синтетического (интегрального) показателя, определяющего экономическую значимость некоммерческого сектора в регионе на основе трех моделей поведения.

Прежде чем перейти к изложению индикаторов оценки, отметим, что для определения набора исходных статистических показателей соблюдались требования, предложенные специалистом в области прикладной статистики С.А. Айвазяном. Хотя данные требования разрабатывались для вычисления интегрального показателя в оценке качества жизни, можно считать их универсальными и для других объектов исследования, таких как СОНКО. Требования следующие: представленность (в наборе показателей должны содержаться все важнейшие составляющие измеряемой категории), информационная доступность (должны входить в номенклатуру официальных статистических показателей) и достоверность (статистические данные и частные критерии должны адекватно отражать состояние объекта исследования) [31, с. 70]. Поэтому в методику вошли показатели, получаемые из доступных данных Федеральной службы государственной статистики, часть из которых опубликована на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Это данные о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, собираемые по форме 1-СОНКО⁷.

Подробнее остановимся на сформированных блоках и составляющих их индикаторах, определим порядок расчета.

Блок: доходы СОНКО как социального предпринимателя

Включает 2 показателя.

Первый – выручка (доходы) СОНКО от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав, поставки товаров для госу-

⁷ Согласно Приказу Росстата № 531 от 12 октября 2012 года «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций», форму 1-СОНКО предоставляют юридические лица, являющиеся социально ориентированными некоммерческими организациями, за исключением государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, некоммерческих организаций, учредителями которых являются органы государственной власти и местного самоуправления.

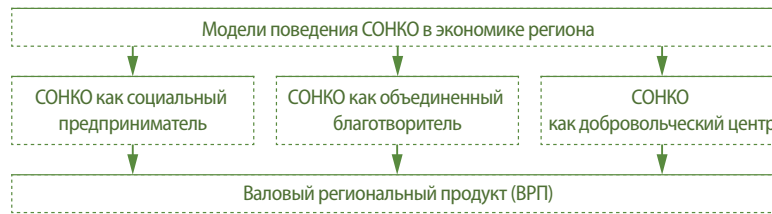

Рис. Схема оценки экономической значимости СОНКО на основе трех моделей поведения

Источник: составлено авторами.

дарственных и муниципальных нужд, бюджетных учреждений.

Второй – выручка (доходы) СОНКО от реализации товаров, работ, услуг для юридических лиц и населения (домохозяйств). Напомним, что СОНКО занимаются такой деятельностью, если в дальнейшем прибыль распределяется на финансирование предоставления услуг нуждающимся слоям населения, а не делится между сотрудниками, учредителями и руководителями организации.

Эти два показателя отражают общий объем предоставляемых платных товаров и услуг СОНКО и определяется по формуле:

$$X_1 = \frac{D_1 + D_2}{V} * 100\%, \quad (1)$$

где:

X_1 – доля выпуска платных товаров и услуг СОНКО в ВРП, % за год расчета;

D_1 – объем выпуска платных товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд, бюджетных учреждений в текущих ценах за год расчета;

D_2 – объем выпуска платных товаров и услуг для юридических лиц и населения (домохозяйств) в текущих ценах за год расчета;

V – величина валового регионального продукта в текущих ценах за год расчета.

Блок: доходы СОНКО как объединенного благотворителя

Включает в себя безвозмездные поступления (субсидии) из федерального, регионального и муниципальных (местных) бюджетов; доходы от целевого капитала; гранты юридических лиц для выполнения социальных проектов; добровольные пожертвования юридических лиц и граждан на

уставную деятельность организаций; прочие законные поступления. Чтобы выделить эти доходы для оценки роли СОНКО как объединенного благотворителя, используя доступные статистические источники, необходимо из общей суммы поступивших средств из всех источников вычесть сумму доходов СОНКО, полученных в результате оказания платных услуг.

Определяется по формуле:

$$X_2 = \frac{D - (D_1 + D_2)}{V} * 100\%, \quad (2)$$

где:

X_2 – доля выпуска бесплатных товаров и услуг СОНКО в ВРП, % за год расчета;

D – поступило денежных средств и иного имущества в СОНКО – всего.

Блок: оценка добровольческого труда СОНКО

За основу берется порядок расчета, предложенный исследователями из НИУ «Высшая школа экономики» И.В. Мерсияновой, В.Б. Беневоленским и др., который предполагает стоимостную оценку труда добровольцев по замещающим затратам. Определяется как двенадцатикратная среднемесячная номинальная начисленная заработная плата социальных работников в регионе, умноженная на понижающий коэффициент 0,5 и умноженная на годовую численность добровольцев в пересчете на полную занятость (40 часов в неделю). Получившийся результат при соотношении с ВРП за год расчета дает результирующий показатель величины вклада труда добровольцев в ВРП [30, с. 78]. При вычислении относительно СОНКО добавляем показатель средней численности добровольцев в СОНКО региона. Следова-

тельно, формула для расчета будет выглядеть следующим образом:

$$X_3 = \frac{12 * Z_{cp} * 0,5k * H * 100\%}{V}, \quad (3)$$

где:

X_3 – вклад труда добровольцев в ВРП, % за год расчета;

Z_{cp} – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата социальных работников в регионе;

$0,5k$ – понижающий коэффициент для учета более низкого уровня квалификации добровольцев по сравнению со средним по категории социальных работников;

H – численность добровольцев СОНКО в пересчете на полную занятость (40 час. в неделю).

Таким образом, итоговый интегральный показатель, характеризующий экономическую роль СОНКО в регионе, предлагаем рассчитывать суммированием показателей, полученных по трем моделям поведения СОНКО:

$$I = X_1 + X_2 + X_3 \quad (4)$$

Апробация методического инструментария на регионах Северо-Западного федерального округа и интерпретация результатов

Расчет по первому блоку «доходы СОНКО как социального предпринимателя» показал, что в 2016 году доля выпуска платных товаров и услуг СОНКО в ВРП по регионам СЗФО варьируется от 0,1 до 0,6%, среднее по СЗФО составило 0,3% от ВРП регионов. В Вологодской и Псковской областях в 2016 году значения показателя превышают средние по округу в 2 раза. К числу субъектов СЗФО с наименьшим удельным весом платных товаров и услуг СОНКО в ВРП относятся Ленинградская и Новгородская области (0,1% от ВРП). В динамике за 3 года в регионах СЗФО показатель менялся незначительно, исключение составляют Псковская

область и Республика Карелия, в этих субъектах РФ объем платных услуг СОНКО увеличился более чем в 2 раза с 2014 по 2016 год (табл. 4).

Возможными причинами региональной дифференциации по значениям данного показателя могут быть разные подходы региональных властей к поддержке и привлечению СОНКО к оказанию услуг населению и выполнению государственных заказов. В связи с этим следует отметить, что модель деятельности некоммерческих организаций, обозначенная в терминах настоящей статьи «СОНКО как социальный предприниматель», с 2013 года получила особую экономическую поддержку государства. Во-первых, внесены соответствующие поправки в ФЗ «О некоммерческих организациях»⁸, которые предусматривали осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у некоммерческих организаций в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о контрактной системе⁹. Тем самым СОНКО, а также органам власти на местах были предоставлены законодательные возможности расширения участия некоммерческих организаций в развитии региональных и местных экономик. Во-вторых, в последние годы государственная политика в социальной сфере была направлена на все большее вовлечение некоммерческих организаций в решение социальных проблем в регионах. Так, в редакции Федерального закона от 19 декабря 2016 года № 449-ФЗ введено новое понятие «некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг». В их число включаются СОНКО, хорошо зарекомендовавшие себя на рынке при оказании услуг из специального перечня, который устанавливается Правительством РФ в соответствии с приоритетными направлениями, определяемыми Президентом РФ. Такие организации получают дополнительную возможность получать финансовую поддержку

⁸ Федеральный закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (действующая редакция, 2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

⁹ Федеральный закон от 28 дек. 2013 г. № 396-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156535

Таблица 4. Вклад от выпуска платных товаров и услуг СОНКО в ВРП по регионам СЗФО 2014–2016 гг.

Регион / год / ед. изм.	2014 год		2016 год		Темп прироста, 2016 год к 2014 году, %
	абс., тыс. руб.*	% от ВРП	абс., тыс. руб.	% от ВРП	
Вологодская область	3 199 596	0,70	2 818 819	0,57	-11,9
Псковская область	334 377	0,22	701 009	0,48	109,6
Республика Карелия	261 457	0,12	846 575	0,36	223,8
г. Санкт-Петербург	14 918 774	0,47	14 123 707	0,37	-5,3
Калининградская область	720 496	0,19	1 285 672	0,33	78,4
Республика Коми	937 468	0,16	1 022 141	0,18	9,0
Архангельская область	1 554 874	0,24	1 359 388	0,19	-12,5
Мурманская область	1 084 097	0,27	924 644	0,21	-14,7
Ленинградская область	810 911	0,09	753 820	0,08	-7,0
Новгородская область	386 519	0,15	292 581	0,11	-24,3
Среднее по СЗФО	647 904	0,26	2 412 836	0,28	272,4

* Данные в сопоставимых ценах 2016 года.
Рассчитано авторами по: данные ЕМИСС.

Таблица 5. Вклад от выпуска бесплатных товаров и услуг СОНКО в ВРП по регионам СЗФО 2014–2016 гг.

Регион / год / ед. изм.	2014 год		2016 год		Темп прироста, 2016 год к 2014 году, %
	абс., тыс. руб.*	% от ВРП	абс., тыс. руб.	% от ВРП	
Мурманская область	1 550 403	0,39	2 465 959	0,57	59,0
Новгородская область	716 579	0,28	1 372 411	0,54	91,5
г. Санкт-Петербург	17 976 098	0,57	17 605 526	0,47	-2,0
Архангельская область	1 707 636	0,26	3 257 910	0,47	90,8
Вологодская область	3 319 489	0,72	2 255 946	0,46	-32,0
Республика Коми	1 380 495	0,24	1 742 283	0,31	26,2
Калининградская область	731 180	0,19	953 260	0,24	30,3
Псковская область	3 142 902	2,11	256 789	0,17	-91,8
Ленинградская область	3 194 297	0,37	1 370 777	0,15	-57,0
Республика Карелия	500 629	0,22	281 029	0,12	-43,8
Среднее по СЗФО	4 260 996	0,54	984 111	0,35	76,9

* Данные в сопоставимых ценах 2016 года.
Рассчитано по: данные ЕМИСС.

за счет ассигнований из регионального бюджета на срок не менее двух лет.

Анализ следующего сводного показателя в рамках модели поведения «СОНКО как объединенный благотворитель» показал, что в 2016 году Мурманская, Новгородская области и г. Санкт-Петербург находятся в числе лидеров по доходам от реализации бесплатных товаров и услуг СОНКО в ВРП, хотя по доле от выпуска платных благ в ВРП эти же регионы (за исключением г. Санкт-Петербурга) располагаются в аутсайдерах.

От средних значений по макрорегиону существенно отстают Республика Карелия, Ленинградская и Псковская области (табл. 5).

Допустимым основанием сложившейся ситуации может быть разная активность региональных СОНКО по привлечению денежных средств на осуществление проектов и программ из дополнительных источников. Например, в рамках финансовой поддержки конкурса «президентских грантов» СОНКО Вологодской области с 2014 года по 2016 год привлекли на территорию региона 64,7

млн руб. на реализацию 39 проектов, за тот же период СОНКО Ленинградской области – 15,7 млн руб. на 9 проектов, СОНКО Псковской области – 37,6 млн руб. на 16 проектов [32, с. 111].

Анализ полученных результатов по блоку оценка добровольческого труда СОНКО показал, что среди регионов СЗФО лидирующее положение занимает Вологодская область со значением 0,5% от ВРП. Наименьшее значение показателя наблюдается в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (табл. 6).

Таблица 6. Вклад труда добровольцев СОНКО в ВРП регионов Северо-Западного федерального округа в 2016 году

Регион	2016 год*	
	абс. тыс. руб.	% от ВРП
Вологодская область	2 221 625	0,46
Мурманская область	468 414	0,11
Республика Карелия	163 414	0,07
Республика Коми	382 826	0,07
Новгородская область	122 250	0,05
Архангельская область	205 008	0,03
Калининградская область	114 923	0,03
Псковская область	43 324	0,03
Ленинградская область	182 765	0,02
г. Санкт-Петербург	374218	0,01
Среднее по СЗФО	228 571	0,08

* Показатели представлены за один год, так как отсутствуют данные статистики по недоиспользованной рабочей силе за более ранние периоды. Рассчитано по: данные ЕМИСС.

Подчеркнем, что отсутствие данных о количестве отработанных часов добровольцами в официальной статистике не позволяет оценить вклад их деятельности в долгосрочной динамике. Наблюдение за недоиспользованной рабочей силой ведется Росстатом начиная с 2016 года¹⁰.

Расчет синтетического (интегрального) показателя по всем трем блокам показал, что среди регионов СЗФО некоммерческий сектор Вологодский области вносит наибольший

вклад в ВРП и оценивается как 7,3 млрд руб., или 1,5%. Ленинградская область находится на последних или предпоследних позициях по всем трем моделям поведения СОНКО, их вклад в ВРП не более 0,3% (табл. 7).

Таблица 7. Вклад СОНКО в ВРП регионов Северо-Западного федерального округа в 2016 году

Регион	2016 год*	
	абс. млрд руб.	% от ВРП
Вологодская область	7,3	1,49
Мурманская область	3,8	0,89
г. Санкт-Петербург	29,9	0,85
Новгородская область	1,9	0,70
Архангельская область	4,8	0,69
Псковская область	1,0	0,68
Калининградская область	1,1	0,60
Республика Коми	3,3	0,56
Республика Карелия	1,4	0,55
Ленинградская область	1,8	0,25
Среднее по СЗФО	5,6	0,73

* Показатели представлены за один год, так как отсутствуют данные статистики по недоиспользованной рабочей силе за более ранние периоды. Рассчитано по: данные ЕМИСС.

Принципиально важно отметить, что предложенный методический инструментарий не только оценивает совокупный вклад сектора в ВРП регионов, но и показывает, какая из трех экономических моделей поведения СОНКО преобладает в субъекте Российской Федерации.

Выводы и рекомендации

Некоммерческий сектор стал активно формироваться в экономически развитых западных странах, что отразилось на уровне исследований в данной предметной области. В России сектор НКО меньше по размеру и позже институционализировался, поэтому официальные статистические показатели собирались непродолжительный период времени, но позволяют выстроить методику, которая дает относительную оценку вклада СОНКО в развитие региональной экономики.

¹⁰ Приказ Росстата от 31 дек. 2015 г. № 680 «Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда».

Таким образом, применение обсуждаемой методики с анализом показателей в динамике по периодам и в разрезе регионов позволяет следующее:

1) выявить значение в экономике и тенденции развития некоммерческого сектора в целом и по каждому региону в отдельности;

2) определить факторы роста (снижения) синтетического показателя из-за изменений и предпочтений в политике СОНКО на рынке социальных услуг;

3) федеральные органы власти получают возможность выстроить рейтинг регионов по каждому из показателей и дать оценку деятельности региональных государственных органов в сфере поддержки некоммерческого сектора; определить место РФ в сопоставлении с другими государствами; использовать данные для обоснования размеров грантовой поддержки СОНКО и объемов федерального софинансирования региональных программ поддержки некоммерческого сектора;

4) региональные органы государственного управления могут использовать полу-

ченные данные для разработки мер по следующим направлениям: расширение допуска СОНКО к оказанию платных социальных услуг населению; развитие благотворительности и добровольчества; организационная, имущественная, информационная и консультационная поддержка СОНКО; подготовка и повышение квалификации сотрудников СОНКО; расширение поддержки социальных проектов и программ на конкурсной основе; оказание помощи местным органам в разработке муниципальных программ поддержки СОНКО;

5) теоретическая значимость настоящей методики заключается в стимулировании дальнейших исследований в части выявления взаимовлияния приведенных в ней показателей с удельными и структурными показателями сравниваемых регионов: численности и структуры населения, видов и концентрации производственного и финансового капитала, долей государственного и частного секторов в экономике, средней заработной платы и другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество – общество граждан: монография / М.В. Морев [и др.]; под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 190 с.
2. Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7
3. Weisbrod B. *The Nonprofit Economy*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 75 p.
4. Hansmann H. The Role of Nonprofit Enterprise. *The Yale law journal*, 1990, no. 89, pp. 76–79.
5. Easley D., O'Hara M. The Economic Role of the Nonprofit Firm. *The Bell Journal of Economics*, 1983, no. 13, pp. 531–538.
6. Casey J. *The Nonprofit World – Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector*. Boulder and London: Kumarian Press, 2015. 356 p.
7. Salamon L., Anheier H., List R., Toepler S., Sokolowski S. *Global civil society*. Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. 512 p.
8. Тарасенко А.В. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 2015. 224 с.
9. Санович С.В. Исследования гражданского общества и НКО в Европе и США (краткий обзор). URL: <https://www.hse.ru/data/333/842/1237> (дата обращения 24.12.2018).
10. Сулова С.В. Вклад российских некоммерческих организаций в национальную экономику // Финансы и бизнес. 2015. № 1. С. 75–87.
11. Якобсон Л.И. Экономический образ мысли и законодательство о некоммерческих организациях // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 48–63.

12. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы гос. и муниц. управления. 2017. № 2. С. 83–101.
13. Корнеева И.Е. Ориентация на рынок в некоммерческом секторе: сущность концепции и основные направления исследований // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 8 «Менеджмент». 2017. № 4. С. 564–595.
14. Громова М.Н., Мерсиянова И.В. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 44–47.
15. Благирева Е.О. Оценка эффективности некоммерческих организаций социальной сферы // В мире научных открытий. 2014. № 11-9 (59). С. 3411–3428.
16. Борисова Е.И., Полищук Л.И. Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // Экон. журн. ВШЭ. 2009. № 1. С. 80–100.
17. Крашенинникова Ю.А. Роль НКО в управлении системой здравоохранения и перспективы развития пациентского движения в России // Журн. исслед. соц. политики. 2009. № 4. С. 519–534.
18. Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 168 с.
19. Шекова Е.Л. Оценка инвестиционных проектов некоммерческой организации // Финансовый менеджмент. 2002. № 6. С. 29–34.
20. Кулькова В.Ю. Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации: монография. Казань: Печать-Сервис XXI век, 2016. 82 с.
21. Косыгина К.Е. Место некоммерческого сектора в региональной экономической системе // Вопросы территориального развития. 2017. № 4 (39). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2360>
22. Casey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World. *Journal of Nonprofit Education and Leadership*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 187–223.
23. Salamon L.M., Anheier H. K. In Search of the Nonprofit Sector I: the Question of Definitions. *Voluntas*, 1992, no. 2, pp. 125–151.
24. Либоракина М.И. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/foreign_experience/document115.shtml (дата обращения 24.12.2018).
25. Артамонова А.С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 55–67. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.4
26. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6 (159). С. 103–111.
27. Полтавская М.Б. Социальное предпринимательство как идея и как процесс: взгляд некоммерческих организаций // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7 «Философия. Социология и социальные технологии». 2015. № 3 (29). С. 136–150.
28. Московская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 31–51. DOI: 10.14515/monitoring.2017
29. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7–19.
30. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / под ред. И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 202 с.

31. Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Ч. 1. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. Социология. Этнология. 2001. № 4. С. 59–96.
32. Кобыльников В.П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 107–120. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шабунова Александра Анатольевна – директор, доктор экономических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: aas@vscc.ac.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-03.

Косыгина Ксения Евгеньевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: sene4ka.87@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-03.

Shabunova A.A., Kosygina K.E.

ESTIMATION METHODOLOGY OF ECONOMIC SIGNIFICANCE OF THE REGION'S NON-PROFIT SECTOR

In the conditions of an unstable economic environment, the regions are in search of alternative and potential resources for solving socially significant problems, improving the population's quality of life and well-being. The non-profit sector development can be attributed to a long-term fundamental factor in solving this problem. In Russia, socially oriented non-profit organizations form the basis of the non-profit sector, while the problem of estimating the economic significance of these organizations for regional development remains insufficiently studied. The aim of the article is to present methodological tools for assessing the economic significance of the non-profit sector in the region. To achieve this goal, the following methods were used: general scientific methods of systemic, structural-functional analysis, generalization, scientific abstraction, synthesis, induction and deduction, an integral assessment method. The methodological tools proposed by the authors are based on the construction of a synthetic (integral) indicator that determines the share of the non-profit sector in relation to the gross regional product as one of the macroeconomic indicators of the development of the Russian Federation constituent entities. The methodology is based on three models behaviors: "SONPO as a social entrepreneur", "SONPO as a united benefactor" and "SONPO as a volunteer center". Within the framework of the study, the initial testing of the methodology was carried out in the regions of the North-West Federal District by interpreting the obtained results. The analysis showed that in general, the contribution of socially oriented non-profit organizations to the gross regional product of the North-West Federal District's regions varies from 0.3% to 1.5%. The leading region for this indicator is the Vologda Oblast, the outsider in the Leningrad Oblast. The results of the study may be useful to federal and regional authorities in the development of state programs to support socially oriented non-profit organizations, long-term strategies for the regions' socio-economic development.

Non-profit organizations, NPOs, socially oriented non-profit organizations, SONPO, regional economy, methodology, non-profit sector, GRP.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shabunova Aleksandra Anatolyevna – Director, Doctor of Economics, Associate Professor. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: aas@vscc.ac.ru. Phone: +7(8172) 59-78-03.

Kosygina Ksenia Evgenievna – Research Associate, Department for Studies of the Standard of Living and Lifestyles. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: sene4ka.87@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-03.

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. ИЮЛЬ 2019 ГОДА

Вологодский научный центр Российской академии наук продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹

Современное состояние российской экономики в целом можно охарактеризовать как стагнацию. Длительное время в экономической динамике не происходит никаких существенных сдвигов.

1. Производство

☉ Общий объем произведенного ВВП страны в I полугодии 2019 года увеличился лишь на 0,7% по сравнению с аналогичным периодом 2018 года (годом ранее – на 2%). Замедление роста во многом обусловлено спадом в двух крупных отраслях – оптовой и розничной торговле (-1,8%) и операциях с недвижимым имуществом (-1,1%; *рис. 1*). Основными стабилизирующими факторами стали финансовая и страховая деятельность

(+7,8%) и промпроизводство – ВДС в добыче полезных ископаемых выросла на 3,8%, в обрабатывающих производствах – на 0,6%.

Промышленность вносит определяющий вклад в развитие российской экономики.

📈 В январе – июле 2019 года относительно аналогичного периода в 2018 году² промышленное производство в целом по стране увеличилось на 2,6% (*табл. 1*). Наибольший прирост зафиксирован в сфере добычи полезных ископаемых (на 3,9%), обрабатывающие производства показали увеличение на уровне 2%. В промышленности Вологодской области наблюдался подъем на 2,2%, схожий уровень зафиксирован в обрабатывающих производствах региона (+2%).

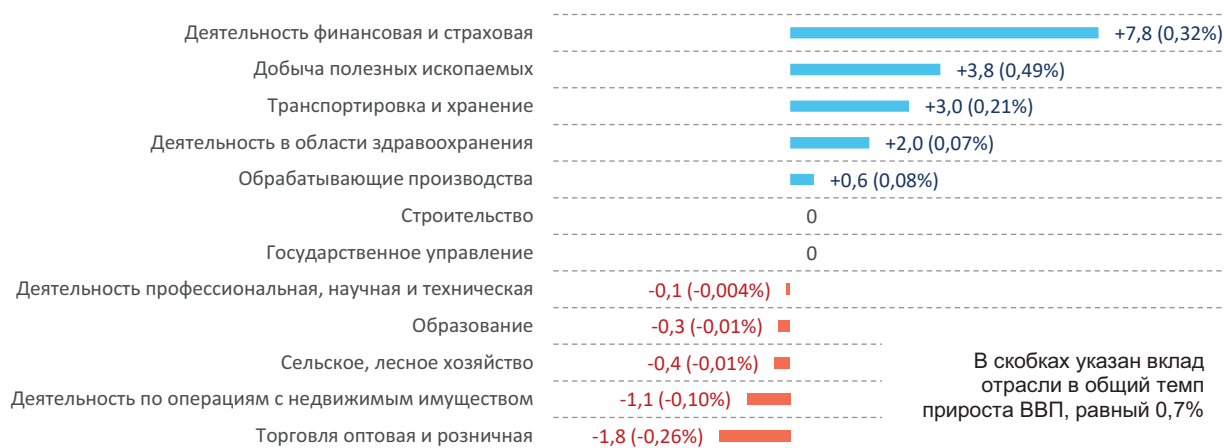

Рис. 1. Темп прироста физического объема валовой добавленной стоимости (ВДС) по отраслям экономики России в I полугодии 2019 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – июль 2019 года с январем – июлем 2018 года.

Таблица 1. Динамика промышленного и с/х производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	7 мес. 2019 г.
Промышленное производство					
РФ	103,1	103,0	102,9	102,1	102,6
ВО	106,0	104,9	104,2	103,0	102,2
Обрабатывающие производства					
РФ	104,1	103,3	102,6	101,3	102,0
ВО	106,7	105,3	104,3	102,9	102,4
Пищевое производство					
РФ	104,0	104,4	104,9	104,4	103,4
ВО	107,8	108,3	104,6	111,5	94,0
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	111,5	112,9	112,6	107,5	102,4
ВО	107,3	104,1	103,8	98,8	103,4
Деревообработка					
РФ	107,6	108,6	110,6	109,0	108,3
ВО	104,5	105,8	104,7	121,2	107,7
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	103,8	102,7	102,7	103,1	104,9
ВО	117,3	113,0	108,7	98,6	102,5
Металлургическое производство					
РФ	102,6	100,6	101,7	102,8	103,6
ВО	104,0	105,7	105,3	103,0	103,0
Машиностроение					
РФ	106,6	101,5	99,4	97,8	98,8
ВО	120,2	91,6	101,5	117,8	112,2
Производство строительных материалов					
РФ	103,7	104,8	104,4	108,4	106,5
ВО	80,4	87,8	94,4	115,2	122,1
Сельское хозяйство					
РФ	101,9	97,7	99,4	101,1	102,5
ВО	103,2	106,7	105,9	100,7	101,5

Следует отметить, что, несмотря на общую позитивную динамику, развитие промышленности в разрезе ее основных сегментов носит неоднородный характер. Так, в **секторе промышленности конечного спроса** наблюдается рост выпуска продукции, однако в то же время усиливается тенденция к замедлению развития сектора.

⊕ Пищевое производство в России увеличилось на 3,4%. На высокие показатели выпуска продовольственной продукции оказало

влияние существенное увеличение объема изготовленных растительного масла (+14,5%), водки (+18%) и мясной продукции: консервов (+17,8%), полуфабрикатов (+9,3%), мяса крупного рогатого скота (+8,1%).

⊖ В Вологодской области пищевая промышленность показала снижение на 6%, что обусловлено сохранением тенденции к сокращению реальных доходов населения и внутриотраслевыми кризисами. В частности, резко снизился выпуск минеральной питьевой воды (-8,3%), а также переработанного мяса (-11,5%), в частности домашней птицы (-51,3%) и мясных полуфабрикатов (-8,3%). При этом производство сливочного масла увеличилось на 11%.

⊕ В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции зафиксирован рост на 2,4%. Одним из его факторов стало существенное расширение производства обоев (на 14,6%), также вырос объем оказанных услуг по печатанию книг, географических и прочих карт, репродукций, чертежей и открыток (на 16,3%). В Вологодской области по данному виду деятельности зафиксирован прирост на 3,4%, во многом обусловленный увеличением объема произведенной целлюлозы (на 7,6%).

Несмотря на негативную динамику цен на мировых рынках, экспортоориентированный **сектор промежуточного спроса** продолжает показывать уверенный рост.

⊕ Деревообрабатывающая промышленность страны удерживает высокую динамику развития, сохранив прирост объема произведенной продукции на уровне 8,3%. Наряду с ускоряющимся расширением производства топливных брикетов (+60,1%) отмечено увеличение производства строительных материалов из дерева: древесностружечных плит – на 8%, древесноволокнистых – на 7,4%. В Вологодской области деревообработка также активно развивалась – прирост составил 7,7%. Существенно выросли объемы производства деревянных дверей, их коробок и порогов (на 57,5%), деревянных домов заводского изготовления (на 31,4%), древесностружечных плит (на 29,6%). Замедляющим фактором стало сокращение выпуска деревянных окон на 25,1%.

⊕ Выпуск продукции химической и нефтехимической промышленности в России увеличился на 4,9%, высокую динамику демонстрирует производство лекарственных средств (+17%) и лакокрасочных материалов (+13,1%). В частности, расширено производство препаратов для лечения сердечно-сосудистой системы (+12,1%), противомикробных для системного использования (+55%), для лечения костно-мышечной системы (+41%) и для лечения нервной системы (+14%). В Вологодской области индекс физического объема в химическом и нефтехимическом производстве составил 102,5%, спад в традиционном экспортоориентированном производстве калийных удобрений на 7,9% был компенсирован наращиванием выпуска азотных (+5,2%) и фосфорных (+2,4%) удобрений. Помимо этого на 1,4% выросло производство пластмасс в первичных формах.

⊕ В металлургической промышленности России наблюдаются позитивные тенденции – объем произведенной продукции вырос на 3,6%. В разрезе видов продукции наибольшее увеличение зафиксировано в производстве конструкций из алюминия (+31%), обработанного золота (+21,5%) и холодноотянутой проволоки из нелегированной стали (+9%), при этом сократилось производство труб для нефте- и газопроводов (-15,1%). В вологодской металлургии отмечен рост произведенной продукции на 3%, в том числе зафиксировано увеличение в отгрузке чугуна (+2%).

Разнонаправленной остается динамика отраслей сектора **промышленности инвестиционного спроса**.

⊖ Машиностроение в целом по стране сократилось на 1,2%. Отрицательная динамика во многом обусловлена снижением активности в сфере станко-, приборо- и автомобилестроения. Так, выпуск компьютеров и их деталей сократился на 11,2%, насосов центробежной подачи жидкостей – на 29,7%, часов – на 34,1%, гидравлических турбин и водяных колес – на 41,1%, велосипедов – на 21,8%.

⊕ При этом зафиксирован ряд положительных тенденций, в частности рост производства диагностического и терапевтического оборудования для облучения, реабили-

литации (+21,5%), электродвигателей мощностью более 37,5 Вт (+50,6%), генераторов переменного тока (+26,7%), стиральных машин (+7,3%), легковых автомобилей (+2,1%), тракторов (+27,6%), аппаратуры радиолокационной, радионавигационной и дистанционного управления (+7,6%). В Вологодской области выпуск машиностроительной продукции вырос на 12,2%, что обусловлено значительным увеличением производства комплектов электрической аппаратуры коммутации или защиты (+64,1%) и тракторов (+52,7%). В то же время на 13,4% сократился объем выпуска одного из ключевых товаров региональной промышленности – шариковых и роликовых подшипников.

⊕ Определенное оживление отмечается в сфере производства стройматериалов: увеличение выпуска по стране составило 6,5%. Значительное расширение отмечено в изготовлении плит из цемента и бетона (+23,9%), плитки керамической фасадной (+12,7%). Помимо этого увеличены объемы производства товарного бетона (+20,8%), цемента и строительных растворов (+11,9%). Прирост выпуска стройматериалов в Вологодской области (+22,1%) преимущественно связан с ростом жилищного строительства, в частности резко увеличилось изготовление товарного бетона (в 4 раза) и строительных блоков из бетона (+15,6%). В регионе также отмечается активизация производства дорожных асфальтобетонных смесей (+46,9%).

⊕ Российское **сельское хозяйство** показало прирост 2,5%. Зафиксировано увеличение выпуска скота и птицы на убой на 1,2%, в числе которого отмечен рост продукции свиноводства на 5,2%. Наблюдается рост производства молока на 1,5%, при этом на 4,3% увеличились надои молока на одну корову. В Вологодской области выпуск сельскохозяйственной продукции вырос на 1,5%, рост производства молока составил 4,6%.

Позитивные тенденции наблюдаются на **рынке труда**.

⊕ Уровень безработицы в стране сократился на 0,2 п. п. (до 4,9% в среднем за 7 месяцев 2019 года; табл. 2). В Вологодской области уровень безработицы снизился до 5,1%,

Таблица 2. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	7 мес. 2019 г.
Потребность работодателей в работниках					
РФ	107,7	107,1	106,8	106,0	103,4
ВО	86,2	87,5	91,6	109,6	112,3
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	5,1	4,8	4,8	4,8	4,9
ВО	6,1	5,4	5,1	6,1	5,1

по данному показателю регион находится на 9 месте. Потребность работодателей в работниках также отмечена ростом: в стране – на 3,4%, в Вологодской области – на 12,3%.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике происходят заметные структурные изменения, оказывающие негативное влияние на потребительский спрос, но создающие предпосылки для дальнейшего инвестиционного развития.

⊕ **Реальные денежные доходы** россиян в I полугодии 2019 года продолжили снижаться, потеряв в итоге 1% (табл. 3). Доходы вологжан за то же время уменьшились на 1,3%. По темпам изменения показателя регион уступает другим регионам-металлургам – Липецкой (+3,1%), Кемеровской (+1,9%) областях. При этом в Челябинской области отмечено более существенное снижение доходов (-5,9%). В СЗФО Вологодская область занимает средние позиции по изменению реальных доходов населения. Лидерами в округе являются Республика Карелия (+3,4%) и Ленинградская область (+1,6%), аутсайдером – Мурманская область (-5%), Республика Коми (-6,5%) и Архангельская область (-6,8%).

⊕ Стабилизирующим фактором изменения реальных денежных доходов россиян стало увеличение **реальной начисленной заработной платы** в I полугодии 2019 года на 8,2%. Реальная начисленная зарплата вологжан также повысилась (+4,2%).

⊕ **Сальдированный финансовый результат** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций сохранил

Таблица 3. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	101,5	100,8	100,9	98,5	99,0
ВО	93,6	94,6	97,2	95,8	98,7
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	101,6	92,0	100,9	99,0	108,2
ВО	99,5	95,0	102,0	105,8	104,2
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	111,0	110,3	113,3	111,5	112,9
ВО	120,7	116,6	120,0	111,9	111,0
	7 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	7 мес. 2019 г.
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	130,9	134,4	146,6	149,0	123,2
ВО	210,7	136,4	105,9	79,9	82,1

позитивную динамику роста, увеличившись с учетом инфляции на 23,2%.

⊖ В Вологодской области значение данного показателя снизилось на 17,9%, что во многом объясняется высоким уровнем финансового результата деятельности вологодских компаний в аналогичном периоде прошлого года. Несмотря на снижение в январе – июле 2019 года, общий тренд показателя сохранил положительный наклон.

⊕ **Реальные доходы консолидированного бюджета** (с учетом внебюджетных фондов) страны сохранили устойчивый рост, увеличение составило 12,9%, в Вологодской области – 11%.

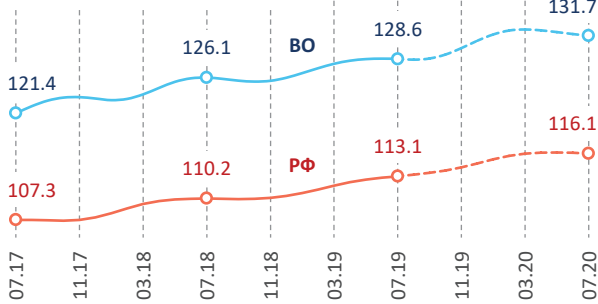
3. Конечное использование

Важным стабилизирующим фактором экономического роста, несмотря на падение доходов населения, остается **потребительский спрос**.

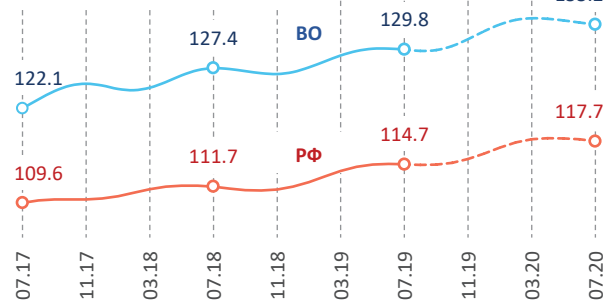
⊕ Оборот розничной торговли в России увеличился на 1,6% (в том числе продовольственными товарами – на 1,5%, непродовольственными – на 1,7%, оборот общественного питания – на 4,9%), в Вологодской области – на 3,8% (продовольственными товарами – на 2,4%, непродовольственными – на 4,5%, оборот общественного питания – на 2,1%; табл. 4).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

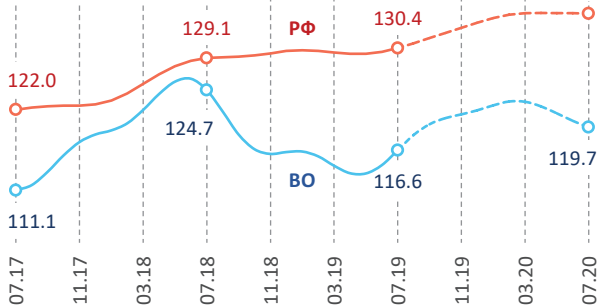
Промышленное производство

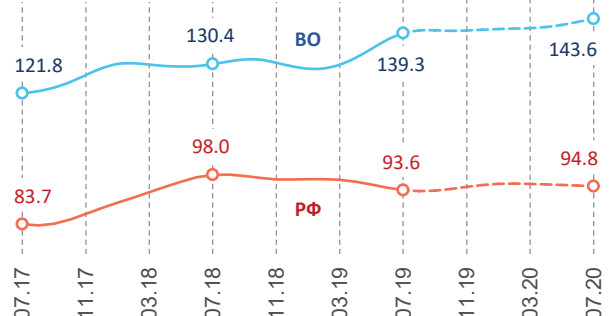
Обрабатывающие производства

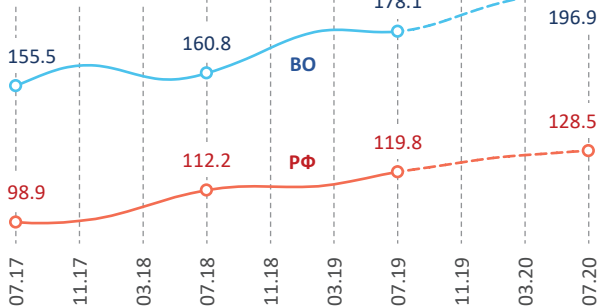
Пищевое производство

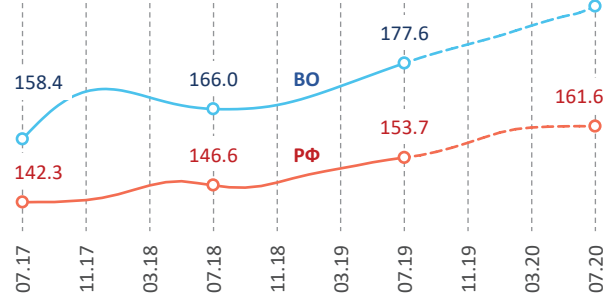
Ц/б и полиграфическое производство

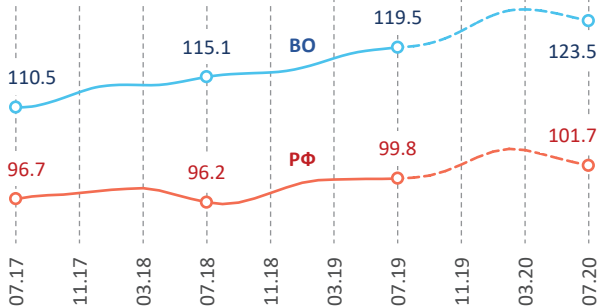
Деревообработка

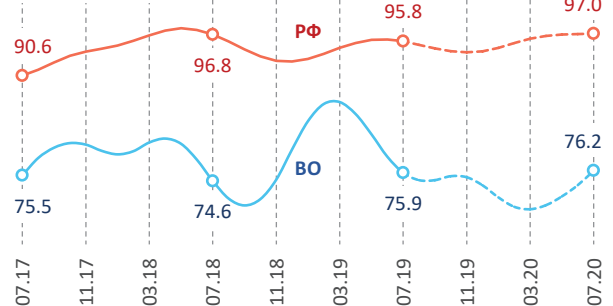
Химическое и нефтехимическое производство

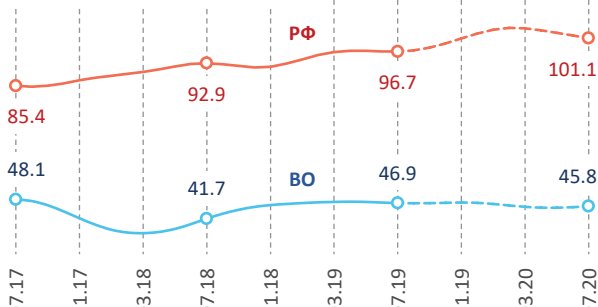
Металлургическое производство

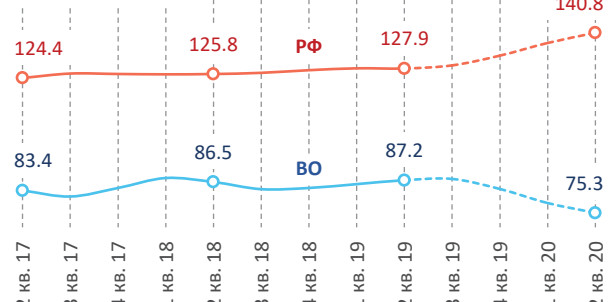
Машиностроение

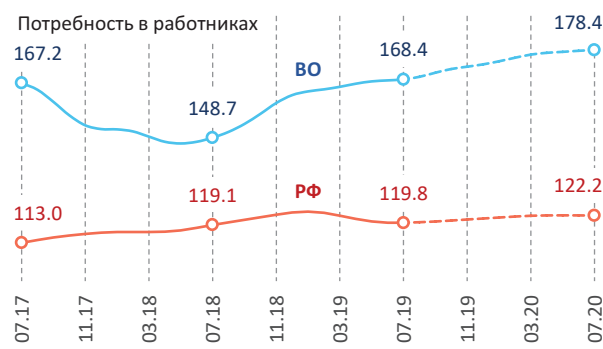
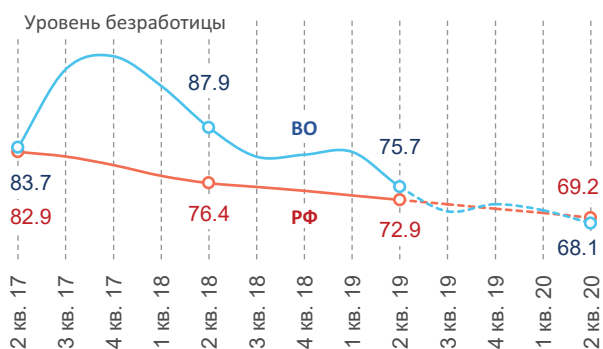
Производство стройматериалов

Сельское хозяйство

Тренды развития рынка труда в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития рынка труда в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

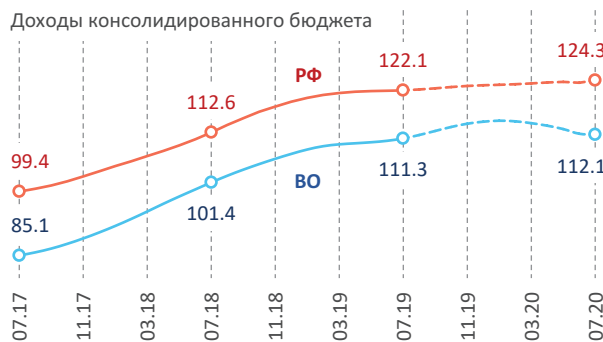
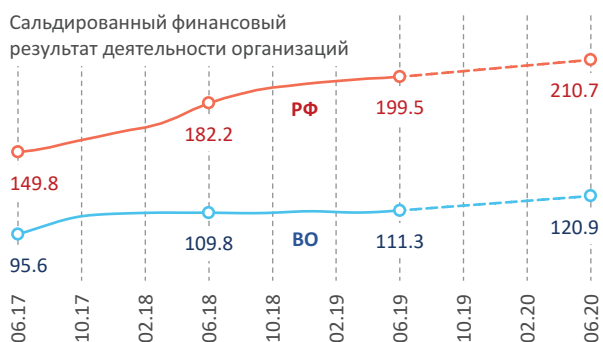
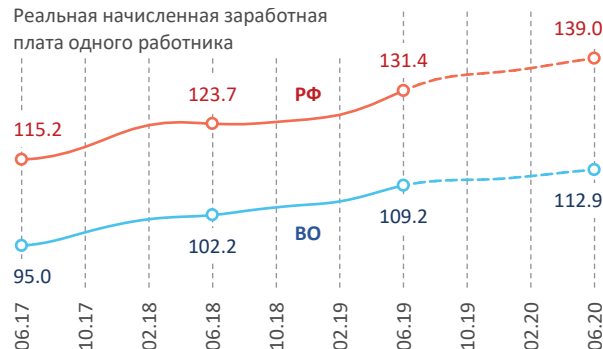
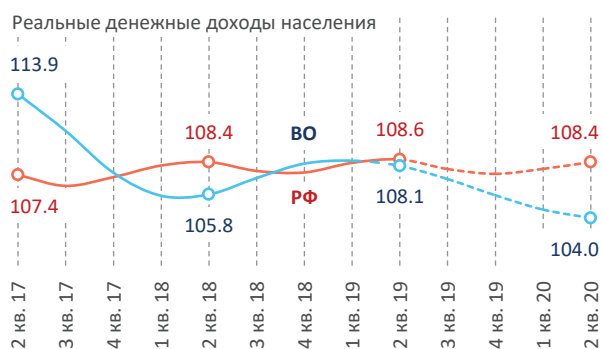

Таблица 4. Динамика потребительского рынка и строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	7 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	7 мес. 2019 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,9	102,8	102,8	101,9	101,6
ВО	105,4	104,9	105,8	105,1	103,3
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	106,4	105,9	105,3	100,2	100,1
ВО	86,5	101,5	103,6	111,5	99,3
Строительство жилых домов					
РФ	101,7	98,0	95,5	94,4	107,0
ВО	104,1	99,1	98,0	88,6	114,8
Объем выданных ипотечных кредитов					
РФ	167,8	161,1	149,0	106,3	95,5
ВО	157,2	149,5	136,8	96,6	87,8

⊕ Высокая динамика роста отмечена в жилищном строительстве: в целом по стране прирост составил 7%, в Вологодской области – 14,8%.

⊖ При этом объем выданных в России ипотечных кредитов снизился на 4,5%, в Вологодской области – на 12,2%. Отрицательная динамика ипотечного кредитования на фоне длительного сокращения реальных доходов населения в перспективе может негативно сказаться на развитии рынка жилищного домостроения.

Инвестиционный спрос в целом по стране демонстрирует околонулевую динамику.

⊙ Практически не изменился объем строительных работ.

Наблюдаемые структурные трансформации на этапе образования доходов в пользу

увеличения прибыли бизнеса не ведут к значимому росту валового накопления основного капитала в отраслях российской экономики. Основная причина этого – отраслевой диспаритет: прибыли образуются в одних секторах, а инвестиции необходимы другим. Также накоплению основного капитала не способствует распределение доходов крупного бизнеса, когда полученные средства не трансформируются в инвестиции, а выплачиваются собственникам в качестве дивидендов.

☉ Прирост инвестиций в основной капитал в России в I полугодии 2019 года составил 0,6% (годом ранее 4,3%; табл. 5). В основе едва заметного позитива – слабый рост производства стройматериалов. При этом производство отечественных машин и оборудования и их импорт снижаются.

Таблица 5. Динамика инвестиционного спроса, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.
Инвестиции в основной капитал					
РФ	104,3	105,1	104,3	100,5	100,6
ВО	70,0	83,1	102,3	218,2	152,2
Импорт инвестиционных товаров и услуг					
РФ	113,6	106,4	102,3	95,8	95,5
ВО	89,5	100,6	95,1	121,3	117,7

☉ В Вологодской области ситуация в инвестиционной сфере заметно лучше общероссийской. Объем инвестированных средств за первые 6 месяцев 2019 года увеличился более чем наполовину (по темпу прироста инвестиций регион занимает 6 место в стране). Уверенно растут собственное производство стройматериалов и машиностроение, наращивается импорт инвестиционных товаров и услуг (+17,7%)³. Импортные закупки оптической и контрольно-измерительной аппаратуры выросли более чем в 4 р., железнодорожных локомотивов и прочего подвижного состава – более чем в 3 р.

☉ Позитивные тенденции зафиксированы в индексах цен производителей инвести-

ционных товаров: замедление роста цен на грузоперевозки и продукцию инвестиционного машиностроения создает благоприятные предпосылки для дальнейшего развития экономики, при этом индексы цен на машиностроительную продукцию выросли меньше, чем индекс потребительских цен (рис. 2).

Снижение активности фиксируется во **внешнеторговом секторе** экономики.

☉ Экспорт товаров и услуг из России в I полугодии 2019 года снизился на 3,6%, что обусловлено падением цен на продукцию сырьевого сектора и в определенной степени последствиями загрязнения нефти в трубопроводе «Дружба» (табл. 6). В Вологодской области спад значительнее (на 13,4%), что отчасти связано со снижением мировых цен на ключевые экспортные товары региона (металлопрокат и фосфатные удобрения).

Существенно сократился экспорт российской продукции инвестиционного назначения (-6,5%). Вологодская область также экспортировала меньше инвестиционных товаров (-4,5%), в первую очередь оптической и контрольно-измерительной аппаратуры (-20,9%).

Таблица 6. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	126,5	127,9	125,7	101,6	96,4
ВО	147,7	138,8	137,8	148,4	87,6
Экспорт инвестиционных товаров и услуг					
РФ	116,6	105,9	103,8	87,5	93,5
ВО	137,0	132,1	102,8	82,4	93,8
Импорт товаров и услуг					
РФ	113,8	108,0	104,8	97,3	97,2
ВО	105,2	106,9	107,3	116,9	107,1
	7 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	7 мес. 2019 г.
Мировые цены на товары					
Нефть	135,5	137,1	129,4	93,6	91,1
Газ	133,4	138,2	134,4	91,9	70,5
Мет.	131,1	139,8	127,2	100,9	96,1
ФУ	121,0	122,7	121,8	96,9	90,3

³ Под инвестиционными товарами понимаются неметаллические минеральные стройматериалы (68 ТН ВЭД) и продукция машиностроения (84-90 ТН ВЭД).

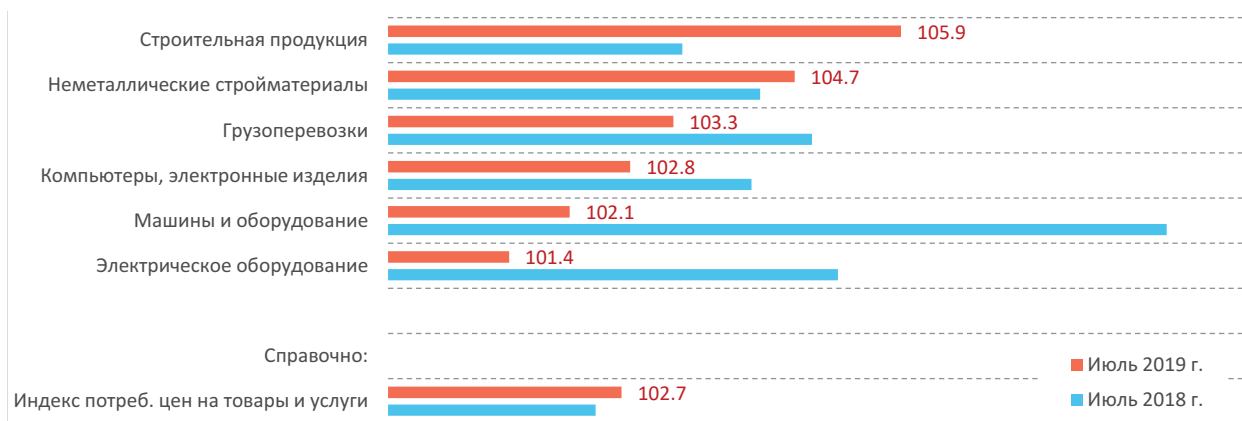

Рис. 2. Индексы цен производителей товаров и услуг по РФ, % к декабрю предыдущего года

⬆️ Импорт в Россию в I полугодии 2019 года снизился на 2,8%. В Вологодской области зафиксирована обратная тенденция – импорт вырос на 7,1% (годом ранее – на 5,2%). При этом ключевым ввозимым товаром выступила продукция инвестиционного назначения.

Ситуация на глобальных рынках охарактеризовалась рядом негативных тенденций: накапливающиеся риски замедления мирового экономического роста продолжили оказывать негативное воздействие на динамику фондовых индексов развивающихся стран, в то время как ключевые индексы акций развитых стран демонстрировали рост на фоне смягчения денежно-кредитной политики в этих странах; продолжилось снижение производственных индексов PMI в США и еврозоне. Темп роста ВВП Китая во II квартале 2019 года снизился до минимального уровня с 1992 года (6,2% в годовом выражении). Торговые переговоры между США и Китаем не принесли значимых положительных результатов, Дональд Трамп анонсировал введение новых пошлин на импорт китайских товаров. В целом в глобальной экономике сохранились риски торгового протекционизма, что укрепило опасения в отношении мирового экономического роста и выступило сдерживающим фактором более существенного повышения интереса инвесторов к рискованным активам.

⬇️ Результатом сворачивания активности на глобальных рынках стало снижение цен на большинство экспортируемых товаров: средние цены на нефть за первые 7 месяцев 2019 года пережили спад на 8,9%, на природный

газ – на 29,5%, на фосфатные удобрения – на 9,7%, на металлопрокат – на 3,9% (при этом дешевел как «плоский», так и «длинный» прокат; табл. 7). Компенсирующим ответом на снижение экспортных доходов российских металлургов стало повышение цен на металлопродукцию на российском рынке. За исключением арматуры, балки и швеллера, подорожали почти все виды проката (табл. 8).

В целом доминирующей тенденцией в российской экономике в январе – июле 2019 года стала стагнация. Существенно замедлилась динамика большинства основных социально-экономических показателей. Падают реальные доходы населения и объемы внешней торговли, не растут инвестиции в основной капитал и многие отрасли машиностроения. Накапливаются структурные дисбалансы в распределении и использовании доходов в экономике. В то же время есть моменты, которые в перспективе могут оказать положительное влияние на экономическую динамику. Это, прежде всего, рост доходов бюджета и бизнеса, развитие ряда секторов промышленности, увеличение потребности работодателей в работниках. Определенные надежды можно связывать также с «разгоном» реализации нацпроектов и возрастанием вклада государственных расходов в экономику. Глобально необходимы целенаправленные меры государства по реструктуризации сферы распределения доходов и сбережений в экономике и трансформации их в инвестиции, а также расширению источников развития потребительского спроса.

**Таблица 7. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС)
за тонну (на конец августа соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	595	739	688	80,5	86,5
Лист оцинкованный	Долл. США	643	864	760	74,4	84,6
Лист горячекатаный	Долл. США	525	653	605	80,4	86,8
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	528	611	583	86,4	90,6
Конструкционные профили	Долл. США	745	869	655	85,7	113,7
Сортовой прокат	Долл. США	635	681	610	93,2	104,1

**Таблица 8. Цены на металлопродукцию на российском рынке
за тонну (на конец августа соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	52186	49821	45192	104,7	115,5
Лист оцинкованный	Руб.	62878	62734	56424	100,2	111,4
Лист горячекатаный	Руб.	45974	44330	41343	103,7	111,2
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	40961	46348	38384	88,4	106,7
Балка и швеллер	Руб.	51243	51986	52044	98,6	98,5
Круг	Руб.	42031	41981	37351	100,1	112,5
Уголок	Руб.	43743	42452	45319	103,0	96,5

Источники: Росстат, Вологдастат, Центральный банк Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru, metalinfo.ru, www.indexmundi.com

Материал подготовили

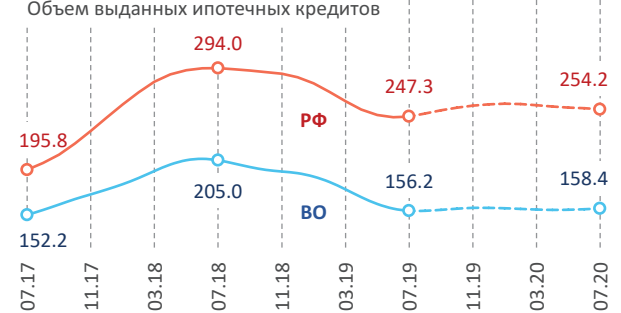
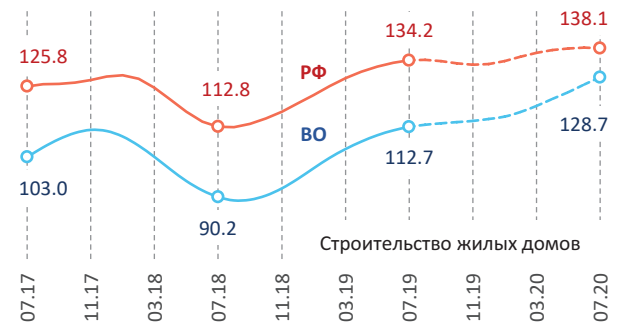
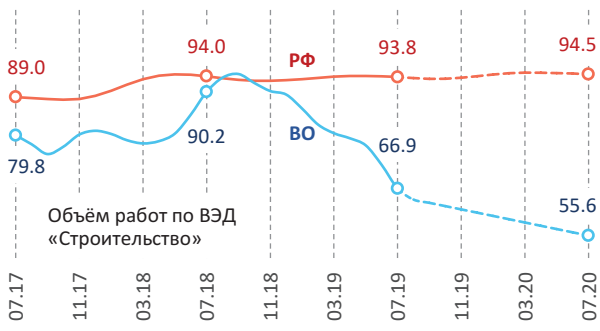
Е.В. Лукин

*кандидат экономических наук ведущий научный сотрудник
заместитель заведующего отделом ФГБУН ВолНЦ РАН*

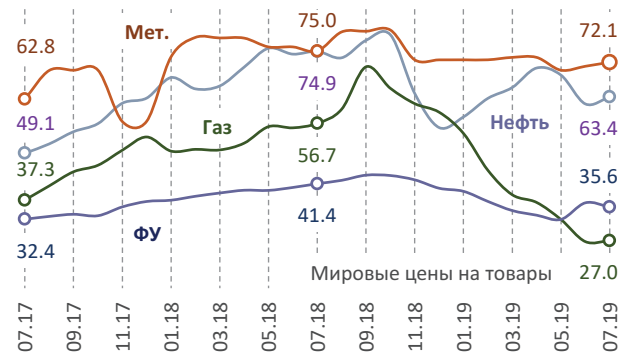
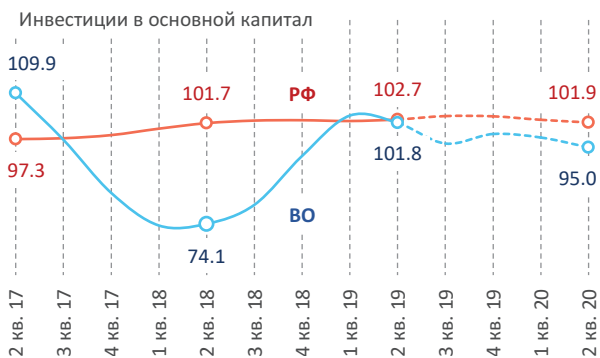
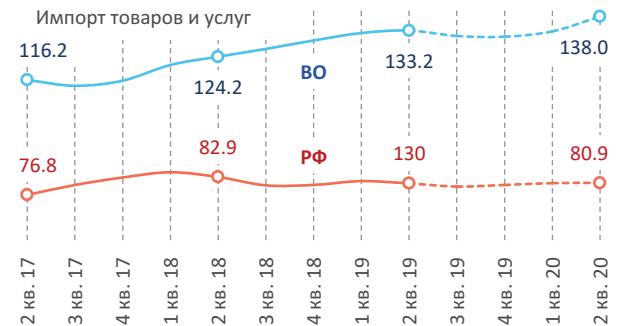
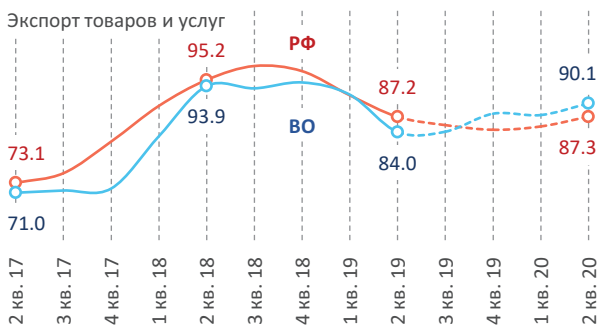
М.А. Сидоров

младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды инвестиций и внешней торговли в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

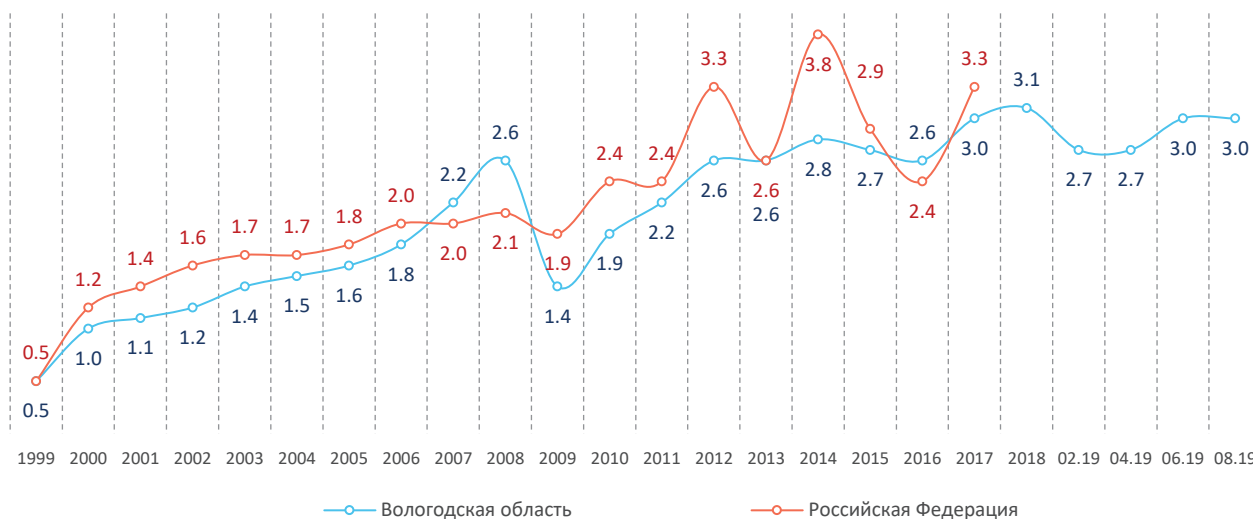

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

В течение лета не произошло изменений в социальном настроении жителей Вологодской области. Данный показатель составляет 3,0 раза.

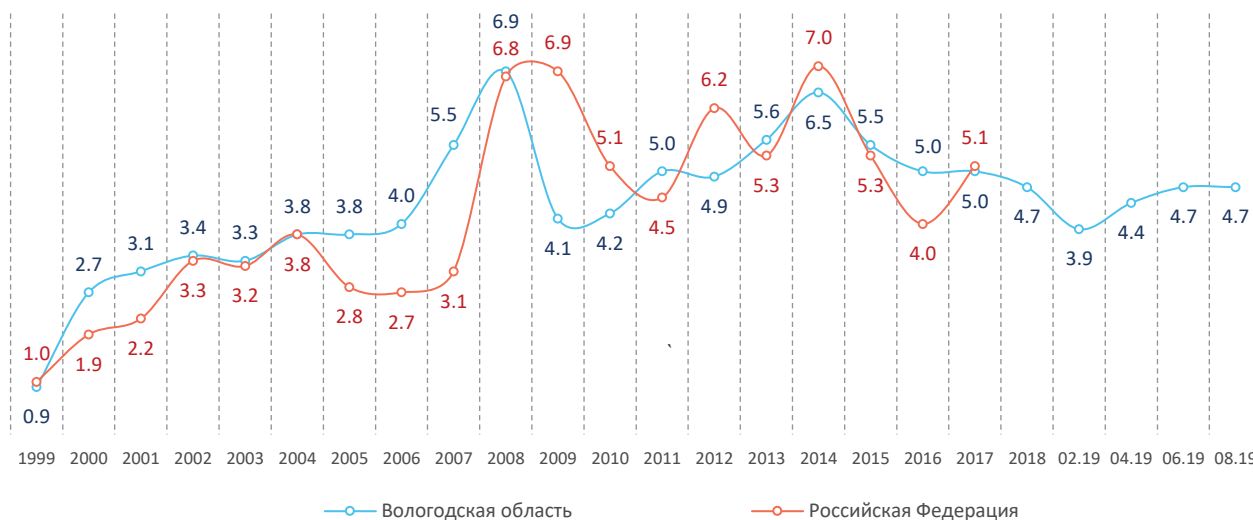

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

В августе 2019 года показатель запаса терпения жителей Вологодской области не изменился и находится на уровне июньского значения (4,7 раза).

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

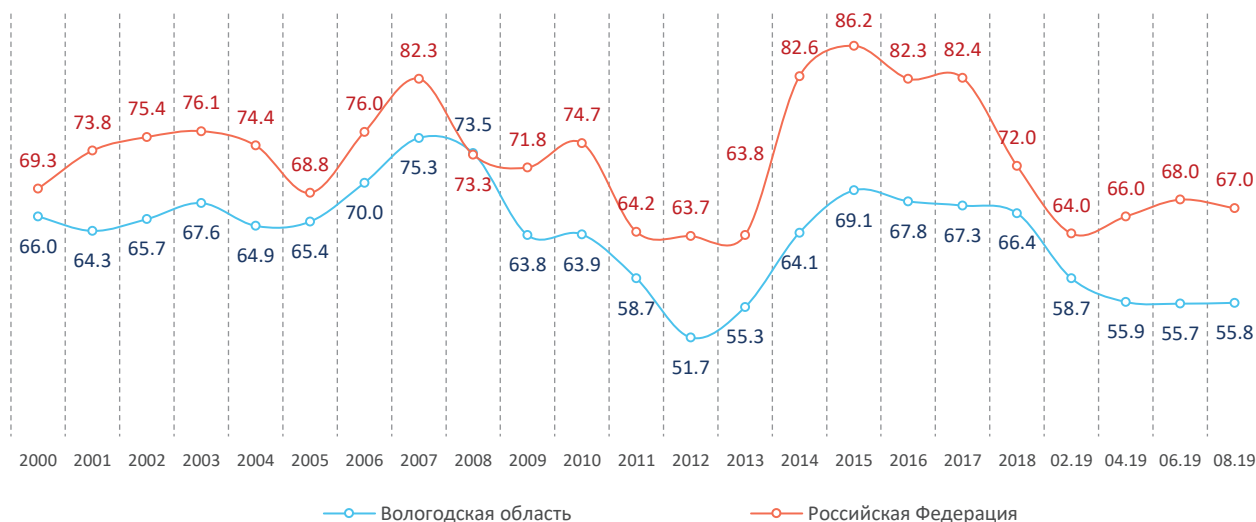

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2019 года не произошло изменений в отношении населения как Вологодской области, так и России в целом к деятельности Президента РФ. Уровень одобрения работы главы государства составляет 56% и 68–67% соответственно.

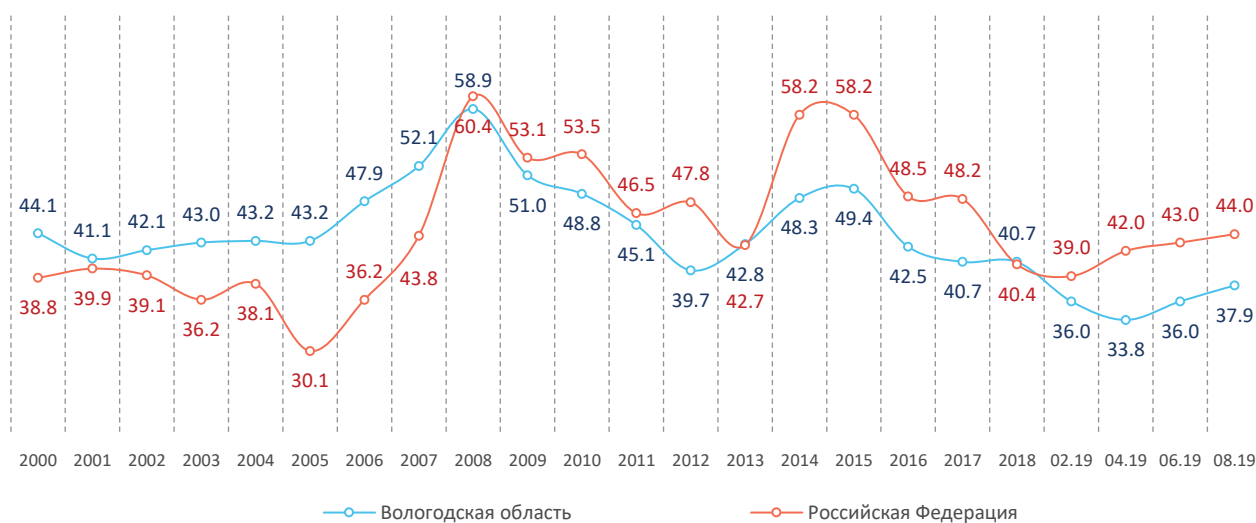

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2019 года не наблюдается существенных изменений в положительных оценках жителями Вологодской области деятельности Правительства РФ (36–38%). В целом по России данный показатель составляет 43–44%.

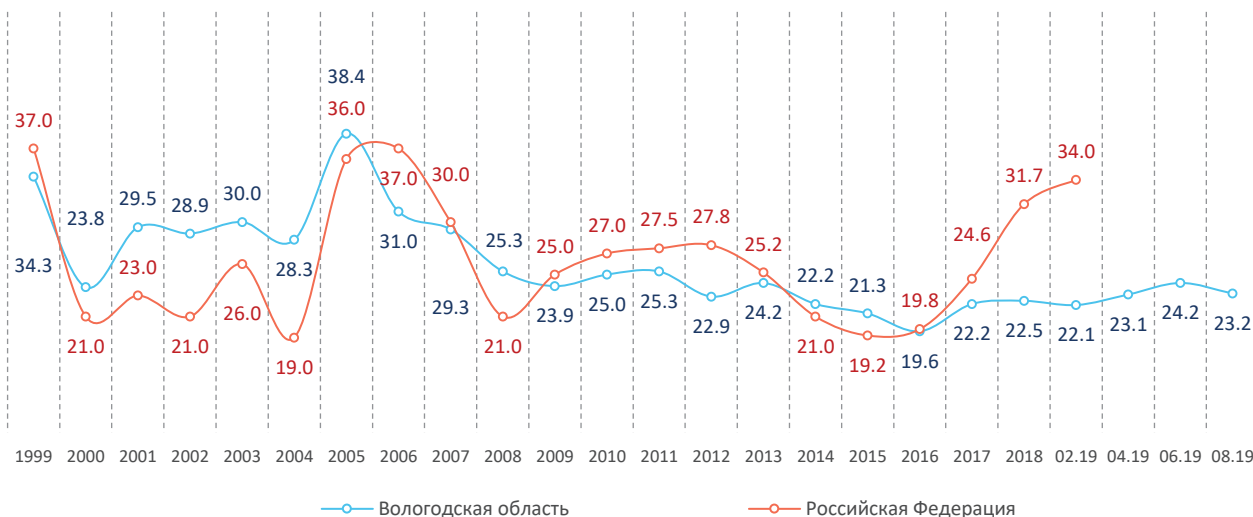

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

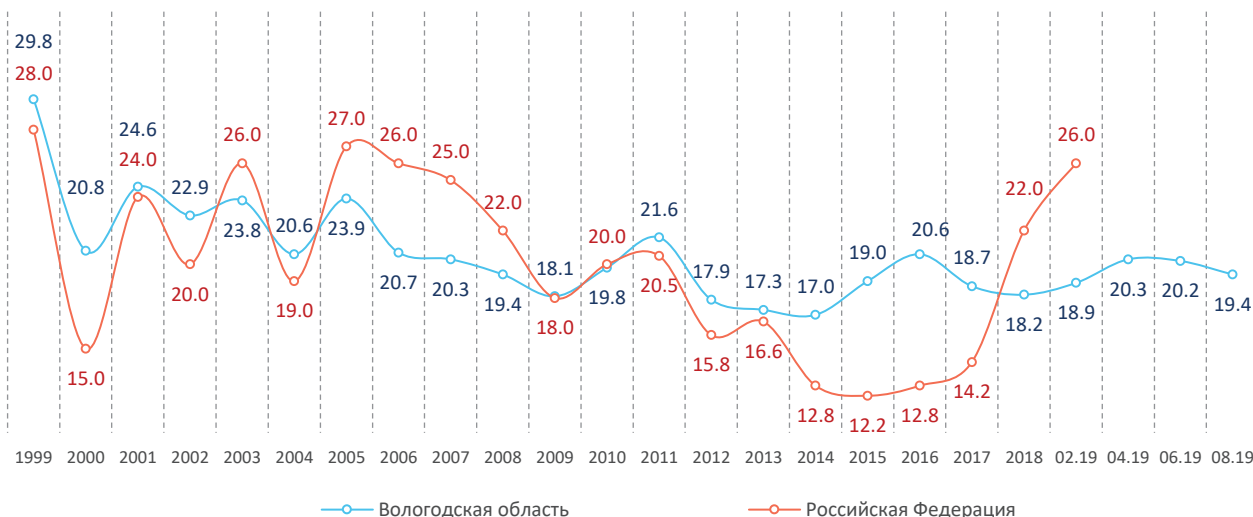

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В летний период не произошло существенных изменений в оценках жителями Вологодской области социальной напряженности в регионе. Доля тех, кто считает вероятными возникновение протестных выступлений, составляет 24–23%, а тех, кто отмечает свою готовность участия в них, – 20–19%.

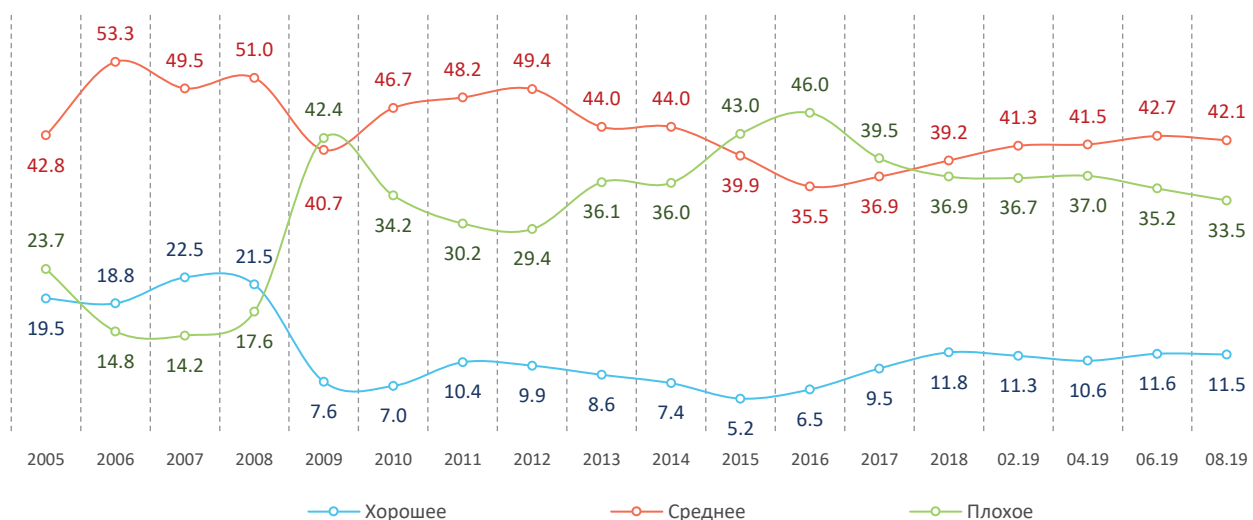

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С июня по август 2019 года не произошло существенных изменений в оценках населения Вологодской области экономического положения региона. Доля положительных суждений составляет 12%, нейтральных – 43–42%, отрицательных – 35–34%.

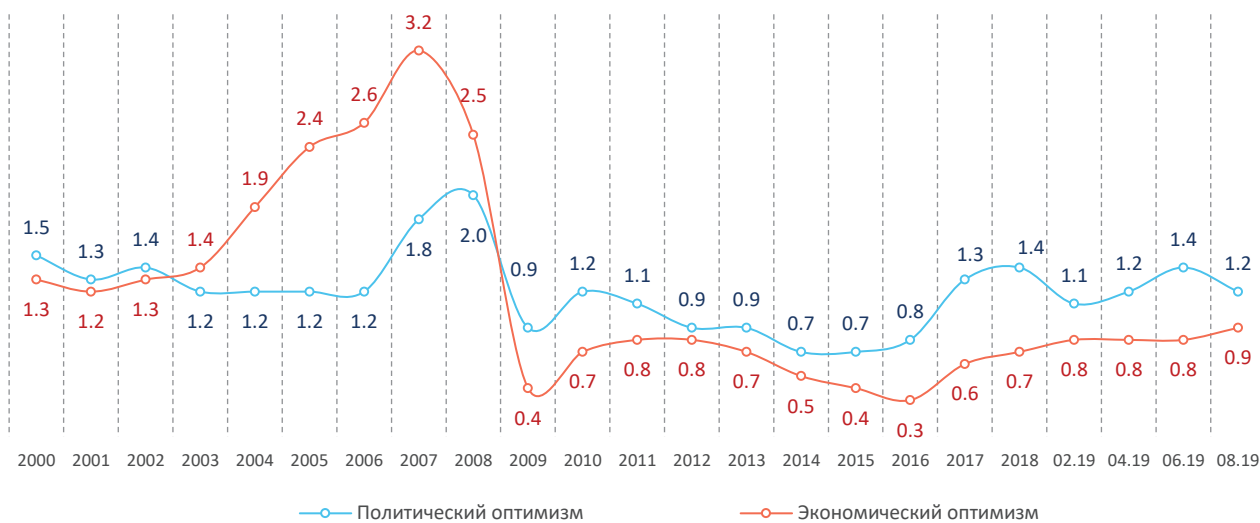

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

В августе 2019 года по сравнению с июнем т. г. индекс политического оптимизма несколько снизился (с 1,4 до 1,2 раза) и находится на уровне июньского значения. Индекс экономического оптимизма в течение лета практически не изменился и составляет 0,8–0,9 раза.

Материал подготовила Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2

УДК 338.47 | ББК 65.38

© Волкова Н.Н., Романюк Э.И.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ВОЛКОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

Институт экономики Российской академии наук
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: lituk.n@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7026-2856

РОМАНЮК ЭВЕЛИНА ИГОРЕВНА

Институт экономики Российской академии наук
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: romvel57@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3178-6451

Данная статья нацелена на изучение развития цифровой среды и ее дифференциации в разрезе субъектов РФ. Как известно, цифровая инфраструктура является материальной основой для четвертой промышленной революции. Она очень неоднородна в территориальном разрезе как на уровне государств, так и на уровне регионов отдельных государств, что приводит к тому, что разные регионы имеют разные возможности интеграции в современную экономику и среду обитания. В принятой в 2017 году программе «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагается организация мониторинга развития цифровой экономики, поэтому является актуальным создание объективного критерия, позволяющего оценить состояние цифровой среды в региональном разрезе. В статье авторы предложили методику расчета индекса цифровой среды, позволяющего провести сравнительный анализ ее состояния в разрезе субъектов РФ. Индекс включает три подындкса, характеризующих возможность физического доступа к телекоммуникационным сетям, степень использования этой инфраструктуры населением, а также показатели, которые отражают изменения

Для цитирования Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2

For citation: Volkova N.N., Romanyuk E.I. Digital environment development in Russian regions. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 38–52. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.2

инфраструктуры, необходимые для современного производства. Результатами данной работы, проведенной на основе данных Росстата, являются рассчитанные индексы цифровой среды для всех регионов России и федеральных округов в ее составе. В результате исследования авторы выявили неравномерность развития цифровой инфраструктуры на территории РФ, которая снижает связность информационного пространства. Проблемы в субъектах Федерации лежат в плоскости использования широкополосного доступа. Вложения в его развитие (особенно беспроводной компоненты) способствуют расширению возможностей использования новых информационных технологий предприятиями и населением, в том числе и в отдаленных районах России.

Цифровая экономика, инфраструктура, региональное развитие сравнительный анализ.

Введение

Становится общепризнанным, что мир перешел к четвертой промышленной революции, в основе которой лежат новые цифровые, биологические и физические технологии и их комбинации. Базой для этой революции являются развитие и доступность цифровых коммуникаций, обработка и хранение больших объемов данных, а также количество населения и его готовность воспринимать новые технологии.

Освещению различных аспектов развития цифровой экономики в настоящее время посвящено достаточно много материалов как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В качестве примера можно привести работы [1; 2; 3 и др.].

В рамках темы статьи возникает вопрос об измерении размера цифровой экономики той или иной страны, а также уровня ее развития в сопоставлении с другими странами. Проблема статистических измерений этого явления поднимается и в российской [4; 5], и в зарубежной литературе [6–8], однако однозначного решения пока нет.

Оценкой уровня развития стран с точки зрения готовности к цифровым изменениям занимаются разные международные организации. Так, индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) разрабатывает Всемирный экономический форум совместно с международной школой бизнеса INSEAD начиная с 2001 года. Он представлен в ежегодной серии докладов «Глобальный

отчет по информационным технологиям» (The Global Information Technology Report¹).

В отчете все страны оцениваются по четырем группам показателей: среда для использования и создания технологий (политическая, нормативная, деловая и инновационная); готовность стран с точки зрения информационно-коммуникационной инфраструктуры, ее доступности; принятие и использование технологий правительством, частным сектором и населением, а также экономическое и социальное воздействие новых технологий.

В последнем доступном отчете 2016 года Россия занимает 41 место с рейтингом 4,5 из максимальной оценки в 6 баллов, причем по уровню развития инфраструктуры наша страна занимает только 52 место со значением индекса 4,7 при медианном значении этого подынтекса по странам – 4,96, хотя по доступности интернета (тариф на мобильную связь и доступ в интернет) РФ находится на 10 месте.

Ряд показателей, отражающих цифровое развитие, включен в Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index), созданный профессором Колумбийского университета Ксавье Сала-и-Мартинем, публикуется в материалах Всемирного экономического форума с 2004 года, последний доступен за 2018 год². Среди подынтекозов рейтинга есть один, описывающий ИКТ-инфраструктуру. В этом рейтинге по общему показателю Россия занимает 43

¹ The Global Information Technology Report 2016 Innovating in the Digital Economy. URL: http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/GITR_2016_full%20report_final.pdf (accessed 20.03.2019).

² World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2018. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf> (accessed 20.03.2019).

место из 140 стран, а по уровню развития телекоммуникационной инфраструктуры – 25.

Необходимо отметить, что уровень развития ИКТ в России в рейтингах, даже созданных для одной организации, но разными людьми, оценивается по-разному, хотя состояние информационной инфраструктуры во многом определяет все остальные составляющие цифровой экономики. Высокий уровень цифрового бизнеса, внедрения цифровых технологий и хорошее состояние инновационной среды являются ключевыми характеристиками высокоинновационных стран. Это обстоятельство отмечается и другими исследователями⁵.

Сравнению стран по степени развитости информационной инфраструктуры посвящены доклады Международного союза электросвязи (МСЭ). Доклад МСЭ в 2018 году⁴ был посвящен анализу стоимости цифровых услуг в различных странах. А в отчете 2017 года был опубликован глобальный индекс «Измерение информационного общества» – Индекс развития ИКТ (IDI), в котором делается обзор состояния информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в разных странах мира на основе сопоставимых статистических данных 176 стран мира⁵. В отчете анализируется прогресс, достигнутый странами в продвижении к глобальному информационному обществу, на основе информации, которая каждая страна предоставляет о состоянии своей инфраструктуры. В рейтинге IDI в 2017 году первое место занимала Исландия с оценкой 8,98. Данные по России также отражаются в докладе МСЭ (наша страна находится на 45 месте с рангом 7,07).

В научной литературе также появились работы, исследующие уровень развития цифровой экономики в различных странах в сравнении с другими государствами [10; 11] или в различных транснациональных корпорациях [12].

Вопросы развития цифровой экономики в регионах России в последнее время получили освещение в отечественной экономической литературе. В качестве примеров можно привести работы, выполненные в Институте экономики Уральского отделения

РАН [13], в Сибирском федеральном университете [14; 15] или в Уфимском филиале Финансового университета при Правительстве Российской Федерации [16], в которых исследуются либо проблемы отдельных регионов, либо частные вопросы создания цифровой среды. Проблемам же региональной дифференциации цифровой инфраструктуры посвящено не так много исследований. Можно отметить работу, выполненную в МГУ, в которой оценивается степень развития цифровой экономики в регионах Российской Федерации [17]. Анализ основан на индикаторах, являющихся модифицированным индексом цифровой экономики и общества I-DESI, характеризующих инфраструктуру, человеческий капитал и цифровое правительство.

Еще одна статья, которую можно отметить, выполнена в Пермском государственном национальном исследовательском университете [18]. В ней проводится сравнительный анализ использования интернета в регионах России, но на основе балльной оценки.

Таким образом, можно констатировать, что вопросам развития собственно цифровой среды внимания уделено недостаточно.

Методика сравнительного анализа уровня развития цифровой среды

В июле 2017 года была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Программа), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года, направленная в том числе и на «создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках»⁶. Базовая составляющая формирования цифровой среды – информационная

⁶ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 20.03.2019).

инфраструктура, развитие которой входит в базовые направления Программы, целями ее развития являются совершенствование сетей связи для обеспечения потребностей цифровой экономики, а также «обеспечение единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Российской Федерации на всех уровнях информационного пространства»⁷.

Цифровая среда в территориальном разрезе очень неоднородна как на уровне государств, так и на уровне регионов отдельных государств, ей свойственно неравенство в уровне владения базовыми и стандартными навыками. Это, в свою очередь, приводит к тому, что разные регионы имеют разные возможности интеграции в современную экономику и среду обитания. Так, по данным Международного союза электросвязи (МСЭ), вероятность наличия навыков использования цифровой среды у лиц, проживающих в сельских районах, примерно на 10 процентных пунктов ниже, чем у городских жителей⁸.

В докладе МСЭ представлена Россия в целом. Для нашей страны этого явно недостаточно. Россия – большая страна, регионы которой различаются по уровню развития. Кроме того, Программа предполагает организацию мониторинга развития цифровой экономики, поэтому необходим объективный критерий, позволяющий оценить состояние цифровой среды в региональном разрезе.

В предыдущей работе авторов [19] была осуществлена попытка рассчитать индекс развития ИКТ по регионам России и сопоставить их уровень развития на основе методики МСЭ, которая включает 3 группы показателей: наличие доступа к ИКТ, использование информационно-коммуникационных технологий, а также навыки их ис-

пользования. Ключевые аспекты развития ИКТ интегрируются в единый показатель, что позволяет производить сравнения между странами.

Список показателей методики МСЭ следующий. Группа 1 – наличие квартирных телефонных аппаратов на 1000 чел.; число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи на 1000 человек населения; скорость доступа по сети Интернет в расчете на одного пользователя; удельный вес домохозяйств, имевших персональный компьютер; удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет. Группа 2 – население, использовавшее сеть Интернет; число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.; число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 человек. Группа 3 – число лет обучения; доля лиц с образованием выше начального; доля лиц с образованием выше общего среднего.

В первую группу входят данные, характеризующие возможность физического доступа к телекоммуникационным сетям, т. е. непосредственно наличие инфраструктуры средств связи. Во второй группе собраны показатели, которые свидетельствуют о степени использования этой инфраструктуры, а в третьей – о возможностях и навыках населения ее применять, что, по мнению экспертов МСЭ, может быть охарактеризовано продолжительностью обучения населения и уровнем его образования.

Приведенный выше список показателей не вполне применим для сопоставления готовности российских регионов к цифровым реалиям. Во-первых, в российской статистике недоступен показатель, характеризующий среднюю скорость доступа в интернет на одного пользователя. Информация о скорости передачи данных на 1 пользователя есть в отчетах, предоставляемых российской интернет-компанией Яндекс (см., например⁹), но эти сведения носят фрагментар-

⁷ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 20.03.2019).

⁸ Measuring the Information Society Report Volume 1 2018 © 2017 ITU International Telecommunication Union Place des Nations CH-1211 Geneva Switzerland. ISBN: 978-92-61-27221-0.

⁹ Развитие интернета в регионах России: исследование Яндекса. URL: <https://yandex.ru/company/>

ный характер, относятся только к городам и не содержат информации о скорости доступа в небольших населенных пунктах. Между тем, для информационной целостности страны как раз и важно наличие и условия связи именно в отдаленных уголках, в которых ряд услуг или дистанционное рабочее место недоступны без электронных средств информации с соответствующей пропускной способностью. Использование передовых технологий информационного общества, таких как интернет вещей, промышленный интернет или облачные вычисления, требует каналов связи с высокой пропускной способностью, а исследование авторов [19] показало, что наибольшие проблемы в субъектах федерации как раз лежат в плоскости использования широкополосного доступа.

В наших расчетах этот показатель был заменен на связанный с ним показатель «Объем информации, переданной от/к абонентам сети отчитывающегося оператора при доступе к сети Интернет, на 1 пользователя фиксированной и мобильной связи». Он так же как и исходный показатель характеризует ширину канала, но доступен в статистических источниках.

В уже упомянутой работе [19] были поставлены цели: сопоставление индекса развития ИКТ по регионам России и сравнение его с мировым уровнем, поэтому для корректности сравнения была использована методика МСЭ, опубликованная в отчете 2017 года. В результате данного исследования было продемонстрировано, что, с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий, все российские регионы находятся на уровне выше среднего, однако распределение индекса развития ИКТ по территории России очень неравномерно.

Однако исследование показало и некоторые пробелы в таком сопоставлении регионов России. Несовершенство методики сравнения признается и в документе МСЭ. Так, отмечается, что существуют пробелы в рядах данных по некоторым странам и группам, используется ограниченный набор научно-

методических инструментов для их сбора. Подчеркивается срочная необходимость в разработке средств измерения всего спектра оперативных навыков, навыков обработки информации, социального взаимодействия и создания контента.

С нашей точки зрения, указанная методика применительно к регионам России имеет два существенных недостатка. Во-первых, показатели, относящиеся к третьей группе индекса МСЭ, частично определены законодательно в пределах Российской Федерации и меняются очень слабо от региона к региону, в то время как показатели, включенные в первую и вторую группу, колеблются в довольно широких пределах. Второй недостаток заключается в том, что в рассмотрение включены только показатели, характеризующие использование сети Интернет и цифровые навыки исключительно населения. Применение интернета в работе предприятий не рассматривается, это было обусловлено тем, что на начальных этапах цифровые инновации в основном зависели от потребительского спроса. В настоящее время ситуация изменилась. Цифровые технологии позволяют предприятиям полностью переосмыслить используемые бизнес-модели, создать новую сеть работников и машин на новом уровне связности, который характеризует промышленный ландшафт. Это ведет к тому, что методика, используемая для сопоставления уровня развития цифровой среды, должна включать показатели ИКТ для предприятий. Поэтому она была модернизирована.

Результирующий индекс был назван «индексом цифровой среды». В него были включены данные об использовании цифровой инфраструктуры предприятиями. Итоговый список показателей приведен в *табл. 1*. Во втором столбце *табл. 1* представлен коэффициент, применяемый при нормировании показателя, а в столбцах 3 и 4 – весовые коэффициенты, используемые в формуле линейной свертки частных показателей в агрегированный индекс.

Как уже говорилось выше, первые две группы характеризуют «физические» воз-

researches/2016/ya_internet_regions_2016#jandeks.metrika

можности и навыки населения в работе с инфраструктурой цифрового общества. Третья группа включает те показатели, которые, с нашей точки зрения, характеризуют изменения инфраструктуры, необходимые для современного производства, такие как интернет вещей, промышленный интернет или облачные вычисления, которые требуют

каналов связи с высокой пропускной способностью¹⁰.

Без веб-представительства уже невозможно себе представить предприятие, работающее на рынке. Использование облачных

¹⁰ Об изменениях, вносимых в производственные процессы, облачными вычислениями см., например, [20].

Таблица 1. Список показателей, используемых в расчетах

Показатель	Нормирующее значение – p_{ij}	Весовой коэффициент – α_{ij}	Весовой коэффициент группы – β_j
Группа 1. Доступ			
Наличие квартирных телефонных аппаратов на 1000 чел.	600	0,20	0,33
Число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи на 1000 чел. населения	120	0,20	
Объем информации, переданной от/к абонентам сети отчитывающегося оператора при доступе к сети Интернет, на 1 пользователя фиксированной и мобильной связи	2137962	0,20	
Удельный вес домохозяйств, имевших персональный компьютер	100	0,20	
Удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет	100	0,20	
Группа 2. Использование			
Население, использовавшее сеть Интернет	100	0,33	0,33
Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел.	60	0,33	
Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, на 100 чел.	100	0,33	
Группа 3. Использование предприятиями			
Удельный вес организаций (в общем числе организаций предпринимательского сектора), использующих широкополосный интернет, %	100	0,17	0,33
Удельный вес организаций (в общем числе организаций предпринимательского сектора), использующих «облачные» сервисы, %	100	0,17	
Организации, имевшие веб-сайт, % от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ	100	0,17	
Использование электронного документооборота в организациях, электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, % от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ	100	0,17	
Организации, использовавшие специальные программные средства, % от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта РФ	100	0,17	
Удельный вес населения, использующего интернет для заказа товаров, услуг, % общей численности населения в возрасте 15–74 лет	100	0,17	
Источник: Measuring Society Report 2017, vol. 1, p. 27; данные Росстата.			

сервисов расширяет компьютерные мощности организации и повышает гибкость ее деятельности. Последний показатель в этой группе «Удельный вес населения, использующего интернет для заказа товаров, услуг» характеризует спрос со стороны населения на товары и услуги, предлагаемые онлайн-торговлей.

К сожалению, статистика такого нового явления, как цифровая экономика, также пока несовершенна. Она меняется вместе с самим феноменом. Показатели, приведенные в табл. 1, являются компромиссом относительно того, что, по мнению авторов, должно отражать развитие цифровой среды, и имеющихся в наличии статистических данных. Так, в статистических сборниках отсутствует информация о предприятиях, использующих большие массивы данных в своей деятельности, применение которых видоизменяет многие производственные подсистемы, поскольку позволяет учесть большое количество параметров.

На основании приведенных в табл. 1 показателей были рассчитаны региональные индексы цифровой среды. Расчеты проводились на основе данных Росстата за 2016 год¹¹ и сборника, выпускаемого НИУ ВШЭ¹². Для сопоставимости регионы, по которым зафиксированы значительные пропуски данных (Республика Крым и г. Севастополь), а также некоторые автономные округа были исключены из рейтинга. Процедура свертки показателей в агрегированный индекс стандартная:

$$I = 10 * \sum I_j * \beta_j,$$

где:

I_j – подындекс подгруппы j ;

β_j – весовой коэффициент подгруппы j .

$$I_j = \sum x_{ij} * a_i,$$

где:

x_{ij} – нормированное значение показателя i группы j ;

a_{ij} – весовой коэффициент при показателе i группы j .

$$x_{ij} = y_{ij} / p_{ij},$$

где:

y_{ij} – исходное значение показателя i группы j ;

p_{ij} – нормирующий коэффициент при показателе i группы j .

Величина всех коэффициентов приведена в табл.1.

Практические расчеты индекса цифровой среды в регионах России

В табл. 2 приведены результаты в разрезе федеральных округов, а табл. 3 содержит результаты по регионам России, упорядоченные по убыванию итогового индекса.

Как следует из табл. 2, наибольшие значения индекса, превышающие средний по России показатель, зафиксированы в Северо-Западном, Центральном и Уральском федеральных округах. Различия между минимальными (Северо-Кавказский федеральный округ) и максимальными значениями индексов колеблются от 1,22 (использование цифровой инфраструктуры предприятиями) до 1,42 раза (условия доступа населения).

Если рассмотреть каждый подындекс отдельно, то для первого из них лидеры те же, что и для индекса в целом, для второго – использование инфраструктуры населением – первые два места также у Северо-Западного и Центрального федеральных округов. На третьем месте Дальневосточный федеральный округ.

По поводу подыиндекса, ответственного за использование цифровой инфраструктуры на предприятиях, можно констатировать, что его значение меняется по федеральным округам не столь значительно (размах вариации для этого подыиндекса минимальный).

Распределение первых мест сохраняется, как и для общего индекса, а вот на последнем месте стоит Южный федеральный округ с его традиционной сельскохозяйственной ориентацией.

В табл. 3 приведены результаты расчета индекса по регионам России. Они также упорядочены по убыванию индекса цифровой среды. Ожидаемо на первых местах

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018. 1162 с.

¹² Индикаторы цифровой экономики: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

Таблица 2. Индекс цифровой среды в разрезе субъектов РФ

Регион	Население		Предприятия, использование	Индекс цифровой среды
	доступ	использование		
Российская Федерация	7,91	5,89	5,67	6,42
Северо-Западный федеральный округ	8,82	6,32	6,14	7,02
Центральный федеральный округ	8,64	6,44	6,06	6,98
Уральский федеральный округ	7,91	5,56	5,76	6,34
Дальневосточный федеральный округ	7,52	6,14	5,46	6,31
Приволжский федеральный округ	7,54	5,82	5,53	6,23
Сибирский федеральный округ	7,47	5,58	5,40	6,09
Южный федеральный округ	7,47	5,44	5,02	5,91
Северо-Кавказский федеральный округ	6,22	4,93	5,15	5,38

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3 Индекс цифровой среды в разрезе субъектов РФ

Регионы	Население		Предприятия, использование	Индекс циф- ровой среды
	доступ	исполь- зование		
Российская Федерация	7,91	5,89	5,67	6,42
г. Москва	9,83	7,95	6,93	8,15
г. Санкт-Петербург	10,02	7,23	6,38	7,80
Московская область	9,17	6,96	5,65	7,19
Ямало-Ненецкий автономный округ	9,19	6,51	6,04	7,17
Ленинградская область	8,94	5,88	6,00	6,87
Иркутская область	8,91	6,86	5,00	6,85
Мурманская область	8,48	6,10	6,11	6,83
Республика Татарстан	8,00	6,56	5,90	6,75
Камчатский край	7,73	6,77	5,91	6,74
Калининградская область	8,30	6,46	5,61	6,72
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	8,44	6,01	5,80	6,68
Хабаровский край	7,75	6,41	6,05	6,67
Республика Коми	8,07	6,65	5,43	6,65
Тюменская область	8,40	5,97	5,69	6,62
Магаданская область	8,04	6,99	5,01	6,62
Тульская область	8,43	5,96	5,46	6,55
Нижегородская область	7,78	5,97	5,96	6,51
Республика Карелия	7,94	5,79	5,81	6,45
Краснодарский край	8,27	6,42	4,82	6,44
Ярославская область	7,66	5,92	5,80	6,39
Чукотский автономный округ	7,73	6,66	4,80	6,33

Регионы	Население		Предприятия, использование	Индекс циф- ровой среды
	доступ	исполь- зование		
Оренбургская область	7,64	5,78	5,74	6,32
Свердловская область	7,77	5,59	5,74	6,31
Смоленская область	8,01	5,41	5,66	6,30
Приморский край	7,80	6,14	5,07	6,27
Республика Башкортостан	7,41	5,95	5,45	6,21
Новгородская область	7,58	5,27	5,95	6,20
Ивановская область	7,32	5,63	5,77	6,18
Новосибирская область	7,69	6,30	4,61	6,14
Белгородская область	7,44	5,04	6,11	6,13
Самарская область	7,82	6,33	4,40	6,12
Калужская область	7,66	5,44	5,42	6,11
Сахалинская область	7,58	5,94	5,00	6,11
Чувашская Республика	7,08	5,72	5,72	6,11
Владимирская область	7,53	5,35	5,57	6,09
Ростовская область	7,93	5,52	4,99	6,09
Челябинская область	7,87	5,19	5,35	6,07
Архангельская область	7,79	5,41	5,15	6,06
Воронежская область	7,84	5,07	5,40	6,04
Пензенская область	7,26	5,66	5,33	6,02
Республика Саха (Якутия)	7,03	6,20	4,95	6,00
Удмуртская Республика	7,27	5,70	5,19	5,99
Кировская область	7,29	5,33	5,49	5,98
Ставропольский край	7,03	5,65	5,44	5,98
Красноярский край	7,13	5,66	5,31	5,97
Томская область	7,26	5,68	5,13	5,96

Регионы	Население		Предприятия, использование	Индекс циф- ровой среды
	Доступ	исполь- зование		
Астраханская область	7,26	5,79	5,01	5,96
Орловская область	7,71	4,98	5,37	5,96
Курская область	7,33	5,38	5,34	5,96
Ульяновская область	7,51	5,59	4,90	5,94
Рязанская область	7,30	5,20	5,49	5,93
Пермский край	7,56	4,59	5,80	5,92
Липецкая область	7,36	4,86	5,69	5,91
Вологодская область	7,22	5,16	5,44	5,88
Псковская область	7,52	4,90	5,37	5,87
Алтайский край	7,11	5,42	5,16	5,84
Костромская область	7,53	5,41	4,73	5,83
Кемеровская область	7,39	5,21	5,06	5,83
Волгоградская область	7,33	5,49	4,83	5,82
Тверская область	7,62	5,27	4,66	5,79
Республика Алтай	6,47	4,94	6,14	5,79
Омская область	7,74	4,90	4,91	5,79
Республика Марий Эл	7,29	5,39	4,84	5,78
Республика Хакасия	7,09	5,22	5,20	5,78
Брянская область	7,28	4,78	5,42	5,77
Тамбовская область	7,32	4,66	5,48	5,76
Саратовская область	7,23	5,82	4,37	5,75
Амурская область	6,87	5,57	4,70	5,66
Республика Мордовия	7,14	5,24	4,58	5,60
Республика Калмыкия	6,79	5,31	4,65	5,53
Забайкальский край	6,66	4,96	5,06	5,50
Республика Северная Осетия – Алания	7,05	5,14	4,39	5,47
Курганская область	6,78	5,08	4,58	5,43
Кабардино-Балкарская Республика	6,38	5,20	4,62	5,35
Еврейская автономная область	6,80	4,77	4,58	5,33
Республика Адыгея	6,20	4,99	4,90	5,31
Республика Бурятия	6,51	4,42	5,01	5,26
Карачаево-Черкесская Республика	6,49	4,79	4,54	5,22
Республика Ингушетия	5,91	4,35	5,38	5,16
Республика Тыва	6,05	3,84	5,23	4,99
Республика Дагестан	5,40	4,24	3,96	4,49
Чеченская Республика	4,97	4,97	3,44	4,41
Источник: расчеты авторов.				

расположились Москва и Санкт-Петербург, а также прилегающие к ним области. Также в лидерах богатые, специализирующиеся на добывающем производстве Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Анализируя список регионов, находящихся на лидирующих позициях, можно заметить, что величина индекса зависит, естественно, от финансового состояния территории. Почти все субъекты федерации – доноры, не получающие дотаций на бюджетную обеспеченность, находятся во главе списка по общему индексу цифровой среды. Кроме перечисленных выше территорий высокие позиции в рейтинге занимают еще промышленно развитые Республика Татарстан и Тюменская область. Некоторое исключение составляют Самарская, Сахалинская и Свердловская области, относимые Минфином к регионам-донорам, но имеющие индекс развития цифровой среды ближе к медианному (6,03), хотя значения индекса в этих регионах все-таки выше среднероссийского значения. В нижних строчках рейтинга находятся территории Северного Кавказа.

В первых двух подындексах ситуация похожа на распределение по всему индексу. Интерес представляет распределение регионов по значению третьего подындекса. Так, при сохранении Москвой и Санкт-Петербургом передовых позиций в лидирующей группе появляются Республика Алтай, Мурманская и Белгородская области, а также Хабаровский край, хотя причины разные. Области европейской части России (Белгородская и Мурманская) и Хабаровский край имеют высокие значения показателей, характеризующих использование организациями широкополосного интернета, электронного документооборота и «облачных» сервисов, а также удельный вес населения, использующего интернет для заказа товаров, услуг, в общей численности населения в возрасте 15–74 лет. Последний показатель, с нашей точки зрения, стимулирует спрос на онлайн-торговлю. В Алтайском крае повысить итоговое значение подындекса по группе, характеризующей использование цифровой инфраструктуры в организациях,

позволяют показатели наличия веб-сайта, использования электронного документооборота и, особенно, удельного веса населения, использующего интернет для заказа товаров и услуг, в то время как использование широкополосного интернета находится на среднем уровне.

Необходимо отметить, что использование широкополосного интернета населением и организациями различается. Показатель для организаций существенно выше, что вполне объяснимо, поскольку финансовые возможности последних значительно больше. Существенные проблемы с использованием широкополосного доступа имеются у населения. Это может очень негативно сказаться на применении передовых технологий информационного общества, нацеленных на развитие человеческого капитала, таких как телемедицина, дистанционное образование или удаленная работа и т. п. Кроме того, это обстоятельство ставит население в неравные условия по возможности использовать эти услуги и приводит к разрывам целостности цифрового пространства.

Сравним полученные в данном исследовании результаты с предыдущим рейтингом, рассчитанным по методологии МСЭ [19]. Результаты расчетов сведены в табл. 4. Заме-на третьей группы показателей в работе [19], которая мало влияла на результаты рейтинга регионов РФ, на показатели использования цифровой инфраструктуры предприятиями и организациями позволяет косвенно оценить влияние бизнес-использования сети Интернет на общий уровень цифровой готовности региона.

Включение в рейтинг данных об использовании цифровой инфраструктуры предприятиями и организациями существенно изменило позиции, занимаемые в нем теми или иными субъектами федерации, хотя первые 4 места остались без изменения. Включение в рейтинг показателей, определяющих использование цифровой инфраструктуры, не повлияло на лидирующие позиции Москвы и Санкт-Петербурга, Московской области и Ямало-Ненецкого автономного округа. Большая часть регионов мало изменила

Таблица 4. Рейтинг регионов России по уровню развития цифровой инфраструктуры

Регион	С учетом предприятий	
	да	нет
г. Москва	1	1
г. Санкт-Петербург	2	2
Московская область	3	3
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	4
Ленинградская область	5	8
Иркутская область	6	5
Мурманская область	7	12
Республика Татарстан	8	15
Камчатский край	9	9
Калининградская область	10	7
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	11	10
Хабаровский край	12	16
Республика Коми	13	11
Тюменская область	14	14
Магаданская область	15	6
Тульская область	16	18
Нижегородская область	17	21
Республика Карелия	18	22
Краснодарский край	19	13
Ярославская область	20	23
Чукотский автономный округ	21	37
Оренбургская область	22	27
Свердловская область	23	26
Смоленская область	24	25
Приморский край	25	20
Республика Башкортостан	26	30
Новгородская область	27	40
Ивановская область	28	38
Новосибирская область	29	19
Белгородская область	30	54
Самарская область	31	17
Калужская область	32	29
Сахалинская область	33	67
Чувашская Республика	34	48
Владимирская область	35	45
Ростовская область	36	24
Челябинская область	37	33
Архангельская область	38	32
Воронежская область	39	43
Пензенская область	40	41

Регион	С учетом предприятий	
	да	нет
Республика Саха (Якутия)	41	28
Удмуртская Республика	42	39
Кировская область	43	61
Ставропольский край	44	50
Красноярский край	45	47
Томская область	46	31
Астраханская область	47	35
Орловская область	48	49
Курская область	49	53
Ульяновская область	50	36
Рязанская область	51	56
Пермский край	52	68
Липецкая область	53	65
Вологодская область	54	62
Псковская область	55	63
Алтайский край	56	59
Костромская область	57	42
Кемеровская область	58	55
Волгоградская область	59	44
Тверская область	60	46
Республика Алтай	61	75
Омская область	62	52
Республика Марий Эл	63	51
Республика Хакасия	64	64
Брянская область	65	69
Тамбовская область	66	70
Саратовская область	67	34
Амурская область	68	60
Республика Мордовия	69	58
Республика Калмыкия	70	66
Забайкальский край	71	73
Республика Северная Осетия – Алания	72	57
Курганская область	73	71
Кабардино-Балкарская Республика	74	72
Еврейская автономная область	75	79
Республика Адыгея	76	76
Республика Бурятия	77	77
Карачаево-Черкесская Республика	78	74
Республика Ингушетия	79	78
Республика Тыва	80	80
Республика Дагестан	81	82
Чеченская Республика	82	81
Источник: расчеты авторов.		

свои позиции в обоих рейтингах, что может свидетельствовать о равномерном развитии цифровой среды на данных территориях. Однако есть субъекты РФ, место которых в рейтинге изменилось очень значительно.

Интересно проследить, за счет каких показателей произошли эти резкие перемены. Так, в регионах, значительно поднявшихся в рейтинге при учете показателей предприятий и организаций (Чукотский автономный округ, Новгородская, Сахалинская области, Республика Чувашия, Кировская область, Пермский край, а также Липецкая область), значения таких критериев, как использование широкополосного интернета в предпринимательском секторе, электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, а также удельный вес населения, использующего интернет для заказа товаров, превышают средние по России. В некоторых из них вместо показателя электронного документооборота появляется показатель, характеризующий использование специальных программных средств предприятиями и организациями. Здесь нужно сделать следующее замечание: для эффективной работы с внешними информационными системами, а также для использования специальных программных средств, включающих такие важные для организации производственных процессов в современных условиях системы, как системы управления взаимоотношениями с клиентами, контроля движения товаров на предприятии или системы управления всеми ресурсами предприятия, необходим качественный широкополосный доступ.

В это время показатели использования цифровой инфраструктуры населением в этих субъектах федерации либо находятся на среднероссийском уровне (для тех из них, которые расположены в верхней части рейтинга), либо существенно отстают от среднероссийского уровня по показателю «Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ к сети Интернет». Таким образом, инфраструктура широкополосного доступа как проводного, так и беспроводного позволяет регио-

нам занять более высокие позиции в рейтинге, подтягивая другие показатели, опирающиеся на телекоммуникационную инфраструктуру. Особенно важным становится это при внедрении мобильной связи нового поколения 5G, которая необходима для подключения мобильных производственных единиц, мобильной телемедицины, а не только для использования населением¹⁵.

Этот же вывод подтверждает и анализ индексов для тех регионов, рейтинг которых резко ухудшился при учете использования инфраструктуры предприятиями и организациями. Это – Республика Саха, Самарская, Ростовская, Томская, Ульяновская, Костромская, Волгоградская, Тверская и Саратовская области, а также Республика Северная Осетия – Алания. Во всех этих регионах показатель использования широкополосного доступа коммерческими предприятиями существенно ниже среднероссийского уровня, также как и использование коммерческим сектором специального программного обеспечения. Невелика доля населения, использующего интернет для заказа товаров и услуг. В первых двух подындексах в этих регионах доля населения, пользующегося сетью Интернет, относительно высокая, но мобильный широкополосный интернет распространён недостаточно. На большинстве этих территорий, которые расположены во второй части таблицы рейтингов, распространённость мобильного широкополосного доступа населения к сети Интернет ниже среднероссийского уровня.

Проведенный анализ является предварительным. В дальнейшем авторы предполагают исследовать взаимосвязь ряда ма-

кроэкономических показателей регионов и индекса использования цифровой инфраструктуры.

Таким образом, основные выводы, которые можно сделать на этом этапе, заключаются в следующем. Развитие цифровой инфраструктуры по территории Российской Федерации неравномерно, что снижает связность информационного пространства. Использование цифровой инфраструктуры населением и коммерческим сектором неодинаково. Для предприятий и организаций наличие хорошего широкополосного доступа определяет и возможность эффективного использования современных средств ведения электронного бизнеса, таких как электронный документооборот и взаимодействие с внешними информационными базами, а также программными средствами для управления бизнесом. Таким образом, вложения в инфраструктуру широкополосного доступа (особенно беспроводную) позволят расширить возможности использования новых информационных технологий, в том числе и в отдаленных районах России.

Предлагаемый в статье индекс оценки развития цифровой среды в регионах России дает объективную оценку для сравнительного анализа ее состояния в территориальном разрезе и может способствовать принятию своевременных и обоснованных управленческих решений. Кроме того, данная работа создает базу для дальнейших исследований в этой области, может быть полезна для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкого круга специалистов по экономике, занимающихся цифровой экономикой.

¹⁵ В Программе также уделено большое внимание развитию этих направлений инфраструктуры. В ней предполагается увеличение доли домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, до 97% и создание устойчивого покрытия беспроводной мобильной связи 5G во всех крупных городах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vogelsang M. *Digitalization in Open Economies: Theory and Policy. Implications*. Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. 270 p.
2. Kende M., Jimenez M. Explaining the Digital Divide in Brazil. *Internet Society*, 2015, 7 September. Available at: www.internetsociety.org/blog/2015/09/explaining-the-digital-divide-in-brazil (accessed 01.02.2019).
3. Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 58–69. DOI: 10.26794/1999-849X2018-11-2-58-69
4. Суринов А.Е. Цифровая экономика: вызовы для российской статистики // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 3. С. 3–14.
5. Шпаковская Е.П. Статистика и цифровая экономика // Вестн. каф. статистики Рос. экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. Статистические исследования социально-экономического развития России и перспективы устойчивого роста: мат-лы и докл., 21–25 мая 2018 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 322–325.
6. Gumah M.E., Jamaludin Z. What is the digital economy, and how to measure it. *Knowledge Management International Conference and Exhibitio*. Kedah, Malaysia: Universiti Utara Malaysia, 2006, pp. 378–382. Available at: <http://repo.uum.edu.my/id/eprint/10810>
7. Bukht R., Heeks R. Defining Conceptualising and Measuring the Digital Economy. *International organizations research journal*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
8. Головенчик Г.Г., Ковалев М.М. Цифровая трансформация и экономический рост (на примере Белорусской экономики) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. 2018. № 1. С. 102–121.
9. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий / А.В. Гиглауый [и др.] // Форсайт. 2013. Т. 7. № 3. С. 6–24.
10. Загайнова Л.А., Кузовкова Т.А. Оценка динамики развития сектора инфокоммуникационных технологий в России, США и Германии // Телекоммуникации и информационные технологии. 2016. Т. 3. № 2. С. 69–72.
11. Watanabea C., Touc Y., Neittaanmäkia P. A new paradox of the digital economy – Structural sources of the limitation of GDP statistics. *Technology in Society*, 2018, vol. 55, pp. 9–23. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X17302385/pdf?md5=e86c492796cd9a0ee17339945220adc3&pid=1-s2.0-S0160791X17302385-main.pdf>
12. Naveed K., Watanabea C., Neittaanmäkia P. The transformative direction of innovation toward an IoT-based society – Increasing dependency on uncaptured GDP in global ICT firms. *Technology in Society*, 2018, vol. 53, pp. 23–46.
13. Романова О.А. Стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте вызовов цифровой экономики // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2018. Т. 19. № 3. С. 55–68.
14. Аврамчикова Н.Т., Батукова Л.Р., Чувашова М.Н. Теоретические положения перехода отдаленных и слабозаселенных регионов к информационной экономике // Фундамент. исслед. 2017. № 9 (1). С. 117–121.
15. Развитие цифровой экономики в регионах России: проблемы и возможности (на примере Республики Башкортостан) / Н.Д. Бублик [и др.] // Регион. экономика и управление. 2018. № 1 (53). URL: <http://eee-region.ru/article/5313> (дата обращения 25.03.2019).
16. Блануца В.И. Территориальная структура цифровой экономики России: предварительная делимитация «умных» городских агломераций и регионов // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 17–35.

17. Бобылев С.Н., Тикунов В.С. Черешня О.Ю. Уровень развития цифровой экономики в регионах России // Вестн. Моск. ун-та. 2018. Сер. 5 «География». № 5. С. 27–35.
18. Байбакова А.А. Территориальные различия использования интернета для развития цифровой экономики в регионах России // Цифровая экономика и индустрия 4.0: новые вызовы: тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 192–199.
19. Волкова Н.Н. Индекс развития ИКТ российских регионов // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4 (93). С. 1305–1309.
20. Аншина М.Л. Взгляд на место облачных технологий в промышленной автоматизации // Автоматизация в промышленности. 2013. № 4. С. 4–6. URL: <http://avtprom.ru/article/vzglyad-na-mesto-oblachnykh-tekh>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Наталия Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. E-mail: lituk.n@gmail.com. Тел.: +7(499) 124-20-53.

Романюк Эвелина Игоревна – научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. E-mail: romvel57@yandex.ru. Тел.: +7(499) 724-15-41.

Volkova N.N., Romanyuk E.I.

DIGITAL ENVIRONMENT DEVELOPMENT IN RUSSIAN REGIONS

The article is aimed at studying the development of the digital environment and its differentiation in the context of the subjects of the Russian Federation. As is well known, digital infrastructure is the material foundation for the fourth industrial revolution. It is very heterogeneous in the territorial context both at the state level and at the regional level of individual states which leads to the fact that different regions have different possibilities of integration into the modern economy and habitat. In the program “Digital Economy of the Russian Federation” adopted in 2017, it is planned to monitor the digital economy development; therefore, the creation of an objective criterion allowing to assess the state of the digital environment in a regional context is relevant. In the article, the authors proposed a methodology for calculating the digital environment index allowing to make a comparative analysis of its state in the context of the subjects of the Russian Federation. The index includes three sub-indexes characterizing the possibility of physical access to telecommunication networks, the degree of this infrastructure use by the population, as well as indicators reflecting the infrastructure changes necessary for modern production. The results of the work carried out on the basis of Rosstat data are the calculated indices of the digital environment for all regions of Russia and federal districts in its composition. As a result of the study, the authors revealed the uneven development of digital infrastructure in the Russian Federation, which reduces the connectivity of the information space. In the subjects of the Russian Federation the problems are connected with the use of broadband access. Investments in its development (especially wireless components) contribute to expanding the possibilities of using new information technologies by enterprises and the population, including in the remote regions of Russia.

Digital economy, infrastructure, regional development, comparative analysis.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Volkova Nataliya Nikolaevna – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: lituk.n@gmail.com. Phone: +7(499) 124-20-53.

Romanyuk Evelina Igorevna – Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: romvel57@yandex.ru. Phone: +7(499) 724-15-41.

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.3

УДК 332.1 | ББК 65.49

© Попов Е.В., Семячков К.А.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ¹

ПОПОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: epopov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5513-5020; ResearcherID: H-3358-2015

СЕМЯЧКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: k.semyachkov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0998-0183; ResearcherID: F-6974-2017

Целью настоящего исследования является совершенствование инструментов выбора проектов по внедрению цифровых технологий в условиях концепции «умного города». Новизна работы заключается в развитии подходов к оптимизации процессов цифровизации городской среды. Выявлены основные особенности и проанализированы условия эффективного функционирования «умных городов». Среди основных компонент, рассматриваемых при формировании «умных городов», выделены такие аспекты, как экологический, социальный, экономический, институциональный. В работе систематизированы основные направления внедрения цифровых технологий, представлены принципы институционального моделирования. Показано, что уровень технологичности и интеграции цифровых платформ зависит от ряда направлений, наиболее ресурсоемкими из которых в настоящее время являются нормативное регулирование, цифровая инфраструктура, кадры и образование, информационная безопасность. Предложена модель оптимизации выбора приоритетных проектов в рамках цифровизации городской среды. Данная модель предполагает выбор проектов по цифровизации исходя из рассмотрения уровня их технологичности, а также выгод от их реализации. В рамках модели показано, что оптимальными вариантами

Для цитирования Попов Е.В., Семячков К.А. Оптимизация процессов цифровизации городской среды // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 53–63. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.3

For citation: Popov E.V., Semyachkov K.A. Optimization of the urban environment digitalization processes. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 53–63. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.3

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-00-00665.

являются такие проекты, которые максимальным образом снижают транзакционные издержки, а также относительно дешевы во внедрении. На основе теоретической модели цифровизации нами предложена матрица проектов в координатах уровень «технологичности (затраты на внедрение) / выгоды от внедрения (снижение транзакционных издержек)». В результате с помощью указанной матрицы систематизированы проекты по цифровизации на примере города Екатеринбурга.

«Умный город», цифровая экономика, модель, транзакционные издержки, матрица проектов.

Ряд факторов технологического и общественного характера, таких как цифровизация и урбанизация, трансформировал принципы функционирования социально-экономических систем в начале нового столетия. Изменения наблюдаются на разных уровнях и в различных сферах, в том числе и в вопросах развития современных городов. Сейчас известен широкий спектр концепций развития городов («умный город», «цифровой город», «город знаний»), которые учитывают принципы развития территорий в условиях ограниченных ресурсов, неблагоприятной экологической обстановки, демографических вызовов и других ограничений [1]. Технологическим базисом развития таких систем являются цифровые технологии, способствующие развитию информационных процессов, содействующие творчеству и инновациям. Особенности территориального развития в таких условиях предполагают глубокие изменения в социально-экономических отношениях, при этом сами являются источником изменений в различных сферах, таких как экономика, политика, культура.

Эра цифровых технологий коренным образом меняет принципы функционирования городских сообществ. Социальное развитие в новых условиях связывается прежде всего с созданием социальных инноваций, развитием партнерских отношений и устойчивых социальных сообществ, вовлечением граждан в решение общественных проблем. Новые вызовы современности, экономические, демографические и экологические проблемы заставляют создавать сообщества на принципах открытости, вовлеченности, информированности. Инструментами общественного развития в таких условиях выступают интеллектуальные системы на

основе облачных вычислений и удаленных хранилищ данных, системы онлайн-сотрудничества и социальные сети [2].

Концепция «умного города» (smart city) отражает идею эффективной социально-экономической организации на основе цифровых технологий. Тем не менее проблемы усложняющихся социально-экономических систем не могут быть решены только за счет повышения уровня цифровизации. Поэтому социальные и экологические аспекты также являются важными элементами концепции «умного города». Зачастую выделяют [3] четыре направления развития, являющихся ключевыми в процессах создания «умных» городов: экологический аспект связан с необходимостью сохранения окружающей среды; социальный аспект связан с удовлетворением потребностей общества; экономический аспект связан с эффективностью производственных процессов; институциональный аспект связан с развитием институциональной среды, формальных и неформальных институтов.

Использование цифровых технологий может рассматриваться и как организационная проблема, и как движущая сила, которая меняет социальную среду. При этом необходимо отметить, что цифровые инновации – это инструмент для достижения цели, а не самоцель.

В связи с этим возникает ряд вопросов, как следует понимать конечную цель создания «умного города». В ряде случаев под этим вопросом может пониматься улучшение функциональности городской среды, повышение эффективности транспортной системы, вовлечение жителей в решение общественных проблем посредством цифровых платформ, решение экологических проблем. Иногда такие аспекты могут быть взаимодополняющими и поэтому осуществ-

вляться одновременно, при этом усиливая друг друга. После этого они могут стать взаимоисключающими, если улучшение качества в краткосрочной перспективе происходит за счет нарушения устойчивости в долгосрочной перспективе [4]. На практике, однако, большие города должны управлять портфелем из многих видов инноваций. Большое разнообразие цифровых проектов осложнило их выбор, т. к. не все они оказываются эффективными с точки зрения их освоения и использования, поскольку граждане и пользователи услуг часто имеют неоднородные демографические, социально-экономические, культурные характеристики. Другой проблемой может стать слишком одномерное восприятие элементов «умного города» в стратегии развития, поскольку использование цифровых технологий, организационные и другие нововведения не обязательно приводят к прямому повышению социально-экономических показателей [5].

Несмотря на достаточное количество исследований в области развития городской среды в условиях цифровизации, большинство из них носит узкоспециализированный характер. При этом в общественных науках до сих пор не существует общепризнанных теоретических подходов к развитию «умных городов». С нашей точки зрения, одной из важнейших задач при таком развитии является определение приоритетов для тех или иных направлений в рамках концепции «умной» городской среды и развитие подходов к оптимизации процессов цифровизации городской среды, чем и обосновывается новизна настоящего исследования. В целом можно отметить, что именно правильная расстановка приоритетов ввиду ограниченности ресурсов является фактором достижения эффективности при реализации концепции «умного города». На основании этого целью настоящего исследования является совершенствование инструментов выбора проектов по внедрению цифровых технологий в условиях концепции «умного города».

В настоящее время данная концепция привлекает внимание исследователей широкого круга дисциплин, таких как ком-

пьютерные науки, телекоммуникационная инженерия, городское планирование, экономика. При этом выделяют несколько направлений цифровизации городской среды, наиболее заметными из которых являются «умный образ жизни», «умные люди», «умная экономика», «умная мобильность», «умное управление», «умная среда» [6]. Тем не менее глубоких междисциплинарных исследований в этой области пока недостаточно.

Цифровизация социально-экономических систем тесно связана с распространением интернета. Увеличение пропускной способности каналов связи, развитие языков программирования и баз данных ознаменовали радикальные изменения в веб-среде и «цифровых городах», сформировав идею Web 2.0. Набор принципов Web 2.0 представил перспективу сетевого сотрудничества, и во многих отношениях такой подход можно рассматривать как социальную инновацию, а не технологическое решение. Сеть стала средой, в которой пользователи взаимодействуют и сотрудничают, обмениваются информацией, объединяют совместные усилия, создают виртуальные сообщества на базе цифровых платформ. Такой тип веб-приложений намного лучше имитирует фундаментальную концепцию города как социального пространства для взаимодействий. Основными принципами функционирования таких платформ являются принципы открытости, вовлеченности пользователей и повышения их возможностей при разработке новых решений [7].

В настоящее время системы «умных городов» основываются на трех составляющих: инструментальной, коммуникационной, интеллектуальной. Инструментальная составляющая предполагает, что измерить эффективность работы городских систем можно с помощью датчиков и других устройств. Коммуникационная составляющая подразумевает, что все системы обмениваются данными посредством проводных и беспроводных систем. Интеллектуальная часть включает программное обеспечение для моделирования, прогнозирования и обоснования принимаемых решений [8].

Современный этап развития умных городов основывается на формировании цифрового пространства, встроенного в физическое пространство городов [9]. В таких условиях «умные города» становятся объектом будущих исследований в области социотехнологических инноваций, предлагая широкий спектр экспериментов по взаимодействию человека с технологиями в условиях цифровизации.

Важнейшим ресурсом развития умных городов в условиях цифровизации являются большие данные [10; 11]. Определяющее значение приобретают системы по сбору, хранению, передаче данных. В таких условиях становится необходимым предоставлять данные точно в срок, обеспечивать обработку данных и получение результата в режиме реального времени. Данные становятся ресурсом для создания инноваций в городской среде (data-driven innovations). При этом необходимо создание открытых инновационных моделей, способствующих превращению идей в конкретные услуги и решения. Примером реализации такого подхода являются концепции LivingLab, Citilab, кластерного развития городской среды. Такие решения уже зарекомендовали себя в успешных городах ЕС, США, Японии. При этом развитие таких систем, как правило, происходит в несколько этапов (рис. 1).

Ожидается, что большие данные повысят прозрачность и подотчетность государственных учреждений, снизят транзакционные издержки взаимодействий экономических агентов, а также способствуют снижению уровня оппортунизма [13].

Непрерывная эволюция веб-технологий в ближайшем будущем существенно расширит возможности построения цифрового пространства городов. Появляется все более сложный ландшафт технологий, приложений, данных, бизнес-моделей и электронных услуг, который значительно превосходит управленческий потенциал городских властей. Эффективное решение этой проблемы стало ключевым вопросом развития большинства современных городов. Каким образом осуществлять отбор проектов в рамках развития, какие приоритеты должны учитываться, как

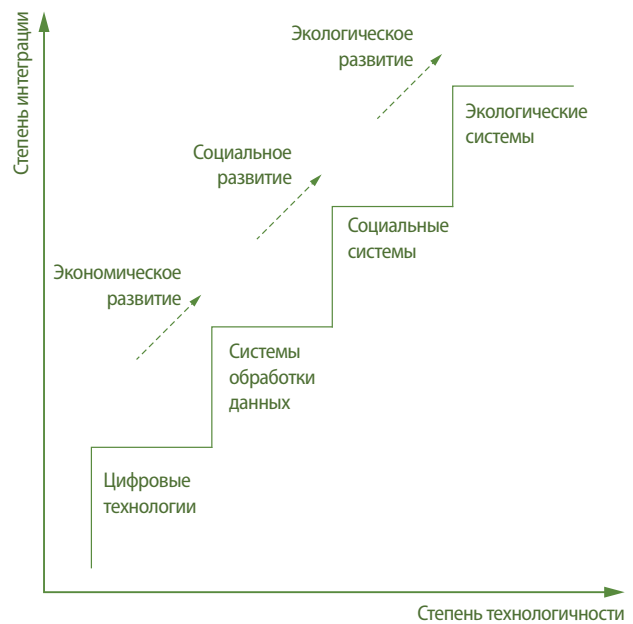

Рис. 1. Этапы цифровизации городской среды

Источник: Anttiroiko A.V., Valkama P. & Bailey S.J. Smart cities in the new service economy: building platforms for smart services. *AI & Society*, 2014, vol. 29, iss. 3, pp. 323–334 [12].

повысить эффективность инвестиций в рамках коротких циклов инноваций, когда каждая волна веб-технологий в конечном итоге делает предыдущие цифровые решения устаревшими – эти вопросы становятся основными при планировании и реализации проектов городского развития [14].

Ряд условий помогает преодолеть подобные трудности в развитии умных городов. Во-первых, важным условием успешного развития в рамках цифровизации является формирование культуры обмена и сотрудничества. Такая идея нашла отражение в концепции долевой экономики (sharing economy). Второе условие заключается в необходимости создания долгосрочного плана развития на основе прогнозных исследований. Необходимо изучить лучшие практики развития «умных городов», проанализировать плюсы и минусы тех или иных решений, применить инструменты моделирования с целью снижения рисков при инвестировании. Третье условие заключается в том, что необходимо минимизировать затраты на внедряемые решения. Минимизация издержек, повторное использование, поэтап-

ное внедрение являются основами наиболее безопасной стратегии. Стандартизация применяемых решений ускоряет распространение технологий и их адаптацию для пользователей. Совместное развитие приложений, использование существующих и проверенных решений, открытость данных являются отправной точкой для решения проблемы создания цифрового пространства городов [15].

Сложность экосистемы «умного города» обеспечивает богатый контекст для потенциальных исследований. Тем не менее большинство исследований в области умных городов концентрирует свое внимание на технических и инженерных аспектах, таких как инженерные модели, проекты прототипов. Исходя из этого, с нашей точки зрения, в качестве междисциплинарного поля, затрагивающего технологии, социум и организационные вопросы, нетехнические (особенно социальные, культурные, политические, управленческие, организационные и человеческие) аспекты «умных городов» должны отвечать интересам исследователей из разных областей. Зачастую по мере того как уровень зрелости интеллектуальных технологий увеличивается, а интеллектуальные решения переходят к этапам широкомасштабного развертывания и фактического использования, нетехнические аспекты начинают играть все более важную роль [16].

Исследования проблем развития «умных городов» включают несколько направлений [17; 18].

Во-первых, это исследование традиционных компонент, присущих каждому городу. Это важный фактор готовности городов к освоению функций на основе цифровых технологий.

Во-вторых, это направление исследований в области цифровых технологий и сетей передачи данных, объединяющих экономику как начальный шаг к «умному городу».

В-третьих, это вопросы прикладных технологических возможностей. Зачастую в систему вовлечены взаимосвязанные системы управления реального времени, такие как

интеллектуальные энергосистемы, интеллектуальный транспорт, электронные платежи и электронное правительство.

В-четвертых, особое внимание привлекают возможности инновационной среды для бизнеса. «Умные города» образуют инновационную экосистему с обширными социальными взаимодействиями, которая создает экономическую ценность за счет сбора, обработки и использования данных. Формирование инфраструктуры «умного города» через социальные сети и сообщества, правовые и культурные системы и различные формы социальных взаимодействий создает условия для развития «умного города» на основе социальной устойчивости [19].

В последние годы увеличивается число исследований, которые в качестве основной причины социально-экономического развития отмечают институциональную составляющую [20]. Основная задача при этом заключается в выборе траектории – последовательности институтов, удовлетворяющей определенным требованиям [21]. Определяющее условие перспективности траектории заключается в том, что составляющие ее промежуточные институты должны быть согласованы с ресурсными, технологическими, культурными, политическими и другими ограничениями. Рассмотрение траектории развития «умных городов» можно назвать перспективным, если она согласована с ресурсными, технологическими и институциональными ограничениями и предусматривает встроенные механизмы, стимулирующие запланированные изменения институтов и предотвращающие возникновение дисфункций и институциональных ловушек.

Процедура исследования

Цифровизация городской среды требует определенных ресурсов, зачастую являющихся дефицитными. Таким образом, стратегия ресурсного обеспечения «умных городов» должна учитывать ряд ограничений. Наиболее ресурсоемкими направлениями цифровизации в настоящее время являются нормативное регулирование, цифровая ин-

фраструктура, кадры и образование, информационная безопасность [22].

Нормативное регулирование. Внедрение тех или иных смарт-решений зависит от существующей нормативной правовой среды. Важным является работа по двум направлениям: 1) совершенствование нормативной правовой базы регионального уровня; 2) инициирование подготовки федеральных нормативных правовых актов и их обсуждение на законодательном уровне. Последнее является критичным для развития умных технологий в таких сферах, как строительство, энергетика, транспорт.

Цифровая инфраструктура. Центральными задачами в данном направлении являются следующие: устранение цифрового неравенства, рост проникновения широкополосного доступа в интернет (в том числе мобильного); развитие сотовых сетей пятого поколения; развитие цифровой инфраструктуры организаций образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания, общественного транспорта, а также органов государственной власти и органов местного самоуправления; увеличение объема открытых государственных и муниципальных данных, доступных для населения, компаний и исследователей; развитие систем накопления и обработки данных [23].

Кадры и образование. Для подготовки специалистов в таких быстроразвивающихся и междисциплинарных направлениях, как «smart city», необходимо создание образовательной среды, базирующейся на открытых образовательных ресурсах; активном использовании проектного обучения; системе внешней оценки результатов достижений; участии высокотехнологичных компаний в формировании стратегий развития учреждений, ведущих подготовку специалистов для цифровой экономики [24].

Информационная безопасность. Потребители сервисов должны быть уверены, что их данные будут использоваться только по назначению, а взаимный обмен безопасен и гарантирует достоверность передаваемой информации. Безопасность потребителей сервисов является ключевым фактором,

обеспечивающим доверие сервисам и лояльность к самой идее «умного города», высокую скорость внедрения и распространения инноваций.

С другой стороны, использование цифровых технологий в городской среде предполагает получение эффектов сетевого взаимодействия, способствующих снижению транзакционных издержек и созданию дополнительных социально-экономических эффектов.

Подход, основанный на рассмотрении издержек по внедрению цифровых технологий (FC), необходимых для развития «умных городов», и определении снижения транзакционных издержек (ТС), получаемых в результате развития процессов цифровизации, дает возможность сформировать теоретическую модель оптимального выбора проектов по цифровизации городской среды (рис. 2).

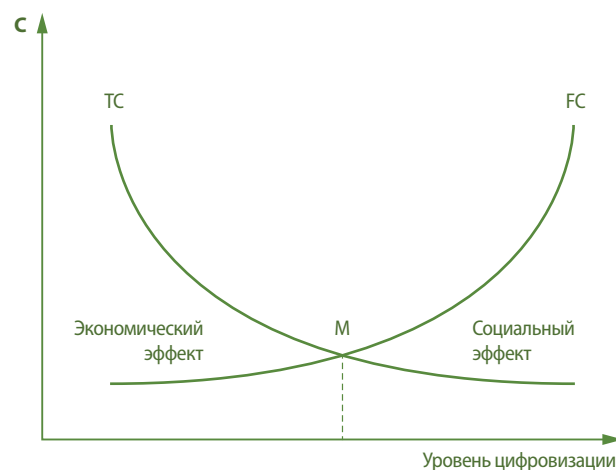

Рис. 2. Модель цифровизации городской среды в координатах «издержки/выгоды»

Как показано на рис. 2, оптимальным вариантом при выборе проектов по цифровизации является тот, который обеспечивает максимальное снижение транзакционных издержек при минимальных затратах ресурсов. При этом существует такой уровень цифровизации (точка М), при котором экономический эффект от цифровизации исчезает за счет увеличивающихся издержек на внедрение цифровых технологий (FC). Дальнейшее повышение уровня цифровизации необходимо для получения социально-

го эффекта (например, подключение малых городов к сети интернет или цифровому телевидению достаточно затратно и не несет экономических эффектов, однако приносит ощутимый социальный эффект).

Систематизация проектов «умного города»

В основе предлагаемого подхода лежат оценки сервисов в рамках координат «уровень ресурсозатратности / снижение транзакционных издержек». По данным критериям производится ранжирование сервисов по убыванию интегрального показателя, таким образом, пространство сервисов упорядочивается с точки зрения приоритетности внедрения. В целом возможно распределение сервисов в рамках четырех групп: высокая экономическая эффективность / высокая ресурсозатратность; высокая экономическая эффективность / низкая ресурсозатратность; низкая эффективность / высокая ресурсозатратность; низкая эффективность / низкая ресурсозатратность.

Этот подход может использоваться на различных уровнях (муниципальном, региональном) при определении приоритетов развития на данной территории. На примере города Екатеринбурга подход позволяет сформировать матрицу проектов для определения приоритетных направлений цифровизации (рис. 3).

Обсуждение полученных результатов

Систематизация проектов по цифровизации городской среды позволяет сформировать приоритеты развития г. Екатеринбурга и выделить первоочередные сервисы для внедрения, позволяющие добиться наибольшего результата в рамках ограниченных ресурсов. В рамках первой стадии развития Екатеринбурга планируется реализация проектов в области транспортной системы («умная» мобильность), повышения качества управления («умное» управление), повышения качества жизни («умный» образ жизни, «умные» люди, «умная»

<p>Высокие эффекты Низкие затраты (Экономический эффект)</p> <ul style="list-style-type: none"> – Электронный документооборот – Системы автоматизированного учета информации о потреблении ресурсов в сфере ЖКХ – Системы автоматизированного управления производством 	<p>Высокие эффекты Высокие затраты</p> <ul style="list-style-type: none"> – Платформы межведомственного взаимодействия – Единый портал государственных услуг – Системы всеобщей компьютерной грамотности – Системы компьютерного анализа и обработки медицинских изображений – Технологии персонализации лечения
<p>Низкие эффекты Низкие затраты</p> <ul style="list-style-type: none"> – Планирование проверок объектов городского хозяйства – Технологии персонализированной доставки – Система контроля доступа в образовательные организации – Системы учета посещаемости – Технологии мониторинга чрезвычайных ситуаций посредством социальных медиа 	<p>Низкие эффекты Высокие затраты (Социальный эффект)</p> <ul style="list-style-type: none"> – Технологии дополнительной реальности в сфере G2C – Сервисы виртуальных примерочных – Системы прогнозирования поломок домового инфраструктуры – Мобильные приложения быстрого реагирования – Мониторинг утомляемости сотрудников на предприятии

Рис. 3. Матрица проектов «умного города» в координатах «затраты/эффекты»

среда), а также развития экономики. Планируется реализация таких проектов, как «умные» остановки (1500 млн руб.), системы учета/контроля интенсивности транспортного потока, предсказания трафика (35–40 млн руб.), системы управления парковочным пространством (300–500 млн руб.), эквайринговое обслуживание на транспортных средствах (10–15 млн руб.), платформа межведомственного взаимодействия (30–40 млн руб.), система электронного документооборота (18 млн руб.), система электронных референдумов (10–15 млн руб.), видеонаблюдение в местах массового скопления людей (450 млн руб.), система управления землепользованием (15 млн руб.), система мониторинга земель с/х назначения (25 млн руб.), система быстрого реагирования «Активный гражданин» (20 млн руб.), системы учета посещаемости в учебных заведениях (50–60 млн руб.), единая электронная образовательная среда (900–1000 млн руб.), единая платформа интеллектуального управления энергетикой и ЖКХ СО (200 млн руб.), региональная информационная система ЖКХ (15 млн руб.)².

² «Умный регион» – smart region. Концепция построения на территории Свердловской области / Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: midural.ru/download.php?id=2018611109.pdf

В целом развитие сервисов в г. Екатеринбурге на первоначальном этапе смещено в сторону развития транспортной системы, а также повышения интеллектуального капитала граждан (рис. 4).

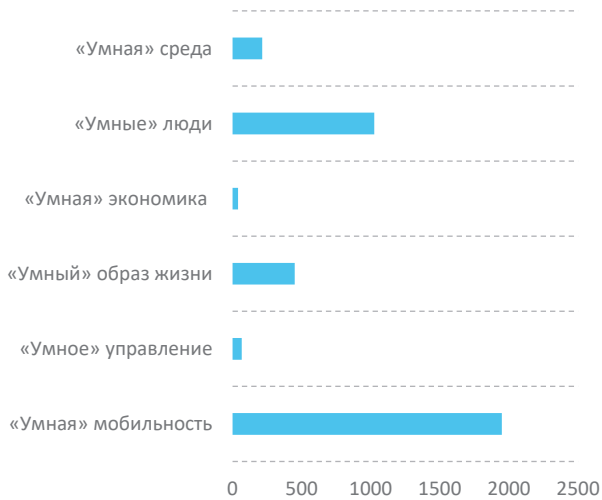

Рис. 4. Направления цифровизации городской среды в Екатеринбурге

Как планируется, реализация мер по цифровизации станет фактором разработки и внедрения смарт-сервисов, развития центров смарт-компетенций, создания регионального бренда и формирования цифровой среды. Плановые показатели развития к 2024 году включают реализацию более 100 стартапов в год, 50 действующих смарт-сервисов, предоставление 100% госуслуг в электронном виде, регистрацию 100 патентов в год, переход на стандарт связи 5G, снижение доли иностранного программного обеспечения до 10%.

В целом, исследуя вопросы цифровизации городской среды в городах-лидерах, таких как Барселона, Сингапур, Копенгаген, Токио, Стокгольм, можно сделать вывод, что процессы по цифровизации этих городов начинались с создания базовой инфраструктуры, цифровизации транспортной системы, создания систем межведомственного взаимодействия [25–27]. Схожие процессы в настоящее время можно наблюдать и на примере Екатеринбурга.

Заключение

Анализ мирового опыта показывает, что уровень социально-экономического развития стран и городов на современном этапе тесно связан с уровнем их цифровизации. Внедрение цифровых технологий в социально-экономические процессы городской среды имеет потенциал для интеграции новых технологий, социальных систем и решения экологических проблем. Тем не менее это требует интегративного или целостного подхода к реализации самой идеи «умного города».

Во-первых, в работе рассмотрены основные аспекты концепции «умных городов» (экологический, социальный, экономический, институциональный), показано, что их развитие напрямую связано с уровнем цифровизации социально-экономической и экологической компонент городской среды. При этом мы опирались на предположение о том, что достижения в области цифровизации этих компонент зависят от степени технологичности и интеграции цифровых систем. Как показывает опыт, первым шагом в процессах цифровизации является разработка интеллектуальных решений для отдельных направлений, однако реальный потенциал заключается во втором шаге, который связан с управлением сервисами и интеграционными функциями, которые требуют создания цифровых платформ.

Во-вторых, показано, что уровень технологичности и интеграции цифровых платформ зависит от ряда направлений, наиболее ресурсоемкими из которых в настоящее время являются нормативное регулирование, цифровая инфраструктура, кадры и образование, информационная безопасность.

В-третьих, нами предложена теоретическая модель оптимизации выбора приоритетных проектов в рамках цифровизации городской среды. Данная модель предполагает выбор проектов по цифровизации исходя из рассмотрения их уровня цифровизации (технологичности), а также издержек (выгод) от их реализации. В рамках данной

модели показано, что оптимальным вариантом являются такие проекты, которые максимальным образом снижают транзакционные издержки, а также относительно дешевы во внедрении.

В-четвертых, на основе теоретической модели цифровизации нами предложена матрица проектов в координатах уровень «технологичности (затраты на внедрение) / выгоды от внедрения (снижение транзакционных издержек)». В результате с помощью указанной матрицы систематизированы проекты по цифровизации на примере города Екатеринбурга.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в развитии подходов к моделированию процессов цифровизации городской среды. Практическая значимость

исследования заключается в формировании возможных будущих исследований разумного хозяйствования в условиях цифрового общества.

В заключение отметим, что многоаспектная и многогранная концепция «умных городов» требует разработки целого ряда целей, которые должны быть достигнуты в процессе социально-экономического развития, при этом в процесс конструирования «умных городов» должны быть включены все заинтересованные стороны. Для мониторинга эффективности реализации проектов и инициатив все цели должны быть поддающимися изменению. Граждане должны участвовать во всех этапах создания «умного города», начиная с обсуждения концепции и заканчивая этапом тестирования конкретных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trindade E.P., Hinnig M.P.F., da Costa E.M. et al. Sustainable development of smart cities: a systematic review of the literature. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2017, vol. 3, pp. 1–11.
2. D'Asaro F., Di Gangi M., Perticone V. et al. Computational Intelligence and Citizen Communication in the Smart City. *InformatikSpektrum*, 2017, vol. 40, iss. 1, pp. 25–34.
3. Carter D. Urban Regeneration, Digital Development Strategies and the Knowledge Economy: Manchester Case Study. *Journal of the Knowledge Economy*, 2013, vol. 4, iss. 2, pp. 169–189.
4. Cagáňová D., Stareček A., Hornáková N. et al. The Analysis of the Slovak Citizens' Awareness about the Smart City Concept. *Mobile Networks and Applications*, 2019, pp. 1–9.
5. Jadoul M. Smart practices for building smart cities. *Elektrotechnik und Informationstechnik*, 2016, vol. 133, iss. 7, pp. 341–344.
6. Branchi P.E., Fernandez-Valdivielso C., Matias I.R. An Analysis Matrix for the Assessment of Smart City Technologies: Main Results of Its Application. *Future Internet*, 2014, vol. 6, pp. 61–75.
7. Reforgiato Recupero D., Castronovo M., Consoli S. et al. An Innovative, Open, Interoperable Citizen Engagement Cloud Platform for Smart Government and Users' Interaction. *Journal of the Knowledge Economy*, 2016, vol. 7, iss. 2, pp. 388–412.
8. Curry E., Dustdar S., Sheng Q.Z. et al. Smart cities – enabling services and applications. *Journal of Internet Services and Applications*, 2016, vol. 7, pp. 6–9.
9. Liu Z. Research on the Internet of Things and the development of smart city industry based on big data. *Cluster Computing*, 2018, vol. 21, iss. 1, pp. 789–795.
10. Orzeł A. The Legal Aspects of Intelligent Cities. In: Brdulak A., Brdulak H. (eds.). *Happy City – How to Plan and Create the Best Livable Area for the People. EcoProduction (Environmental Issues in Logistics and Manufacturing)*. Springer, Cham, 2017. 258 pp.
11. Gupta A., Deokar A., Iyer L. et al. Big Data & Analytics for Societal Impact: Recent Research and Trends. *Information Systems Frontiers*, 2018, vol. 20, iss. 2, pp. 185–194.
12. Anttiroiko A.V., Valkama P. & Bailey S.J. Smart cities in the new service economy: building platforms for smart services. *AI & Society*, 2014, vol. 29, iss. 3, pp. 323–334.

13. Popov E.V., Semyachkov K.A. Problems of Economic Security for Digital Society in the Context of Globalization. *Economy of Region*, 2018, vol. 14 (4), pp. 1088–1101.
14. Streitz N. Beyond ‘smart-only’ cities: redefining the ‘smart-everything’ paradigm. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 791–812.
15. Peng G.C.A., Nunes M.B., Zheng L. Impacts of low citizen awareness and usage in smart city services: the case of London’s smart parking system. *Information Systems and e-Business Management*, 2017, vol. 15, iss. 4, pp. 845–876.
16. Cardullo P., Kitchin R. Being a ‘citizen’ in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland. *GeoJournal*, 2019, vol. 84, iss. 1, pp. 1–13.
17. TekinBilbil E. The Operationalizing Aspects of Smart Cities: the Case of Turkey’s Smart Strategies. *Journal of the Knowledge Economy*, 2017, vol. 8, iss. 3, pp. 1032–1048.
18. Ingwersen P., Serrano-López A.E. Smart city research 1990–2016. *Scientometrics*, 2018, vol. 117, iss. 2, pp. 1205–1236.
19. Giatsoglou M., Chatzakou D., Gkatziaki V. et al. CityPulse: A Platform Prototype for Smart City Social Data Mining. *Journal of the Knowledge Economy*, 2016, vol. 7, iss. 2, pp. 344–372.
20. Сухарев О.С. Экономическая теория институционального моделирования: принципы и возможности // Журн. экон. теории. 2017. № 1. С. 102–116.
21. Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 1–19.
22. Попов Е.В., Семячков К.А., Симонова В.Л. Индекс сетевой готовности федеральных округов Российской Федерации // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2016. № 4 (66). С. 40–51.
23. Al Nuaimi E., Al Neyadi H., Mohamed N. et al. Applications of big data to smart cities. *Journal of Internet Services and Applications*, 2015, vol. 6, pp. 25–40.
24. Zhuang R., Fang H., Zhang Y. et al. Smart learning environments for a smart city: from the perspective of lifelong and lifewide learning. *Smart Learning Environments*, 2017, vol. 4, pp. 6–27.
25. Putra Z., Кнаар W. Urban Innovation System and the Role of an Open Web-based Platform: The Case of Amsterdam Smart City. *Journal of Regional and City Planning*, 2018, vol. 29, no. 3, pp. 234–249.
26. Angelakis V., Tragos E., Pöhls H.C., Kapovits A., Bassi A. *Designing, Developing, and Facilitating Smart Cities: Urban Design to IoT Solutions*. New York: Springer, 2017. 368 p.
27. Anthopoulos L.G. *Understanding Smart Cities: A Tool for Smart Government or an Industrial Trick?* New York: Springer, 2017. 293 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Евгений Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, руководитель центра экономической теории. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. E-mail: erorov@mail.ru. Тел.: +7(343) 371-45-36.

Семячков Константин Александрович – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник центра экономической теории. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. E-mail: k.semyachkov@mail.ru. Тел.: +7(343) 371-45-36.

Popov E.V., Semyachkov K.A.

OPTIMIZATION OF THE URBAN ENVIRONMENT DIGITALIZATION PROCESSES

The aim of this study is to improve the tools for selecting projects for digital technologies implementation in the context of a “smart city” concept. The novelty of the work is in the development of approaches to the optimization of the urban environment digitalization. The main features are identified and the conditions for the effective functioning of “smart cities” are analyzed. Among the main components considered during formation of “smart cities”, the following aspects have been highlighted: environmental, social, economic, and institutional. The paper systematizes the main directions of the digital technologies introduction, presents the principles of institutional modeling. It is shown that the level of technological effectiveness and integration of digital platforms depends on a number of areas, the most resource-intensive of which are currently regulations, digital infrastructure, human resources and education, information security. A model for optimizing the selection of priority projects in the framework of digitalization of the urban environment is proposed. This model involves the selection of digitalization projects based on a consideration of their technological effectiveness level, as well as the benefits of their implementation. Within the framework of the model, it was shown that the best options are those projects that minimize transaction costs, and are also relatively cheap to implement. Based on the theoretical model of digitalization, we proposed a matrix of projects in the coordinates of the level of “technological effectiveness (implementation costs) / benefits from implementation (reduction of transaction costs)”. As a result, using this matrix, we systematized digitalization projects using the example of the city of Yekaterinburg.

“Smart city”, digital economy, model, transaction costs, project matrix.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popov Evgenii Vasilievich – Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Economic Theory. Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. E-mail: epopov@mail.ru. Phone: +7(343) 371-45-36.

Semyachkov Konstantin Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Center for Economic Theory. Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. E-mail: k.semyachkov@mail.ru. Phone: +7(343) 371-45-36.

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.4

УДК 334.012.64:334.012.62 | ББК 65.290.31:65.290.32

© Кузнецова Е.П.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РЕГИОНЕ¹

КУЗНЕЦОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: 333.maarel.333@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1118-2503](https://orcid.org/0000-0002-1118-2503); ResearcherID: [R-5683-2017](https://orcid.org/R-5683-2017)

В условиях импортозамещения, организованного в результате введенных экономических санкций со стороны ряда зарубежных стран, перед органами власти и управления РФ, а также научным сообществом стоит задача, которая заключается в поиске направлений диверсификации экономики в целях снижения последствий от влияния негативных факторов, а также ускорения технологического прогресса. Одним из таких направлений является развитие производственной кооперации, так как она дает возможность осуществлять производство продукции с высокой добавленной стоимостью за счет концентрации однородных производств, позволяющих расширить масштабы, объемы выпуска продукции и удовлетворить спрос на продукты труда. Однако отсутствие системы поддержки процессов производственной кооперации замедляет ее развитие, а главным условием ее организации является проведение оценки развития данного взаимодействия. В связи с тем что в настоящий момент нет общего подхода, цель данной работы состоит в формировании методического подхода к оценке развития производственной кооперации в регионе. В статье проведен анализ состояния промышленного сектора Вологодской области, социально-экономическое положение которой находится в большой зависимости от ситуации в этом секторе. Выявлены основные проблемы в его деятельности. Проанализированы существующие методические подходы к оценке кооперационного взаимодействия предприятий. Представлены основные результаты апробации разработанной методики оценки развития производственной кооперации в регионе на материалах Вологодской области. Вы-

Для цитирования Кузнецова Е.П. К вопросу оценки развития производственной кооперации в регионе // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.4

For citation: Kuznetsova E.P. On the issue of assessing the industrial cooperation development in the region. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.4

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 0168-2019-0006).

несены предложения относительно улучшения кооперационного взаимодействия посредством разработки долгосрочной программы развития производственной кооперации в Вологодской области. Материалы статьи могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, представителями органов государственной власти и управления, интересующимися вопросами развития кооперационного взаимодействия предприятий региона. Новизна исследования состоит в обобщении, систематизации, сравнительном анализе теоретических и практических аспектов развития производственной кооперации и разработке авторского методического подхода к оценке развития производственной кооперации в регионе.

Производственная кооперация, экономика региона, социально-экономическое развитие региона, промышленный сектор экономики.

В условиях нестабильной экономической ситуации в отечественной экономике одной из наиболее важных задач государства является недопущение снижения экономической активности за счет обеспеченности народного хозяйства промышленной продукцией и масштабного проникновения новых технологий во все сферы жизни общества. Стоит отметить, что значительную долю достижений научно-технического прогресса накапливает промышленное производство, что позволяет назвать его основой современной экономики [1]. Однако восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой, в 2017 году внедрение технологий в производство осуществляли порядка 10% от общего числа промышленных предприятий, что в 4–6 раз ниже значений, характерных для Швейцарии (60%), Бельгии (59%), Германии (58%), Австрии (52%), Финляндии (52%), Великобритании (45%)². Причиной невысокой восприимчивости бизнеса к технологиям является недостаток собственных средств или неготовность их вложения в создание новой продукции из-за существующих рисков, связанных с ее окупаемостью и востребованностью на рынке, изношенностью основных производственных фондов, отсутствием высококвалифицированных специалистов и т. п. Эти причины влияют на осуществление производственной деятельности в субъ-

ектах РФ и вызывают отрицательную динамику темпов промышленного роста, а также замедление развития объектов инфраструктурных отраслей, что в значительной степени ограничивает прогрессивные институциональные и технологические изменения в экономике и приводит к большему падению конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках, в том числе на высокотехнологичных.

Поэтому перед органами власти и управления, а также научным сообществом поставлена задача поиска направлений промышленного развития субъектов РФ. Одним из возможных инструментов решения этой задачи является развитие производственной кооперации³.

Современное развитие производственной кооперации заключается в том, что оно должно стать не только объектом воздействия со стороны промышленного сообщества, но и центром интереса государственных органов власти и управления. Это в первую очередь относится к региональным и муниципальным властным системам, поскольку формируя, развивая и поддерживая кооперационные связи бизнес-структур они обеспечат базу для научно-технологического прогресса.

В настоящее время федеральными органами власти и управления создаются благоприятные условия для развития про-

² Наука. Технологии. Инновации. Научно-производственная кооперация. URL: https://issek.hse.ru/data/2018/12/19/1143379481/NTI_N_115_19122018.pdf (дата обращения 21.01.2019).

³ В рамках проведенных ранее исследований было выявлено, что под производственной кооперацией следует понимать долговременные договорные отношения между хозяйствующими субъектами в сфере производства продукции, материально-технического обеспечения производственного процесса, научно-исследовательских разработок, осуществляемые с целью создания единого продукта за счёт использования производственных возможностей территории.

изводственной кооперации в регионах, в частности, с целью поддержки импортозамещения и модернизации промышленного производства. Однако региональные власти видят в других субъектах РФ конкурентов в отношении привлечения ресурсов, выделяемых вышестоящими органами власти, и часто не готовы обеспечить реализацию производственной кооперации. Это выражается в отсутствии согласованных направлений взаимодействия регионов – потенциальных партнеров, а также в дублировании мер по формированию и модернизации инфраструктуры. В результате фактор производственной кооперации, роль которого проявляется в повышении конкурентоспособности региональной экономики, поддержке инновационного развития, стимулировании экономического роста, не используется как рычаг для социально-экономического развития [2].

Проблемы производственной кооперации как одного из инструментов социально-экономического развития территорий на современном этапе рассмотрены в трудах А.О. Романовой и И.В. Макаровой, которые отмечают, что препятствием для развития кооперации как стимула мобилизации внутренних резервов территории и максимального использования имеющегося производственного и кадрового потенциала является нехватка конкурентных преимуществ части регионов [3].

Отсутствие единой стратегии регионального развития и соответственно инвестиционных приоритетов, поддержанных бизнесом и обществом, низкий уровень сотрудничества администрации региона и бизнеса, а также затрудненность доступа к программам финансирования инфраструктуры сдерживают развитие производственной кооперации в регионе [4].

В исследованиях авторов [5] выявлено, что основной проблемой развития производственной кооперации является отсутствие системы поддержки процессов кооперации в регионах, которая должна включать в себя создание и работу консультационного совета по вопросам производственной

кооперации при Правительстве, развитие регионального центра субконтрактации, функционирующего на базе Торгово-производственных палат, выполнение региональных программных мероприятий по развитию комплексной кооперации.

В работе [6] также сделан акцент на слабой регулирующей роли государства в развитии производственной кооперации. Ученые отмечают, что «...региональные органы государственной власти не уделяют этим вопросам должного внимания. Механизмы воздействия данных органов на хозяйствующие субъекты, формирующие межрегиональные потоки товаров и услуг, используются разрозненно и недостаточно эффективно».

Несмотря на обширность проводимых исследований в области кооперационного взаимодействия предприятий реального сектора экономики, проблемы оценки развития производственной кооперации и инфраструктуры ее поддержки остаются открытыми, что и определило выбор цели данной статьи, которая заключается в разработке методического подхода к оценке развития производственной кооперации в регионе.

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать состояние промышленного производства региона (на примере Вологодской области);
- провести анализ существующих методических подходов к оценке кооперационного взаимодействия корпоративных структур, малого и среднего бизнеса;
- разработать методический подход к оценке развития производственной кооперации в регионе.

Кооперация представляет собой одну из наиболее сложных и важных форм организации производства. Она направлена на повышение качества продукции, интенсификацию производства, экономический рост предприятий и социально-экономическое развитие субъекта РФ, в котором оно находится. Производственная кооперация как один из инструментов такого развития территорий актуальна для многих регионов России, в том числе и для старопромышлен-

ных, социально-экономическое положение которых в наибольшей степени зависит от состояния промышленного сектора [7].

Согласно критериям, выделенным рядом ведущих российских ученых, работающих над проблемой типологизации регионов [8; 9], в старопромышленных регионах удельный вес промышленности в ВРП превышает 30%, в структуре промышленного производства отраслей преобладают невысокие технологические уклады (горно-металлургическая, химическая, текстильная, угольная), а структура экономики формировалась и изменялась на разных этапах индустриализации до 1960–1970-х гг.

Исследователями Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» к старопромышленным отнесены 24 региона РФ, одним из которых является Вологодская область, социально-экономическое положение которой в наибольшей степени зависит от состояния промышленного сектора [10].

Промышленность Вологодской области в структуре ВРП в 2016 году составляет

42,6%⁴, из которых 39% приходится на обрабатывающие производства (в России – 18%, СЗФО – 21%) (рис.). Обрабатывающие производства в основном представлены металлургической, химической, пищевой, перерабатывающей промышленностью, лесопереработкой, машиностроением.

Промышленность региона характеризуется низким уровнем диверсификации с ярко выраженным моноструктурным характером с доминированием в объеме промышленного производства металлургического и химического секторов. Несмотря на кризисные явления в экономике, объем промышленного производства на душу населения в регионе имеет тенденцию к росту. За 2007–2016 гг.⁵ его рост составил 116%, что выше, чем по РФ (101,7%). Стоит отметить, что темпы роста данного показателя за анализируемый период как по Вологодской области, так и по РФ, увеличились незначительно (табл. 1).

При этом промышленность Вологодской области создает более 40% валовой добавленной стоимости. Однако за период с 2006 по 2016 год данный показатель снизился на 7 п. п.

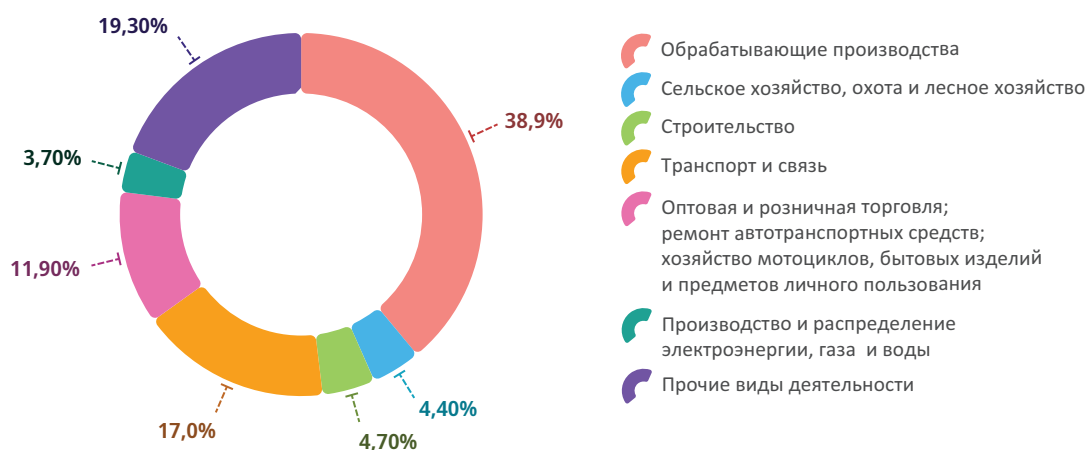

Рис. Структура ВРП Вологодской области по видам экономической деятельности в 2016 году (в основных ценах), % к итогу

Рассчитано по: данные статистического сборника «Валовой региональный продукт Вологодской области» за 2016 г.

⁴ Статистический сборник «Валовой региональный продукт Вологодской области». 2016. URL: <https://vologda-stat.gks.ru/folder/26788>.

⁵ Базовым периодом для сопоставления с текущими показателями выбран 2007 год как последний год докризисного развития экономики регионов России. Начавшийся с 2008 года глобальный экономический кризис, важное место в котором занимают антироссийские санкции, оказал существенное влияние на экономический рост субъектов территории РФ и фактически обострил актуальность задачи обеспечения нового качества экономического роста.

Таблица 1. Объем промышленного производства на душу населения в Вологодской области и в Российской Федерации (в ценах 2016 года), тыс. руб. / чел.

Показатель	Год					2016 год к 2007 году, %
	2007	2010	2014	2015	2016	
Вологодская область	405,6	397,3	457,4	470,1	470,4	116,0
Российская Федерация	357,0	344,2	379,4	360,0	363,2	101,7

Рассчитано по: данные статистических сборников «Промышленное производство в России» за 2008–2016 гг.

Таблица 2. Удельный вес добавленной стоимости промышленного сектора, %

Показатель	Год					2016 год к 2007 году, п. п.
	2007	2010	2014	2015	2016	
Вологодская область	49,4	44,5	36,8	39,9	42,6	(-) 6,8
Российская Федерация	30,7	28,2	24,9	26,4	25,8	(-) 4,9

Рассчитано по: данные статистических сборников «Промышленное производство в России» за 2008–2016 гг.

Таблица 3. Объем инвестиций в основной капитал промышленного производства на душу занятых в промышленности в Вологодской области и РФ (в ценах 2016 года), тыс. руб.

Показатель	Год					2016 год к 2007 году, %
	2007	2010	2014	2015	2016	
Вологодская область	100,3	77,9	76,4	74,2	88,3	87,9
Российская Федерация	115,0	132,6	159,6	146,9	149,0	129,6

Рассчитано по: данные статистических сборников «Промышленное производство в России» за 2008–2016 гг.

(табл. 2). Подчеркнем, что удельный вес добавленной стоимости промышленного сектора в ВРП региона значительно выше, чем по РФ в целом. Среднероссийские значения в 2016 году составили 25,8%, но и на среднероссийском уровне наблюдается тенденция к снижению (на 5 п. п.).

Несмотря на то что объем инвестиций в основной капитал промышленного производства на число занятых в промышленности Вологодской области к 2016 году увеличился и составил 88 тыс. руб., с 2007 по 2016 год наблюдается снижение данного показателя на 12% (табл. 3). Кроме того, это значительно ниже среднероссийских значений, темп роста по РФ в целом за анализируемый период составил 130%.

Таким образом, анализ основных индикаторов состояния промышленного сектора Вологодской области позволил выявить наличие потенциала развития промышленного производства, реализация которого будет способствовать росту региональной эконо-

мики. Решению данной проблемы может способствовать развитие производственной кооперации [11]. Это подтверждается рядом исследований ученых-регионалистов [12; 13], которые доказали, что применение данного инструмента содействует поддержанию конкурентоспособности предприятий за счет их синергии, которая ведет к формированию и насыщению рынка товаров в условиях ограниченности ресурсов. Это благоприятно сказывается на экономическом развитии региона при помощи снижения «смертности» бизнес-структур, сохранения налоговых отчислений предприятий в бюджет региона и т. д.

Для эффективного развития взаимодействия промышленных предприятий области необходимо создание органами государственной власти и управления благоприятных условий, способствующих устранению проблем, с которыми сталкиваются промышленные предприятия, участвующие в проектах производственной кооперации, а также поиску потенциальных партнеров для

построения новых кооперационных связей. Но для этого необходимо проводить комплексную оценку развития производственной кооперации в регионе, направленную на выявление тех или иных причин, связанных с проблемами кооперации предприятий.

Изучение научных трудов по проблеме взаимодействия предприятий позволило заключить, что формирование методических подходов к оценке развития производственной кооперации в регионе привело к их модификации. В настоящее время их можно разделить на следующие группы:

1) базирующиеся на оценке синергетического эффекта: доминирование эффекта от совместного функционирования предприятий над суммой эффектов от их автономной деятельности;

2) имеющие результатом оценки интегральный показатель;

3) опирающиеся на оценку комплексной эффективности кооперационного взаимодействия субъектов бизнеса для региона.

1. Базирующиеся на оценке синергетического эффекта: доминирование эффекта от совместного функционирования предприятий над суммой эффектов от их автономной деятельности

Приверженцем такого подхода является О.В. Попова, которая утверждает, что эффективность кооперации предприятий может быть определена показателями дохода и затрат их совместной деятельности. При этом автор подчеркивает, что эффект от сотрудничества в рамках кооперации должен быть значительнее эффекта от их автономного функционирования. По методике О.В. Поповой определяется величина синергетического эффекта, а также дается качественная и количественная оценка динамики показателей с применением экспертного подхода [14].

Ю.В. Вертакова и И.В. Петрищева считают, что оценка синергетического эффекта от взаимодействия крупных и малых предприятий

должна осуществляться на основе субконтрактной системы⁶ и включать пять этапов:

- сравнительный анализ деятельности предприятий;

- оценка состояния и развития регионального рынка субконтрактации;

- выявление признаков субконтрактной активности у предприятий с целью принятия управленческих решений о возможности использования в деятельности бизнес-структур данного вида кооперации;

- анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятий, использующих, а также планирующих переход к субконтрактации;

- оценка синергетического эффекта от взаимодействия малых и крупных бизнес-структур на основе субконтрактации, который складывается из суммы эффектов от их автономного функционирования [15].

По мнению автора, кооперационное взаимодействие целесообразно в том случае, если значение синергетического эффекта положительно и эффекты от кооперации были больше затрат на такие объединения.

Предложенная А.Н. Улановой методика оценки синергетического эффекта взаимодействия малого и крупного предпринимательства базируется на методиках Ю.В. Вертаковой, И.В. Петрищевой и О.В. Поповой. Автором предполагается суммирование локальных (автономных) эффектов от функционирования малого предпринимательства и аналогичных эффектов от функционирования крупного бизнеса, которое определяет потенциальную выгодность взаимодействия бизнес-структур и позволяет расставить приоритеты выбора бизнес-партнера [16].

2. Имеющие результатом оценки интегральный показатель

А.В. Шатских отмечает, что для оценки структуры и диверсификации взаимодействия предприятий крупного и малого бизнеса необходимо использовать показатели

⁶ Субконтрактация – вид производственной кооперации, направленный на организацию производства, использующий разделение труда между заказчиком (контрактором) – сборочным предприятием с минимально необходимыми собственными производственными мощностями (наиболее прибыльные производственные процессы, критически влияющие на качество продукции) и поставщиками, субподрядчиками (субконтракторами) – специализированными предприятиями, производящими комплектующие, выполняющими работы, услуги (http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumCode_ABOUT.html (дата обращения 06.05.2019)).

уровня диверсификации, отраслевой концентрации и структурных сдвигов, которые позволяют оценить разнонаправленность отраслевого взаимодействия предприятий [17].

По мнению А.Л. Белобородовой, оценка эффективности предпринимательской деятельности в рамках теории заинтересованных сторон должна основываться на теории заинтересованных сторон и методе анализа финансовой отчетности. Автор предлагает использовать показатели, позволяющие учитывать интересы заинтересованных сторон (государство, поставщики и подрядчики, кредиторы), и с помощью расчета интегрального показателя оценивать их удовлетворение в процессе предпринимательской деятельности в рамках кооперации [18].

3. Опирающиеся на оценку комплексной эффективности кооперационного взаимодействия субъектов бизнеса для региона

Приверженцем данного подхода является А.В. Алешин. Автор предлагает три направления оценки эффективности взаимодействия бизнес-структур в регионе:

- определение эффектов от взаимодействия различных категорий бизнеса для экономики региона в целом;
- оценка эффективности сотрудничества бизнес-структур, основанная на показателях, значения которых в случае интеграции с партнерами превышают аналогичные значения при самостоятельном ведении производственной деятельности;
- определение уровня развития кооперации бизнес-структур в регионе [19].

На наш взгляд, данный методический подход позволяет выявлять наиболее перспективные или проблемные зоны взаимодействия и создавать условия на региональном уровне для стимулирования кооперации в соответствии с потребностями и интересами региона.

Преимуществом методического подхода В.А. Сальникова, А.А. Гнидченко и Д.И. Галимова является оценка взаимосвязи сравнительных преимуществ конечной и промежуточной продукции отрасли и эмпирически определенного коэффициента разрыва в производительности труда между предприя-

тиями с растущим и сокращающимся штатом работников [20; 21].

Таким образом, представленные методические подходы различаются между собой составом задач, для решения которых разработаны, набором показателей, а также способами их расчета. Каждый из них преследует свои цели, имеет преимущества и недостатки, последние, в свою очередь, чаще всего отражаются в трудоемкости и качестве получаемых оценок.

Чтобы сравнить представленные методики, следует выделить основные характеристики для их оценки (табл. 4).

- 1) дифференцированность показателей (наличие показателей, характеризующих отдельные составляющие исследуемой системы);
- 2) возможность оценки эффективности кооперации промышленных предприятий;
- 3) возможность оценки масштабности и экономичности производственной кооперации в регионе;
- 4) наглядное отображение полученных результатов (результаты должны легко интерпретироваться и описывать исследуемый объект);
- 5) простота методики расчетов (расчеты должны быть просты и понятны).

Наибольший интерес представляют методика оценки структуры и диверсификации взаимодействия предприятий крупного и малого бизнеса (А.В. Шатских) и методика оценки потенциального эффекта повышения сравнительных преимуществ секторов обрабатывающей промышленности вследствие усиления производственной кооперации в ходе интеграции стран ЕЭП (В.А. Сальников, А.А. Гнидченко, Д.И. Галимов), так как они удовлетворяют большому количеству критериев. Однако в них остаются нерешенными вопросы оценки влияния кооперации бизнес-структур на социально-экономическое развитие региона.

Таким образом, проведенный анализ выявленных методик показал, что ни одна из них в полной мере не отвечает всем характеристикам оценки развития производственной кооперации в регионе. С учетом сильных и слабых сторон существующих методик был предложен авторский методиче-

Таблица 4. Сравнительная оценка методик оценки кооперационного взаимодействия корпоративных структур, малого и среднего бизнеса*

№ п/п	Методика/характеристика	Дифференцированность показателей	Возможность оценки эффективности кооперации промышленных предприятий	Возможность оценки масштабы производственной кооперации в регионе	Наглядное отображение полученных результатов	Простота методики расчетов
1	Оценка структуры и диверсификации взаимодействия предприятий крупного и малого бизнеса (А.В. Шатских)	+	+	-	+/-	-
2	Оценка эффективности предпринимательской деятельности в рамках теории заинтересованных сторон (А.Л. Белобородова)	+	-	-	+/-	-
3	Оценка потенциального эффекта повышения сравнительных преимуществ секторов обрабатывающей промышленности вследствие усиления производственной кооперации в ходе интеграции стран ЕЭП (В.А. Сальников, А.А. Гнидченко, Д.И. Галимов)	+	+/-	-	+/-	-
4	Оценка эффективности кооперационного взаимодействия субъектов малого предпринимательства (О.В. Попова)	+	-	-	-	+/-
5	Стратегическая оценка взаимодействия малых и крупных бизнес-структур (Ю.В. Вертакова, И.В. Петрищева)	+	-	-	-	+/-
6	Оценка синергетического эффекта взаимодействия малого и крупного предпринимательства (О.Н. Уланова)	+	-	-	-	+/-
7	Оценка уровня партнерства и взаимодействия предпринимательских структур крупного и малого бизнеса (А.И. Костусенко)	+	-	-	-	+/-
8	Оценка эффективности взаимодействия разномасштабных субъектов бизнеса в регионе (А.В. Алешин)	+	-	-	-	+/-

Источник: составлено автором.

*Обозначения: «+» – методика удовлетворяет данному критерию; «-» – методика не удовлетворяет данному критерию; «±» – методика частично удовлетворяет данному критерию.

ский подход к оценке производственной кооперации в регионе, удовлетворяющий всем из перечисленных выше условий.

На наш взгляд, основной целью производственной кооперации в регионе является увеличение стоимостных параметров производственной деятельности участников кооперации и объемов производства, а также развитие производственной сферы, которая является ядром российской экономики, определяющей ее специализацию. Исходя

из этого считаем целесообразным разработать методический подход к оценке развития производственной кооперации в регионе, который основывается на расчете интегрального показателя, отражающего «масштабность» кооперации корпоративных структур, малого и среднего бизнеса и «экономичность» их взаимодействия. Алгоритм анализа включает в себя пять этапов [22–24].

На первом этапе будет определен комплекс показателей, характеризующих разви-

тие производственной кооперации в регионе (табл. 5). На основе исследованных методических подходов оценки кооперационного взаимодействия корпоративных структур малого и среднего бизнеса установлено, что система частных показателей должна включать реализацию следующих базовых принципов:

- комплексность оценки, обеспечивающей отбор показателей, наиболее весомо характеризующих ситуацию в экономике региона;
- системность оценки, предполагающей выявление взаимной корреляции между отдельными показателями;
- обеспечение максимальной информативности результатов для целей принятия управленческих решений.

Апробация методики оценки развития производственной кооперации в регионе будет проведена на основе статистических данных Вологодской области и данных анкетирования руководителей промышленных предприятий региона, участвующих в процессах кооперации.

С опорой на вышеперечисленные принципы были отобраны три блока показателей, отражающих степень развития производственной кооперации в регионе и эффективность производственной кооперации для предприятий, базирующуюся на критериях экономичности и масштабности.

Для определения степени развития производственной кооперации в регионе необходимо взаимосвязанное рассмотрение элементов производственных затрат и добавленной стоимости на душу населения, которое является неотъемлемой компонентой макроэкономических расчетов, косвенно связанных с анализом динамики развития производственной кооперации в регионе. В связи с этим нами предложен первый блок показателей.

Наиболее актуальным направлением для расчета первого блока показателей является производство и использование валового регионального продукта, а также основные показатели СНС Вологодской области [25].

1. *Удельный вес промежуточного потребления в валовом выпуске отдельных видов экономической деятельности.* Демонстрирует долю затрат предприятий на приобретение материальных ресурсов и услуг для производственных целей (в данном случае для переработки продукции с целью получения конечного продукта) в валовом выпуске.

2. *Валовая добавленная стоимость на душу занятых в промышленном секторе.* Данный показатель отражает результаты функционирования сферы производства и услуг, отражающие вклад в производство валового общественного продукта.

Согласно авторскому методическому подходу, за «эталонное» значение показателей

Таблица 5. Перечень показателей оценки развития производственной кооперации в регионе

№ п/п	Группа показателей	Показатели	Единица измерения
1	Показатели, характеризующие изменение стоимостных параметров производственной деятельности в регионе	Удельный вес промежуточного потребления в валовом выпуске отдельных видов экономической деятельности	%
		Валовая добавленная стоимость на душу занятых в промышленном секторе	тыс. руб. / чел.
2	Показатели, характеризующие «экономичность» производственной кооперации	Изменение производственной себестоимости	%
		Изменение удельных капиталовложений	%
		Рентабельность реализуемой продукции в процессе кооперации	%
		Изменение транзакционных издержек	%
3	Показатели, характеризующие «масштабность» производственной кооперации	Число дополнительно созданных рабочих мест	%
		Число бизнес-структур, участвующих в производственном процессе в рамках кооперации	%
		Уровень загрузки производственных мощностей	%
		Объем выпуска продукции взаимодействующих бизнес-структур	%

Источник: составлено автором.

первого блока принимается максимальное значение каждого критерия по субъектам РФ за последние 10 лет.

Чтобы комплексно оценить производственную кооперацию в регионе, необходимо провести оценку ее эффективности для предприятий. Для этого введены критерии экономичности (улучшение результатов работы предприятий за счет снижения себестоимости, капитальных вложений, транзакционных издержек, увеличения рентабельности реализуемой продукции) и масштабности (увеличение числа дополнительных рабочих мест, числа бизнес-структур, участвующих в производственном процессе, уровня загруженности производственных мощностей, объема выпуска продукции взаимодействующих предприятий).

Изменение производственной себестоимости. Отражает изменение затрат на промежуточную продукцию, труд и накладные расходы, потребленные в процессе производства продукции вследствие кооперации.

Изменение удельных капиталовложений. Демонстрирует, насколько эффективно используются инвестиции, вложенные в предприятие в результате кооперации.

Рентабельность реализуемой продукции в процессе кооперации. Оценивает эффективность производства и реализации продукции, а также отражает конкурентоспособность продукции, произведенной в процессе кооперации.

Изменение транзакционных издержек. Характеризует изменение роста затрат ресурсов на обеспечение процесса производства в рамках кооперации.

Число дополнительно созданных рабочих мест.

Число бизнес-структур, участвующих в производственном процессе в рамках кооперации.

Уровень загруженности производственных мощностей. Показывает изменение способности использования закрепленных за предприятием средств труда (технологической совокупности машин, оборудования и производственных площадей), приводящее к максимальному выпуску продукции за определенный промежуток времени в соот-

ветствии с установленным кооперированием производства.

Объем выпуска продукции взаимодействующих бизнес-структур. Показывает результаты деятельности предприятий региона в рамках кооперации по производству продукции.

Для расчета показателей второй и третьей группы информационной базой послужил социологический опрос руководителей промышленных предприятий, участвующих в процессах производственной кооперации в регионе [26]. Оценка данных критериев на основе информации органов государственной статистики невозможна в силу отсутствия представленных выше показателей.

Стоит отметить, что отобранные блоки показателей, отражающих экономичность и масштабность кооперации предприятий, в своей значимости имеют абсолютное равенство.

Эталонным для каждого показателя второго и третьего блока методики принимается максимальное достигнутое значение данного показателя за исследуемый период.

Второй этап предусматривает проведение анкетного опроса руководителей промышленных предприятий региона, в ходе которого осуществляется сбор и анализ полученных ответов согласно второму и третьему блоку показателей, представленных в табл. 6. В опросе респондентам предлагается оценить значение каждого критерия от 0 до 1.

На третьем этапе разработанного алгоритма полученная по первому блоку показателей информация унифицируется (приводится в сопоставимый вид, пригодный для оценки).

Так как увеличение фактора (x_i) влечет за собой рост результирующей оценки, применяется следующая формула (максимальное фактическое значение по показателю является наилучшим):

$$\hat{x}_i = \frac{x_i - x_{\min i}}{x_{\max i} - x_{\min i}}, \quad (1)$$

где:

x_i – значение i -го показателя;

$x_{\max i}$ и $x_{\min i}$ – максимальное и минимальное значение i -го показателя.

Затем находятся интегральные значения субиндексов. Для нахождения общей оценки по каждому блоку показателей полученные значения критериев суммируются и полученная сумма делится на количество критериев блока:

$$d_j = \frac{\sum_{i=1}^n x_{ij}}{n}, \quad (2)$$

где:

d_j – значение субиндекса j -го блока;

x_{ij} – значение i -го показателя в j -м блоке;

n – количество показателей в блоке.

На четвертом этапе производится расчет интегрального показателя уровня развития производственной кооперации в регионе, который определяется как среднеарифметическое трех субиндексов [22–24].

$$I = \frac{d_1 + d_2 + d_3}{3}, \quad (3)$$

Значение полученного индекса позволяет сформировать рейтинговую оценку развития кооперации в регионе (табл. 6).

Для определения градации уровней развития производственной кооперации в регионе был использован метод равных интервалов, описанный в работах Луи Терстоуна [27–29]. Установленные граничные интервалы итогового значения рейтинга независимы от различий применяемых показателей.

Стоит отметить, что для регионов, входящих в первую группу по уровню развития

производственной кооперации, характерно отсутствие данного взаимодействия в силу недостатка на территории промышленного производства и, соответственно, производственного потенциала.

Регионы, входящие во вторую группу по уровню развития производственной кооперации, отмечаются низким уровнем диверсификации экономики с ярко выраженным моноструктурным характером с доминированием в объеме промышленного производства обрабатывающих секторов, низким наращиванием экономической активности и неэффективным интегрированием ресурсов как внутри региона, так и за его пределами.

Для регионов третьей группы характерно развитие производственной кооперации, но в силу неразвитости инфраструктуры поддержки предприятий, участвующих в кооперационном взаимодействии, отсутствия информации о потенциальных партнерах взаимодействие ограничено.

Регионы, входящие в четвертую группу, отмечаются развитостью производственной кооперации, однако существуют препятствия в области законодательных документов, поддерживающих и регулирующих данный процесс.

Для регионов пятой группы характерно активное развитие производственной кооперации, которое способствует экономическому росту как самих предприятий, так и региона.

На пятом этапе формулируются выводы о развитии производственной кооперации,

Таблица 6. Рейтинговая оценка развития производственной кооперации в регионе

Уровень	Градация	Значение критерия
1	От 0 до 0,2	Низкий (практически отсутствует развитие производственной кооперации в регионе)
2	От 0,2 до 0,4	Ниже среднего (развитие производственной кооперации существует, но сильно ограничено)
3	От 0,4 до 0,6	Средний (развитие производственной кооперации в регионе существует, но с определенными ограничениями)
4	От 0,6 до 0,8	Выше среднего (развитие производственной кооперации в регионе существует с минимальными ограничениями)
5	От 0,8 до 1,0	Высокий (развитие производственной кооперации в регионе существует)

Источник: составлено автором.

а также определяются ключевые проблемы, препятствующие расширению и усилению кооперации в регионе.

Таким образом, заключим, что предложенная методика, удовлетворяет всем выделенным критериям, а использование предложенного алгоритма позволит осуществить комплексную оценку развития производственной кооперации региона, которая, в свою очередь, позволит выявить ключевые проблемы и определить конкретные направления расширения и усиления кооперационного взаимодействия в регионе. Это будет способствовать разработке механизмов поддержки промышленных предприятий, задействованных в процессе производствен-

ной кооперации, или совершенствованию существующих инструментов, что позволит обеспечить проведение взвешенной и обоснованной социально-экономической политики, направленной на эффективное взаимодействие предприятий в регионе.

Апробация методики оценки развития производственной кооперации будет представлена на следующем этапе исследования.

Результаты, полученные в ходе исследования, вносят вклад в развитие и систематизацию теоретических и методических аспектов рассматриваемой проблемы и должны быть полезными для научных сотрудников, аспирантов и студентов, занимающихся вопросами развития производственной кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка / К.А. Гулин [и др.] // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 7–26.
2. Бакуменко О.А. Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 3. С. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8
3. Романова О.А., Макарова И.В. Кооперация как условие конкурентного развития региона // Региональная конкуренция. 2009. № 3 (15). С. 67–80.
4. Блягоз А.В. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия экономических субъектов в системе региональной экономики (по материалам Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп, 2010. 29 с.
5. Скопина И.В., Скопин А.О. Комплексное развитие региональной производственной кооперации и кластерных проектов // Региональная экономика и управление. 2007. № 1 (9). URL: <https://eee-region.ru/article/901> (дата обращения 09.09.2018).
6. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 76 с.
7. Бартенев С.А. Международная специализация и кооперирование – две стороны процесса // Рос. внешнеэкон. вестн. 2012. № 3. С. 3–7.
8. Проблемы развития промышленного сектора экономики старопромышленных регионов России / Т.В. Ускова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 62–77. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.3
9. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 495 с.
10. Лукин Е.В., Мельников А.Е. Модернизация промышленного сектора экономики старопромышленных регионов СЗФО // Проблемы развития территории. 2017. № 5 (91). С. 32–43. URL: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/2345>
11. Кувалин Д.Б. Российские предприятия в конце 2015 г.: антикризисная деятельность и оценка последствий взаимных экономических санкций Запада и России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 144–161.

12. Златкина Е.Д. Место научно-технологической специализации и кооперации в системе международных экономических отношений // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14419> (дата обращения 28.11.2018).
13. Белякова Д.Я., Фокина Г.А. Особенности развития производственной кооперации машиностроителей в рамках ЕАЭС // Фундаментальные исследования. 2017. № 11. С. 190–194.
14. Попова О.В. Оценка эффективности кооперационного взаимодействия субъектов малого предпринимательства // Экономика и управление. 2010. № 5 (66). С. 156–159.
15. Вертакова Ю.В., Петрищева И.В. Алгоритм стратегической оценки взаимодействия малых и крупных бизнес-структур // Всерос. журн. науч. публ. 2012. № 2. С. 30–34.
16. Уланова О.Н. Оптимизация взаимодействия крупного и малого предпринимательства в инновационной среде: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 24 с.
17. Шатских А.В. Совершенствование взаимодействия малых предприятий и крупных корпоративных структур в российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2007. 26 с.
18. Белобородова А.Л. Оценка эффективности предпринимательской деятельности в рамках теории заинтересованных сторон // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 12–15.
19. Алешин А.В. Эффективность взаимодействия разномасштабных субъектов бизнеса в регионе: направления и способы оценки // TERRA ECONOMICUS. 2011. № 4. С. 132–136.
20. Сальников В.А. Оценка отраслевых эффектов интеграции России, Белоруссии и Казахстана за счет производственной кооперации // Проблемы прогнозирования. 2016. № 1 (154). С. 134–148.
21. Костусенко А.И. Процесс измерения эффективности взаимодействия предпринимательских структур // Проблемы современной экономики. 2009. № 2 (30). С. 18–25.
22. Задумкин К.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.
23. Бортник И.М. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. 2013. № 11. С. 21–32.
24. Кендюхов А.В. Использование метода главных компонент для оценки конкурентоспособности машиностроительных предприятий // Маркетинг и менеджмент инноваций. 2013. № 4. С. 219–227. URL: <http://mmi.fem.sumdu.edu.ua/ru/journals/2013/4/219-227> (дата обращения 23.10.2018).
25. Кремин А.Е. Оценка влияния деятельности малого бизнеса на уровень социально-экономического развития региона // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59180> (дата обращения 23.10.2018).
26. Алферьев Д.А. Применение метода главных компонент при оценке параметров научно-технологического потенциала // Вопросы территориального развития. 2016. № 4 (34). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1977>
27. Молчанова Е.В. Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 196–208.
28. Buks J. Efficiency Standards in Municipal Management. *National Municipal Review*, 1912, vol. 1, no. 3, pp. 35–54.
29. Hartry H. *How Effective are Your Community Services?* Washington: Urban Institute Press and International City Management Association, 1977. 213 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Екатерина Петровна – младший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 333.maarel.333@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Kuznetsova E.P.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE INDUSTRIAL COOPERATION DEVELOPMENT IN THE REGION

In the context of import substitution organized as a consequence of the economic sanctions introduced by a number of foreign countries, the authorities and the Russian government, as well as the scientific community, have faced the task of finding the ways to diversify the economy in order to reduce the effects of the negative factors, as well as accelerating technological progress. One of these areas is the development of industrial cooperation, since it makes it possible to produce high value-added products due to the concentration of homogeneous industries, allowing to expand the scale and volume of output and satisfy the demand for labor products. However, the lack of a support system for industrial cooperation processes slows down its development, and the main condition for its organization is making assessments of this interaction development. Due to the fact that currently there is no general approach, the aim of this work is to formulate a methodological approach to assessing the industrial cooperation development in the region. The article analyzes the state of the industrial sector of the Vologda Oblast the socio-economic situation of which is highly dependent on the situation in this sector. The main problems in its activities are identified. The existing methodological approaches to the assessment of the cooperative interaction of enterprises are analyzed. The main results of testing the developed methodology for assessing the industrial cooperation development in the region on the materials of the Vologda Oblast are presented. Through the long-term program of industrial cooperation development in the Vologda Oblast the proposals for improving cooperation have been made. The materials of this article can be used by researchers, graduate students and students, representatives of state authorities and administrations who are interested in the development of cooperative interaction between enterprises in the region. The novelty of the study consists in the generalization, systematization, comparative analysis of the theoretical and practical aspects of the industrial cooperation development and the development of an author's methodological approach to assessing the industrial cooperation development in the region.

Production cooperation, economy of the region, socio-economic development of the region, industrial sector of the economy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Ekaterina Petrovna – Junior Researcher, Department of Scientific and Technological Development and Knowledge Economy. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 333.maarel.333@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.5
 УДК 338.482:316 | ББК 60.564.04

© Цветкова И.В.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

ЦВЕТКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА

Тольяттинский государственный университет
 Россия, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
 E-mail: aleksandr@kozlov@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-3433-328X

Развитие туризма в регионах России выступает важным направлением модернизации экономики и социальной сферы. Данная проблема имеет особое значение для диверсификации экономики промышленных регионов, в том числе Самарской области. В современных исследованиях по развитию туризма большое значение уделяется бренду региона, его имиджу в средствах массовой информации. Не меньшее значение имеет восприятие условий жизни местным населением, что находит выражение в региональной идентичности жителей. Цель исследования состоит в изучении проблем развития туризма во взаимосвязи с ценностным отношением населения к территории проживания. Новизна подхода проявляется в том, что туризм рассматривается как индикатор региональной идентичности населения. Мнения населения о преимуществах проживания в регионе создают предпосылки для создания имиджа региона, привлекательного для туристов. С другой стороны, развитие туризма в регионе расширяет доступность природного и социально-культурного наследия как для приезжих, так и для местного населения. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетного опроса населения Самарской области. Исследование было посвящено изучению мнений жителей Самарской области о региональной идентичности. При анализе результатов были выделены группы респондентов в зависимости от их

Для цитирования Цветкова И.В. Развитие туризма в контексте региональной идентичности (на примере Самарской области) // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 78–90. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.5

For citation: Tsvetkova I.V. Tourism development in the context of regional identity (the case of the Samara Oblast). *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 78–90. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.5

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-630001 р_а «Концептуальная модель региональной идентичности населения Самарского региона».

суждений о развитии туризма. Первая группа считает, что туризм хорошо развит в Самарской области. Вторая группа придерживается противоположной позиции. Анализ результатов показал, что респонденты, считающие туризм развитым, чаще демонстрируют положительное отношение к региону. Они чаще выделяют преимущества региона, связанные с уровнем и качеством жизни, социально-культурным развитием территории. Результаты анкетирования показывают, что при продвижении регионального туризма необходимо обращать внимание на формирование региональной идентичности населения. Недостаточный уровень развития этих качеств может отрицательно влиять на туристическую привлекательность региона.

Туризм, оценка социально-экономического развития, факторы развития туризма, региональная идентичность, локальная идентичность, имидж региона, информационные источники, ценности, Самарская область.

Проблемы повышения туристической привлекательности региона включают множество факторов. Одним из них выступает региональная идентичность населения. Опыт некоторых регионов, например Ивановской области, показывает, что для успешной реализации социально-экономических стратегий в сфере туризма необходима поддержка местного сообщества [1, с. 77].

При изучении структур региональной идентичности большое значение имеет отношение местного населения к природе. Природные объекты выступают предметом гордости населения при осознании их уникальности. Однако признание ценности местной природы не имеет прямой связи с развитием туризма в общественном сознании [2].

Понятие региональной идентичности в современной науке рассматривают в качестве проявления ценностного отношения населения территории к обычаям, традициям, местной культуре. Региональная идентичность выступает основой для объединения местного сообщества [3]. По мнению некоторых ученых, региональную идентичность не следует противопоставлять национальной или гражданской идентичности. Региональная идентичность объединяет представителей различных этнических групп, она способствует укреплению целостности государства [4, с. 48].

Социально-культурные смыслы находят проявление в образе региона, который содержит мнение населения о различных видах социально-экономических условий, формах взаимодействия властных структур и бизнеса, сравнительных характеристиках уровня и образа жизни [5].

Региональная идентичность населения молодежи Татарстана, например, формируется на базе представлений о том, что в регионе созданы достойные условия жизни населения, соответствующие современным представлениям об уровне и качестве жизни [6, с. 70].

Понятие «идентичность», которое находит широкое применение в социальных и гуманитарных науках, характеризует активность индивидов в социально-культурном пространстве, которая включает несколько аспектов.

Первый аспект связан с удовлетворением потребностей в социальном самоопределении по отношению к коллективным общностям. Формирование идентичности основывается на освоении знаний, ценностей, видов деятельности, которые позволяют индивидам адаптироваться в социальных сообществах, стать в них «своими» [7, с. 124]. Данный подход является институциональным, поскольку он использует социально-культурный потенциал сообщества для интеграции индивидов.

Региональная идентичность с позиций институционального подхода соотносится с представлениями о ментальности, образе жизни населения, который формируется под влиянием местных условий. Региональная идентичность нацелена на укоренение населения, создание устойчивого местного сообщества, заинтересованного в развитии территории [8, с. 123].

Институциональный подход делает акцент на интеграционных процессах, которые происходят на локальном и региональ-

ном уровне. Туристическая привлекательность региона в рамках институционального подхода к региональной идентичности рассматривается как возможность продемонстрировать достопримечательности, готовность делиться культурными достижениями. При институциональном подходе в туризме реализуется практика гостеприимства со стороны «хозяина», уверенного в себе. Прием туристов, как и прием гостей, предполагает показ себя с лучшей стороны, но не направлен на создание иллюзорного имиджа.

Под влиянием процессов глобализации и информатизации, модернизации экономики институциональный подход к региональной идентичности сталкивается с рядом проблем. Они вызваны усилением миграционных процессов, повышением значимости туризма как социально-культурной деятельности и отрасли экономики. На смену институциональной парадигме приходит конструктивистский подход к формированию региональной идентичности. Желание адаптироваться в условиях общности выступает результатом выбора индивидов. Конструктивистская парадигма региональной идентичности рассматривает местное население как потенциальных мигрантов. В конечном итоге индивид может сделать выбор не в пользу региона своего проживания, а в пользу другой территории. В современных условиях выбор идентичности обусловлен процессами глобализации, социальной мобильности, а также информатизации.

В рамках конструктивистского подхода региональная идентичность рассматривается как комплексная характеристика социально-экономических, социально-политических условий, влияющих на формирование образа территории в общественном сознании. Обзор содержания понятия «региональная идентичность» в работах российских авторов представлен в статье Н.А. Левочкиной [9]. Для региональной идентичности имеют значение не только образы территории, созданные в сознании местного населения. Значительное влияние оказывает «внешний образ» региона, который распространяется за его пределами. В условиях

конкуренции регионов за ресурсы усиливается информационная борьба за продвижение брендов регионов. Население выступает в качестве ресурса маркетинговых стратегий, но местные жители далеко не всегда делают выбор в пользу региона своего проживания. Данная ситуация оказывает существенное влияние на региональный туризм. Оценка условий регионального туризма осуществляется не с позиций «хозяина», а со стороны потенциального «туриста». В рамках конструктивистского подхода региональная идентичность основывается на сравнении особенностей различных регионов с целью выделения преимуществ. Развитие туризма выходит за рамки представлений о гостеприимстве местных жителей, оно во многом зависит от привлекательности региона для инвесторов за пределами территории.

При рассмотрении вопросов развития регионального туризма происходит столкновение институционального и конструктивистского подходов к анализу региональной идентичности. Бесспорным преимуществом конструктивистского подхода выступает то, что он учитывает объективные социальные изменения, происходящие в различных сферах общественной жизни. Однако конструирование привлекательного образа территории должно учитывать потребности и интересы местного сообщества. Институциональная парадигма ориентирована на развитие локального и регионального патриотизма. Однако успешное применение этого подхода связано с преодолением региональной замкнутости. Иностранные исследователи видят перспективы формирования региональной идентичности через раскрытие креативного потенциала населения, создание условий для развития искусства, инноваций, различных форм и видов творчества [10, с. 1375].

Факторы региональной идентичности находят применение в инвестиционной политике, в реализации туристических стратегий. Региональная идентичность – это один из факторов создания туристической дестинации.

Туристическая привлекательность местности определяется комплексом условий,

Таблица 1. Развитие туристско-рекреационного кластера Самарской области на 2018–2030 гг.

Индикатор развития	2018 год	2025 год	2030 год
Объем внутреннего и выездного туристического потока в Самарской области (тыс. чел)	764,4	877,9	969,2
Объем налоговых и иных платежей от сферы туризма в бюджеты всех уровней (млн руб.)	4538,3	4865,6	5113,6
Объем услуг, оказанных населению Самарской области в сфере туризма (млн руб.)	4979,5	5719,9	6315,1

Источник: Об утверждении государственной программы Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы. (с изменениями на 27 декабря 2018 года). Приложение 1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550320099> (дата обращения 06.04.2019).

которые придают ей уникальность [11, с. 42]. Туризм формирует доступность культурного и природного наследия как для приезжих, так и для местных жителей. Туризм – это способ возвращения идентичности [12, с. 9].

В Самарской области туризм является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития (табл. 1). В документах по развитию туризма в регионе отмечено, что туризм комплексно влияет на различные сферы жизни. Туризм выступает катализатором социально-экономического развития². Самарская область в настоящее время реализует целевую региональную программу по развитию туризма, которая основывается на использовании уникальных условий региона [13, с. 135].

Целью статьи является анализ развития туризма в регионе во взаимосвязи с характеристиками региональной идентичности населения. К ним относятся миграционные планы, отношение участников опроса к месту своего проживания, информированность о жизни региона, представления о положительных и отрицательных аспектах жизни в регионе, оценка экологической ситуации.

В современном обществе туризм выступает одной из важных отраслей экономической и социально-культурной жизни. Внимание к развитию туризма связано с поисками возможностей для диверсифика-

ции экономики, источников для увеличения местного бюджета. Некоторые исследователи рассматривают развитие туризма как важное направление импортозамещения [14, с. 16]. В условиях экономических санкций в нашей стране была принята стратегия, направленная на создание продуктов отечественного производства, которые могут по своим свойствам заменить зарубежные аналоги. Данная стратегия может применяться в сфере туризма. Речь идет о создании туристических продуктов, которые могут быть привлекательными как для жителей региона, нашей страны, так и для зарубежных туристов. Одним из важных условий развития туризма в регионе является организация государственно-частного партнерства. В Самарской области, согласно мнениям специалистов, создана современная юридическая база для развития проектов государственно-частного партнерства [15, с. 22]. Однако практика установления эффективных отношений между государством и бизнесом в туристической индустрии находится в стадии становления.

В Самарской области, как и в других регионах России, туризм имеет значение для решения экономических проблем сельского населения. Развитие туризма оказывает влияние на создание рабочих мест, развитие предпринимательства в регионе, возрождение народных промыслов. Это способствует формированию общих черт культуры при сохранении этнической самобытности [16, с. 68].

Значительным потенциалом для развития в Самарской области обладает этногра-

² Постановление Правительства Самарской области от 22 апреля 2015 года № 206 «Об утверждении государственной программы Самарской области «Развитие туристско-рекреационного кластера в Самарской области» на 2015–2025 годы» (с изменениями на 3 сентября 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/464018369> (дата обращения 15.01.2019).

фический туризм. Он связан с посещением поселений местного населения, в которых сохранился традиционный уклад [17, с. 25]. Развитию этнографического туризма в Самарской области могут оказывать помощь национально-культурные объединения [18]. Этнографический туризм в условиях нашей многонациональной страны способствует распространению знаний о богатстве культур народов нашей страны, укреплению национального согласия [19, с. 58].

Наиболее привлекательными для развития сельского туризма, согласно исследованиям экологов и экономистов, являются Иса克林ский, Кошкинский, Кинель-Черкасский, Ставропольский районы Самарской области [20, с. 28].

Организация музейного дела в регионе может способствовать достижению образовательных и воспитательных целей как туристов, так и местного населения. Развитию музейного дела в регионе препятствуют материально-техническое оснащение учреждений, недостаточное финансирование, что мешает модернизации экспозиций, внедрению передовых технологий [21, с. 16].

Состояние туристической сферы зависит от множества факторов. На продвижение туризма влияют не только экономические условия, но и развитие социальной и культурной сферы. Важными составляющими туристической привлекательности территории выступают сохранение и развитие культурного наследия региона.

Под культурным наследием в современной науке понимают не только результаты материальной и духовной деятельности людей, обладающие ценностью, но и природный ландшафт [22, с. 121]. Природные условия с позиций региональной идентичности рассматриваются как источник символического содержания культурных артефактов, формирующий неповторимый образ территории.

Природные условия Самарской области являются благоприятными для развития туризма (памятники природы с ценными представителями флоры и фауны). Сотрудники Института экологии Волжского бассейна РАН составили рейтинг распространения

по территории региона природных объектов, обладающих туристической привлекательностью [23, с. 64].

В стратегических документах по развитию туризма продвижение этой сферы связано с использованием возможностей туристско-рекреационного кластера. По мнению специалистов, этот кластер в настоящее время развит недостаточно. Перспективными направлениями в регионе являются событийный туризм, отдых выходного дня, а также деловой туризм (MICE). Последнее направление включает организацию деловых встреч, поощрений сотрудников фирм, проведение конференций и корпоративных мероприятий. Повышению туристической привлекательности региона способствуют мероприятия, проведенные для подготовки Чемпионата мира по футболу. В Самарской области было реализовано 70 инвестиционных проектов по развитию туристско-рекреационной инфраструктуры [24, с. 150]. Они нацелены на совершенствование транспортного перемещения, гостиничного обслуживания, организации общественного питания.

Самарская область в настоящее время реализует целевую региональную программу по развитию туризма, ее результаты обсуждают в научных и управленческих сферах [25, с. 134]. Формирование привлекательного образа территории для развития туризма во многом связано с задачами эффективного конструирования имиджа региона и региональной идентичности населения.

Изучение проблем региональной идентичности стало предметом социологического исследования, проведенного в 2018 году участниками проекта, реализованного при поддержке РФФИ. Были опрошены 754 человека. Согласно выборке, 396 человек проживают в Тольятти (53%), 183 человека (24%) – в средних городах Самарской области (Новокуйбышевск, Нефтегорск, Жигулевск), 175 участников опроса (23%) – в сельских поселениях Самарской области (Ставропольский, Сызранский, Шенталинский, Кошкинский, Октябрьский, Иса克林ский районы). По гендерным признакам участники опроса распределены следующим образом:

мужчины – 47%, женщины – 53%. В зависимости от возраста: 38% молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, 32% составляют люди среднего возраста 31–45 лет, возрастная группа старше 45 лет – 30% опрошенных. Распределение социально-демографических характеристик участников опроса дает возможность получить достоверные статистические распределения ответов. При обработке и анализе информации использовалась программа статистической обработки информации SPSS-21.

В анкете респондентам были предложены суждения об условиях жизни в Самарском регионе. Одна из пар противоположных суждений имела отношение к туризму. Суждение «в Самарской области активно развивается туризм» нашло поддержку у 42% участников опроса. 58% респондентов выразили согласие с суждением «развитию туризма не уделяется должного внимания в Самарской области» (рис. 1).

Рис. 1. Выбор респондентами суждений о развитии туризма, % по столбцам

Рассмотрим социально-демографические особенности представителей данных групп. Участники анкетирования, отмечающие высокий уровень развития туризма, чаще относятся к возрастной группе старше 30 лет. Молодежи больше в числе тех, кто негативно оценивает туристическую привлекательность региона.

Среди жителей сельской местности на 15% больше сторонников развития туризма, чем в среднем по массиву (см. рис. 1). Жители крупных и средних городов чаще придерживаются противоположного мнения.

Респондентов, которые отмечают высокий уровень развития туризма в регионе, на 6% больше, чем других, отличает высокая самооценка материального положения: «отличное», «выше среднего». Описание материального положения участников опроса, которые не считают, что туризм развит в Самарской области, смещено в сторону средних и низких оценок.

Треть респондентов ответили утвердительно на вопрос «Планируете ли Вы в ближайшее время переехать в другой населенный пункт, в другой регион?». Среди участников анкетирования, которые не считают Самарский регион привлекательным для туристов, желание уехать распространено на 11% больше, чем среди тех, кто считает развитие туризма перспективным направлением (рис. 2). Они чаще соотносят свои жизненные планы с Самарской областью.

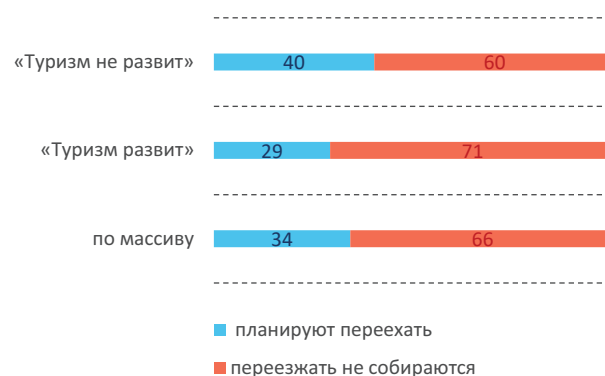

Рис. 2. Миграционные планы респондентов и оценка развития туризма, % по столбцам

Две трети опрошенных характеризует ценностное отношение к региону. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Какие чувства у Вас возникают в связи с тем, что Вы являетесь жителем Самарского региона?». Респонденты, которые считают сферу туризма развитой в регионе, на 5% чаще, чем другие, выражают положительное отношение к региональной идентичности. Отрицательные чувства к региону проживания испытывает примерно десятая часть опрошенных. Это мнение чаще характерно для респондентов, которые считают, что туризм в Самарском регионе не развит. Затрудняется ответить на вопрос треть опрошенных.

Участникам анкетирования был задан вопрос «Что Вам нравится в населенном пункте, в котором Вы проживаете?». Распределение ответов, представленное в *табл. 2*, дает возможность выявить положительные аспекты региона, которые связаны с оценкой перспектив развития туризма.

Респонденты, которые считают, что в регионе успешно развивается туризм, на 8–9% чаще, чем другие, отмечают среди позитивных аспектов жизни в регионе людей, которые здесь живут, благоустройство и чистоту территории, невысокие цены на товары и услуги. На 5–6% чаще, чем другие, представители этой группы отмечают учебные заведения, где можно получить качественное образование, а также интересные культурные и спортивные мероприятия.

Соответственно, респонденты, которые не считают, что в регионе существуют благоприятные условия для развития туризма, отмечают перечисленные варианты ответа реже, чем другие.

На уровне средних показателей по массиву отмечены живописная природа, удобство транспортного перемещения, места, где можно отдохнуть и развлечься, рациональная застройка территории, условия для

организации досуга, а также красивые здания и архитектура.

Мнение участников опроса о том, что в Самарской области хорошо развивается туризм, находится в зависимости от оценки суждений об уровне и качестве жизни в регионе. Среди них почти две трети опрошенных считают, что в регионе высокое качество жизни. Этот показатель на 20% превышает данные по массиву. Участники опроса, которые не считают туризм приоритетным направлением, значительно чаще, чем другие, придерживаются противоположного суждения «Самарская область не отличается высоким качеством жизни, регион не является престижным». Данные опроса этой группы на 26% превышают результаты по массиву.

Сторонники мнения о развитии туризма в регионе на 17% чаще, чем другие, считают, что образ региона в СМИ является позитивным и ярким. Участники опроса, которые не видят перспектив для развития туризма в регионе, чаще, чем другие, утверждают, что СМИ представляют Самарский регион как проблемный, неинтересный. Результаты их ответов на 11% превышают данные по массиву.

Суждение о том, что в Самарской области богатая культура, здесь развивается совре-

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «Что Вам нравится в населенном пункте, в котором Вы проживаете?» в зависимости от мнений об уровне развития туризма в регионе (данные приведены в % по столбцам)

Положительные аспекты региона	По массиву	Поддерживают суждение «туризм развит»	Поддерживают суждение «туризм не развит»
Живописная природа	56	57	56
Люди, которые здесь живут	44	51	39
Благоустройство, чистота	26	35	19
Удобство транспортного перемещения	31	34	32
Невысокие цены на товары, услуги	20	28	15
Есть где отдохнуть и развлечься (кинотеатры, развлекательные центры и т. д.)	21	24	21
Учебные заведения, где можно получить качественное образование	17	23	16
Интересные культурные и спортивные мероприятия	17	22	14
Удобная, рациональная застройка территории	19	21	20
Хорошие условия для организации досуга (кружки, клуб по интересам)	17	18	18
Красивые здания, архитектура	9	10	7

Примечание: Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.

менное искусство, участники опроса, которые считают туризм развитым в регионе, поддерживают на 20% чаще, чем другие. Представление о том, что в Самарской области нет благоприятных условий для развития культуры, на 14% чаще распространено среди тех, кто не считает туризм развитой сферой.

Мнения участников двух групп различаются при оценке возможностей для развития талантов в регионе. Суждение «в Самарском регионе созданы условия для развития талантов, творчества» сторонники туризма отмечают на 13% чаще, чем в среднем по массиву. Противоположное суждение «Самарский регион не поддерживает талантливых людей, чтобы развиваться, они вынуждены переезжать в другие регионы» чаще поддерживают представители второй группы. Они на 8% чаще, чем другие, согласны с данным суждением.

Участникам опроса был задан вопрос «Какие проблемы характерны для населенного пункта, в котором Вы проживаете?». Табл. 3 дает возможность проанализировать данные по массиву и выявить причины, препятствующие развитию туризма. Об этом, в частности, свидетельствует распределение ответов участников опроса, которые не счи-

тают, что в регионе есть благоприятные условия для развития туризма. Представители этой группы на 8–11% чаще, чем другие, среди отрицательных аспектов жизни в регионе отмечают неблагоприятную экологию, отсутствие возможностей для достойного трудоустройства, низкое качество благоустройства, низкий уровень культуры населения, а также высокий уровень преступности.

Участники опроса, которые не считают, что в регионе есть благоприятные условия для развития туризма, на 5–6% чаще, чем другие, выделяют низкий уровень здравоохранения, отсутствие возможностей для получения качественного образования, отсутствие перспектив для развития территории.

Респонденты, которые считают условия региона благоприятными для развития туризма, соответственно, реже выделяют перечисленные позиции.

На уровне средних показателей по массиву представители обеих групп отмечают миграцию населения, молодежи в другие населенные пункты, плохое состояние дорог, безликий, серый вид зданий, малое количество памятников. Эти социальные проблемы отмечены примерно третьей частью респондентов.

Таблица 3. Ответы респондентов на вопрос «Какие проблемы характерны для населенного пункта, в котором Вы проживаете?» в зависимости от мнений об уровне развития туризма в регионе (данные приведены в % по столбцам)

Социальные проблемы региона	По массиву	Поддерживают суждение «туризм развит»	Поддерживают суждение «туризм не развит»
Неблагоприятная экология	45	31	56
Отсутствие возможностей для достойного трудоустройства	41	33	52
Пьянство, наркомания, преступность	36	30	44
Низкий уровень здравоохранения	35	30	41
Низкое качество благоустройства территории	29	24	37
Выезд населения, молодежи в другие населенные пункты	33	29	37
Низкий уровень культуры населения	26	15	35
Отсутствие перспектив для развития, стагнация	28	24	34
Плохое состояние дорог	35	38	32
Безликий, серый вид зданий, мало памятников	26	23	29
Отсутствие возможностей для получения качественного образования	18	13	22

Примечание: Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.

Подробнее остановимся на характеристике экологического благополучия региона. Респондентам было предложено выразить свое согласие с суждениями об экологическом состоянии Волги, о ее значении для населения региона (табл. 4).

Две трети участников опроса выразили согласие с тем, что Волга является предметом гордости жителей Самарской области, Поволжья. Сторонники развития туризма в регионе поддерживали это суждение на 11% чаще, чем другие. 38% опрошенных считают, что Волга объединяет жителей Самарской области, Поволжья. Это мнение также чаще распространено среди респондентов, оптимистично оценивающих сферу туризма.

Примерно половина участников опроса считает, что экологическое состояние Волги в последние годы ухудшается, поддержание экологического благополучия Волги – дело государственной важности. Данные мнения на 7–10% чаще распространены среди респондентов, которые не согласны, что развитие туризма в регионе реализуется на должном уровне. Представители этой группы на 5% чаще, чем другие, отмечают, что строительство промышленных объектов на Волге, на ее берегах наносит большой ущерб природе региона. Это суждение было отмечено в 38% анкет по массиву.

Примерно половиной опрошенных на уровне средних показателей по массиву отмечены следующие суждения: «берега Волги – любимое место отдыха жителей Самарского региона, туристов», «необходимы действенные меры по спасению Волги», а также «необходимо благоустройство берегов Волги для развития культуры и туризма в Самарской области».

Как показывают результаты исследования, мнение населения о развитии туризма в регионе связано с характеристиками региональной идентичности населения. Как было отмечено ранее, при анализе данного феномена применяются два подхода: институциональный и конструктивистский. Представление о высоком уровне развития туризма чаще базируется на институциональных характеристиках региональной идентичности. Представители этой группы чаще подчеркивают позитивные аспекты условий жизни в регионе, они чаще удовлетворены благоустройством и чистотой территории, невысокими ценами на товары и услуги, хорошими условиями для развития культуры и творческих способностей. Туристической привлекательности Самарской области способствует живописная природа, люди, которые живут в регионе. Данные аспекты были отмечены участниками

Таблица 4. Мнения респондентов об экологическом состоянии Волги в зависимости от мнений об уровне развития туризма в регионе (данные приведены в % по столбцам)

Суждения об экологическом состоянии Волги	По массиву	Поддерживают суждение «туризм развит»	Поддерживают суждение «туризм не развит»
Волга является предметом гордости жителей Самарской области, Поволжья	63	72	60
Берега Волги – любимое место отдыха жителей Самарского региона, туристов	52	53	53
Экологическое состояние Волги в последние годы ухудшается	52	45	63
Необходимы действенные меры по спасению Волги	48	50	51
Поддержание экологического благополучия Волги – дело государственной важности	49	43	56
Строительство промышленных объектов на Волге, на ее берегах наносит большой ущерб природе региона	39	37	44
Необходимо благоустройство берегов Волги для развития культуры и туризма в Самарской области	47	41	50
Волга объединяет жителей Самарской области, Поволжья	38	47	37
Примечание: Сумма по столбцам превышает 100%, так как респонденты отмечали суждения, с которыми согласны.			

анкетирования среди предпосылок развития туризма в Самарской области.

Проблемы регионального туризма чаще отмечают участники опроса, которые критично оценивают развитие туризма в регионе. Региональная идентичность представителей данной группы формируется на базе конструктивистской парадигмы. Образ региона в коллективном сознании данной группы чаще включает негативные аспекты: неблагоприятную экологическую обстановку, низкое качество благоустройства, низкий уровень культуры населения. Отмечены проблемные аспекты социальной сферы: возможности получения качественного медицинского обслуживания, образования. Респонденты, считающие уровень развития туризма недостаточным, чаще считают состояние экологии в регионе неблагоприятным. Их беспокоит состояние Волги, влияние на него промышленных объектов, необходимость проведения государственных программ по спасению Волги.

Результаты анкетирования дают представление об оценке населением состояния сферы туризма в регионе. Несмотря на то что на этапе подготовки к Чемпионату мира по футболу, в Самарской области произошли позитивные изменения, сфера туризма нуждается в инвестиционной поддержке, в совершенствовании налогообложения, правовой базы. Кроме экономического и правового стимулирования большое значение имеет заинтересованность населения в развитии туризма. Аргументация позиций о развитии туризма, как показал анализ ответов, зависит от уровня формирования локальной и региональной идентичности участников опроса. Мнение о том, что в Самарской области развит туризм, чаще поддерживают респонденты, которые положительно относятся к месту своего проживания. Эта пози-

ция чаще характерна для людей старше 30 лет, со стабильным материальным положением, проживающих в сельской местности. Она свойственна людям, укоренившимся в местном сообществе, которых во многом устраивает состояние туризма в качестве одной из вспомогательных отраслей социально-экономической деятельности.

Суждения о низком уровне развития туризма чаще распространены среди респондентов, которые планируют миграцию в другие регионы. Они чаще нейтрально или отрицательно относятся к месту своего проживания, поскольку их идентичность формируется на базе сравнения условий жизни в Самарском регионе с условиями в других регионах. Данная позиция по отношению к региональной идентичности соотносится с конструктивистской парадигмой. Участники опроса, объединенные в эту группу, реже выделяют положительные аспекты проживания на территории. Молодежь, жители средних и крупных городов реже согласны с тем, что туризм в Самарской области развивается на должном уровне. Вероятно, что их мнение в оценке туризма определяется более высокими стандартами уровня и качества жизни, чем существующими в регионе на сегодняшний день.

Результаты исследования показывают, что существует взаимосвязь между туристической привлекательностью региона и региональной идентичностью населения. Для развития туризма необходимо принимать во внимание не только мнения людей, укоренившихся на данной территории. Они, как правило, отражают позитивные аспекты. Критические оценки «потенциальных мигрантов» важны для понимания проблем и трудностей развития в современных условиях туризма как отрасли экономики и социально-культурной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев Д.С. Региональная идентичность в Ивановской области и политика конструирования образа территории: фактор туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 3. С. 76–82. DOI: 10.12737/12885
2. Ibrahim A. Regional identity of cities. *European Journal of Business, Economics and Accountancy*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 73–78.
3. Rykiel Z. *Territorial Identity in Sociology and Human Geography*. Territories and Identities in Central, Eastern and Southeastern Europe: Instytut Geopolityki Częstochowa, 2014, pp. 64–83.
4. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 4 (31). С. 47–62.
5. Szajnowska-Wysocka A. Theories of regional and local development-abridged review. *Bulletin of geography Socio-economic Series*, 2009, no. 12, pp. 75–90. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/v10089-009-0005-2>
6. Макарова Г.И. Региональная идентичность в повседневном дискурсе молодых татар Татарстана // Историческая этнология. 2016. № 1. С. 53–74.
7. Лубянов А.В. Роль идентичности в формировании региональной общности // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2014. № 1 (135). С. 123–131.
8. Лукьянова Н.А. Символический капитал власти в технологиях конструирования национальной идентичности // Уч. зап. ЗабГУ. Сер. «Философия, социология, культурология, социальная работа». 2013. № 4 (51). С. 122–127.
9. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Междунар. журн. прикл. и фунд. исслед. 2016. № 1. С. 446–453.
10. Raszkowski A., Głuszczyk D. *Regional creativity factors*. Towards new dimensions of regional development, The 9th International Days of Statistics and Economics, Prague, 2015, September 10–12, pp. 1385–1375.
11. Идентичность туристских дестинаций России как вызов для национальной безопасности / А.А. Понедельник [и др.] // Вестн. Прикам. соц. ин-та. 2016. № 2 (74). С. 41–46.
12. Зорин И.В., Зорина Г.В. Идентичность и туризм // Вестн. рос. междунар. Акад. туризма. 2016. № 1. С. 5–10.
13. Полякова И.Л. Механизмы реализации региональных целевых программ развития туризма в Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа) // Вестн. ОГУ. 2013. № 8 (157). С. 133–139.
14. Якунин В.Н., Овсянников В.П. Перспективы «Импортозамещения» в туристской индустрии // Сервис plus. 2016. № 4. С. 15–24. DOI: 10.22412/1993-7768-10-4-2
15. Ермолаева М.А. Организация государственно-частного партнерства в Самарской области // Основы ЭУП. 2013. № 3 (9). С. 21–23.
16. Кржижевский М.В. Изучение народных художественных промыслов Самарской области в целях развития туризма // Сервис plus. 2013. № 1. С. 67–70.
17. Кржижевский М.В. Этнический туризм в Самарской области: особенности и перспективы развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 2. С. 21–27.
18. Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестн. ОГУ. 2014. № 6 (167). С. 179–183.

19. Морозов А.А. Национально-территориальная идентичность как фактор развития туризма в регионе: топонимика и этнофутуризм в Карелии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6 (339). С. 57–72.
20. Блажова В.А., Зарубина Е.Н., Есипова О.В. Сельский туризм как социальный бизнес // Economics. 2016. № 11 (20). С. 27–29.
21. Полянскова Н.В., Шерстобитова Г.И., Ухтверова Е.А. Анализ социально-экономического развития районных музеев в Самарской области // Науковедение. 2014. № 6 (25). С. 16. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/16EVN614.pdf> (дата обращения 25.02.2019).
22. Сибирцева Ю.А., Кильдяшова Т.А. Культурные ресурсы территории: стратегии развития // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 2. С. 120–124.
23. Эколого-туристический потенциал Самарской области: ресурсы растительного мира / С.В. Саксонов [и др.] // Самар. науч. вестн. 2016. № 4 (17). С. 60–65.
24. Петрова А.И. Развитие туризма и гостеприимства Самарского региона в условиях подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 года // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 8. С. 145–152.
25. Полякова И.Л. Механизмы реализации региональных целевых программ развития туризма в Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа) // Вестн. ОГУ. 2013. № 8 (157). С. 133–139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Ирина Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История и философия». Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет». Россия, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14. E-mail: aleksandr@kozlov@mail.ru. Тел.: +7(8482) 53-91-73.

Tsvetkova I.V.

TOURISM DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF REGIONAL IDENTITY (THE CASE OF THE SAMARA OBLAST)

Tourism development in the regions of Russia is an important area of the economy and social sphere modernization. This problem is of particular importance for the diversification of the industrial regions' economy, including the Samara Oblast. In modern research on tourism development, great importance is given to the brand of the region, its image in the media. Equally important is the local population's perception of the living conditions which is expressed in the inhabitants' regional identity. The purpose of the research is to study the problems of tourism development in conjunction with the value attitude of the population to the residence territory. The novelty of the approach is manifested in the fact that tourism is considered as an indicator of the regional identity of the population. The population's opinions about the benefits of living in the region make the prerequisites for creating the region's image which is attractive to tourists. On the other hand, the development of tourism in the region expands the availability of natural and socio-cultural heritage for both the visitors and the local population. The empirical basis of the study was the results of a questionnaire survey of the Samara Oblast's population. The research was devoted to the study of the Samara Oblast residents' opinions on regional identity. When analyzing the results, the groups of respondents depending on their opinions on tourism development were identified. The first group believes that tourism is well developed in the Samara Oblast. The second group is of the opposite opinion. An analysis of the results showed that respondents who consider tourism developed more often show a positive attitude

towards the region. They highlight the advantages of the region related to the level and quality of life, the socio-cultural development of the territory more often. The survey results show that when promoting regional tourism, it is necessary to pay attention to the formation of the population's regional identity. An insufficient level of these qualities development can adversely affect the tourist attractiveness of the region.

Tourism, assessment of socio-economic development, factors contributing to tourism development, regional identity, local identity, image of the region, information sources, values, Samara Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsvetkova Irina Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy. Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Togliatti State University”. 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation. E-mail: aleksandr@kozlov@mail.ru. Phone: +7(8482) 53-91-73.

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.6

УДК 630*7(100) | ББК 65.341-18

© Кархова С.А.

ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОГО СПРОСА НА ЛЕСНУЮ ПРОДУКЦИЮ

КАРХОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Байкальский государственный университет

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

E-mail: 342428@mail.ru

ORCID: [0000-0001-6701-6283](https://orcid.org/0000-0001-6701-6283); ResearcherID: [D-5489-2019](https://orcid.org/D-5489-2019)

Мировое сообщество сегодня столкнулось с последствиями неограниченной эксплуатации природных ресурсов. Проблемы обезлесения, изменения климата, сокращения биоразнообразия, экологические бедствия стали следствием нерационального лесопользования, роста численности населения, промышленного развития. В условиях рыночной экономики леса как экономический ресурс задействованы в хозяйственном обороте и рассматриваются лесопользователями и правительствами стран преимущественно как источник доходов и нередко как даровое благо. Быстрорастущий спрос на древесину в XX веке легко покрывался за счет освоения новых лесных территорий. Спрос на лесную продукцию в его количественных и качественных характеристиках различен по странам и регионам мира. Потребление древесины в стране зависит от уровня экономического развития страны, численности населения и уровня бедности, обеспеченности лесными ресурсами, природно-климатических условий, способствующих их восстановлению, а также от спроса на внутренних и внешних рынках, наличия перерабатывающих мощностей и инноваций. В настоящей статье выявлены и уточнены главные факторы, влияющие на мировое потребление лесной древесной продукции. Установлено, что описание рынков леса и спроса на них осуществляется в рамках двух подходов, в которых задействуются разные классификации факторов. В обоих подходах изучается действие разнообразных единичных факторов, при этом выявление факторов спроса осуществляется на эмпирической основе. В результате исследования факторы глобального спроса на лесную продукцию были сгруппированы: природно-географические, демографические, политические, научно-технические и экономические. В каждой группе определены наиболее воздействующие на спрос факторы и приведена характеристика

Для цитирования Кархова С.А. Факторы глобального спроса на лесную продукцию // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 91–108. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.6

For citation: Karkhova S.A. Factors contributing to global demand for forest products. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 91–108. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.6

влияния отдельных факторов. Знание факторов спроса позволяет воздействовать на потребление лесных товаров, прогнозировать изменения в лесопользовании, лесной промышленности и лесной торговле.

Лесная продукция, рынок леса, конъюнктура, потребление древесины, спрос, факторы спроса, устойчивое развитие, глобализация.

Леса являются ключевым ресурсом планеты, обладая не только экономической ценностью, но и выполняя множество экологических и социальных функций. Но лишь 40 лет назад мировое сообщество стало проявлять явное беспокойство о состоянии лесных ресурсов. Среди глобальных проблем лесопользования называются экстенсивная модель лесопользования, растущее потребление древесины, низкоэффективная переработка, неоптимальное удовлетворение потребностей в лесной продукции.

На протяжении десятилетий с момента экономических преобразований в нашей стране управление лесным комплексом нельзя назвать устойчивым. Российская Федерация в мировом сообществе традиционно выполняет функции поставщика сырья, объемы вырубki леса практически не регулируются. Общепринято думать, что леса в России много. По факту, запасы древостоя и площадь лесов, их таксационные характеристики оцениваются очень приблизительно. Вопросы рационального потребления лесных ресурсов в нашей стране, по сути, не поставлены. Понимание факторов глобального спроса на древесину необходимо, во-первых, для рационального лесопользования и максимизации коммерческих выгод от эксплуатации лесных ресурсов, во-вторых, для формирования и реализации адекватной стратегии развития лесного комплекса.

Древесина как товар обладает определенной спецификой: как природный ресурс, количество которого ограничено, она при этом является возобновимым ресурсом, хотя сроки воспроизводства лесов беспрецедентно долгие [1, с. 27]. В отличие от полезных ископаемых лесные ресурсы имеют лучший уровень доступности как сырья.

Цель настоящего исследования – выявление главных факторов, определяющих

мировое потребление лесной древесной продукции и спрос на нее на мировом рынке леса. Исследование тенденций, причин и факторов, приводящих к сдвигам в производстве и потреблении лесной продукции, позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать изменение состояния лесных ресурсов и лесной промышленности, определять перспективы развития лесных предприятий и смежных отраслей и стран в целом.

Материалами для написания настоящей работы послужили база данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), труды ученых и специалистов в области лесопользования и лесной экономики, многочисленные исследования рынков лесной продукции. Изучение материалов выполнялось с использованием статистико-экономического метода.

Научной новизной данной статьи является выявление и уточнение групп факторов, определяющих размер и характеристики спроса на лесную продукцию как в глобальном масштабе, так и на отдельных лесных рынках стран и макрорегионов мира. Установленные группы факторов являются фундаментальными, учитывающими специфику лесного комплекса, характерными для всех лесных рынков и видов продукции из древесины.

Спрос – один из трех главных параметров любого рынка наряду с предложением и ценой. В глобальном масштабе спрос отражает совокупное потребление по всем странам мира. Мировой спрос на лесную древесную продукцию суммарно по всем странам мира примерно равен мировому производству. Если рассматривать каждое государство индивидуально, то производство обычно не соответствует потреблению лесной продукции, а недостаток или излишек товара компенсируется за счет импорта или экспорта.

Следовательно, производство, потребление и внешняя торговля на лесных рынках имеют значительные отличия по странам мира.

Факторы, которые каким-либо образом могут влиять на спрос и потребление лесной древесной продукции, многообразны. Основными в выделении факторов в целях исследований рынков лесной продукции обычно являются экспертные методы, а исследования строятся на эмпирической основе.

Можно обозначить два подхода, которыми пользуются ученые и практики при изучении рынков леса и спроса на них:

- 1) теоретико-экономический подход;
- 2) маркетинговый исследовательский подход.

Для первого подхода характерна попытка описать изменения спроса путем построения экономико-математических моделей с использованием в качестве научной базы микроэкономики, теории спроса и предложения. Согласно теории спроса, делается первичное деление факторов спроса на ценовые и неценовые (все остальные). Дальнейшее изучение неценовых факторов осуществляется на усмотрение исследователей. Разработанные модели равновесия спроса и предложения позволяют анализировать состояние рынка, а также делать относительно долгосрочные прогнозы развития рынка (обычно сценарными методами), разрабатывать индикаторы и обосновывать методы регулирования рынка. Недостатком в этом случае можно отметить множество допущений, ограниченность учтенных в моделях факторов и низкую реализуемость прогнозов.

Примерами исследований, проводимых в рамках теоретико-экономического подхода, являются модели макроэкономического равновесия глобального лесного рынка, разработанные коллективами зарубежных авторов.

Наиболее известной моделью стала GTM (GFCM) (Global Trade Model), разработанная Международным институтом прикладного системного анализа IIASA в 1980-х гг. [2]. При построении модели спроса, являющейся компонентой GTM, ученые используют деление на факторы лесного сектора (только

цены) и факторы вне лесного сектора (в том числе численность населения, доход на душу населения, жилищное строительство). В сценарии будущих изменений разработчики включили влияние таких факторов, как экономический рост, курсы валют, либерализация торговли, лесозаготовки в СССР, загрязнение воздуха в Европе, потепление климата. Также отмечается, что для разработки сценариев и анализа чувствительности использовали опыт учетных, руководителей и политиков, мнения экспертов и результаты дополнительных исследований. По результатам моделирования (по состоянию на 1980-е гг.) авторы указывают на выявленную чувствительность к следующим факторам: рост населения и рост доходов, курсы валют, технологические разработки в лесной промышленности и отраслях, производящих товары-заменители, уровень лесозаготовок в СССР и рост потребления древесины в Китае.

Глобальная модель лесного сектора EFI-GTM разработана в Европейском лесном институте EFI [3], по подобию GTM. Влияющими факторами в данной модели названы экономический рост, защита биоразнообразия лесов, цены на энергоносители, правила торговли, транспортные расходы, курсы валют, воспроизводство лесов и предпочтения потребителей.

ФАО использует глобальную модель лесной продукции GFPM (первая версия 1998 г.) [4], разработанную в Университете Висконсина (США), с целью прогнозирования спроса, предложения, торговли и цен. В качестве базовых факторов в модели учтены производственные мощности, темпы экономического роста и темпы технологических изменений по видам лесной продукции и странам. Уравнение спроса (потребления) в GFPM описывается как функция ВВП и цены.

В модели GFPM версии 2003 года [5] вместе с учетом экономического роста и кризисов включено исследование факторов внутренней и внешней политики, а именно либерализации глобальной торговли и защиты окружающей среды.

Второй подход используется в аналитических работах по исследованиям рынков,

выполняемых государственными и неправительственными организациями разного уровня, консалтинговыми компаниями. Теоретической базой являются теория отраслевых рынков и теория маркетинга. В данном подходе задача исследователей – объяснение причин изменения спроса и других показателей рынка постфактум. Констатируются факторы, которые привели к изменению спроса за определенный период, и делается предположение о дальнейших изменениях, определяются тенденции. Именно поиск факторов, повлиявших на конъюнктуру рынка, составляет задачу исследователей. Используются разные классификации факторов, определяющие структуру отраслевого рынка: общие и специфические, внешние и внутренние, фундаментальные и иные. Ограниченность данного подхода заключается в прогнозировании развития рынка в коротком периоде, постоянное обновление прогнозов. Примерами этого подхода являются любые маркетинговые исследования рынков леса.

В российской науке рынок леса и потребление древесины исследуются редко. Чаще всего ученые описывают факторы развития лесопромышленного комплекса, а в работах советского времени – факторы, влияющие на размещение лесоперерабатывающих производств.

Среди российских современных исследователей можно выделить диссертацию О.С. Малохатько [6, с. 9–10], который предложил факторы формирования и функционирования регионального отраслевого рынка леса как товарного рынка. В зависимости от способа воздействия автор разделил их на пять групп: институциональные, природно-экономические, социально-экономические, организационно-экономические, технико-экономические. Особенность выделения заключается в том, что экономические факторы как таковые автор не выделяет, но все группы факторов имеют экономический подтекст, например, в технико-экономические факторы включены инвестиции, а в социально-экономические – инфляция.

В качестве недостатка нужно отметить, что необходимость такой группировки не ясна и сама группировка логически не связана с остальными частями диссертационной работы автора.

В учебном пособии Г.В. Давыдовой и Т.В. Горицкой «Рынок леса»¹ используется также маркетинговый исследовательский подход, материал о лесном рынке представлен по его сегментам для макрорегионов и стран и базируется на статистике ФАО, в качестве определяемого показателя выступает емкость рынка. Рассматривая внутренний рынок России, авторы заявляют о влиянии на уровень потребления древесины и лесоматериалов следующих факторов: социально-экономическое развитие регионов, включая покупательную способность населения, экономический потенциал отрасли, численность населения, внешнеторговая конъюнктура, нормы расхода лесоматериалов в отраслях конечного потребления, объемы лесопользования, размеры инвестиций, трудовых и материальных ресурсов, состояние смежных лесопотребляющих отраслей.

В статье И.М. Романовой и А.Н. Троценко [7] предлагаются факторы, определяющие конъюнктуру рынка лесной продукции стран АТР. Так как авторы рассматривают макрорегиональный уровень, то разделяют их по уровню влияния на факторы макросреды и региональные факторы. По сути, данная классификация описывает внешние и внутренние факторы относительно макро-регионального уровня.

Работы, посвященные изучению конъюнктуры рынков, рассматривают спрос как один из элементов рыночной конъюнктуры, и соответственно, факторы конъюнктуры рынка можно применить для классификации факторов спроса.

В.Г. Клинов, внесший большой вклад в методологию исследования экономической конъюнктуры, предлагает воспроизводственную систему классификации факторов конъюнктуры рынка, при помощи которой выполняется разделение факторов на эндогенные (по стадиям воспроизводственного

¹ Давыдова Г.В., Горицкая Т.В. Рынок леса: учебн. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. С. 234–241.

процесса – производство, распределение, обмен и потребление) и экзогенные (внешние). Потребление ставится в зависимость от вида потребления и двух факторов – численность населения и личный доход. Также ученый доказывает, что потребление вторично по отношению к производству. Среди факторов внешней среды выделены природные, социальные, культурные, правовые и политические².

В диссертации Н.В. Светловой [8, с. 16] экзогенные влияющие факторы предложено разделять по принадлежности к различным сторонам рыночного механизма на факторы спроса и факторы предложения, по сфере происхождения – на экономические, социально-демографические, природные, научно-технические, военно-политические и государственно-правовые.

Для дальнейшего исследования воспользуемся данной классификацией по сфере (или природе) происхождения с корректировкой на выявленную специфику лесных рынков.

На основании изучения статистических данных о мировом производстве и потреблении лесной продукции и маркетинговых исследований лесных рынков были определены факторы, влияющие на производство и потребление лесных ресурсов и определяющие состояние мирового рынка леса, проведена их группировка (табл.).

Представленные группы факторов являются, по сути, главными или фундаментальными для описания изменений спроса на мировом рынке. Отметим, что некоторые общераспространенные группы факторов были исключены. В частности, группа психологических факторов, характеризующих поведение, предпочтения и ожидания потребителей, для лесных рынков является малозначимой, так как древесина, продукция из нее и сами лесные рынки традиционны. Экологические факторы, отражающие взаимоотношения человека и природы, не выделены в отдельную группу, так как они

Таблица. Группировка факторов глобального спроса на лесную продукцию

Группа факторов	Составляющие факторы
Природно-географические	1. Природно-климатические условия произрастания лесов 2. Неравномерность распределения лесов по территории 3. Запасы древесины на корню 4. Качественные характеристики древесины 5. Территориальная отдаленность мест потребления от мест произрастания
Демографические	1. Численность населения 2. Урбанизация населения 3. Структура населения (по различным признакам) 4. Уклад и традиции потребления, образ жизни 5. Неравномерность расселения и плотность населения 6. Трудовая занятость населения
Политические	1. Мировая политика 1.1. В области лесопользования 1.2. В иных областях 2. Национальная политика 2.1. В области лесопользования 2.2. В иных областях 3. Механизмы реализации политики 3.1. Стимулирование реализации 3.2. Контроль за исполнением 4. Режимы благоприятствования или противостояния с отдельными странами (внешняя торговля и инвестиции)
Научно-технические	1. Прогресс в технологиях для лесной промышленности 2. Прогресс в технологиях для зависимых отраслей 3. Прогресс в технологиях в замещающих отраслях
Экономические	1. Глобальные 1.1. Мировое экономическое развитие, кризисы 1.2. Инвестиции 2. Макрорегиональные 2.1. Конъюнктура мировых рынков леса 2.2. Конкуренция на мировых рынках леса 2.3. Цены на лесную продукцию и их волатильность 3. Национальные 3.1. Структура и сложность национальной экономики 3.2. Экономический рост 3.3. Валютные курсы 3.4. Инфляционные процессы 3.5. Ставка процента 3.6. Налогообложение и таможенные платежи 3.7. Внешнеторговый баланс

² Клинов В.Г. Экономическая конъюнктура. Факторы и механизмы формирования: учебн. пособие. М.: Экономика, 2005. С. 28.

	4. Микроэкономические
	4.1. Экономическая доступность лесных ресурсов
	4.2. Производственные мощности
	4.3. Инвестиции
	4.4. Затраты производства и сбыта, включая затраты на воспроизводство лесов
	4.5. Цены на внутреннем и внешнем рынках
	4.6. Финансовое состояние организации
	4.7. Экономическая оценка рисков
	4.8. Теневая (неформальная) экономика
	5. Наноэкономический
	5.1. Уровни доходов и расходов домохозяйств
	5.2. Платежеспособный и скрытый спрос
	5.3. Теневая (неформальная) экономика

реализуются через политические, экономические и научно-технические факторы. Социальные факторы, отражающие взгляды общества, также являются производными от всех указанных групп. Военно-политические и государственно-правовые факторы на глобальном уровне объединены в одну группу – политические.

Далее по каждой группе факторов представим наиболее значимые, на наш взгляд, факторы и специфику их влияния. Следует отметить, что каждая группа факторов сложна, и однозначной корреляции со спросом факторы не имеют.

1. Природно-географические факторы

Данная группа факторов является базовой. Доказательства того, что «лес – явление географическое», представил более 100 лет назад классик отечественного лесоводства Г.Ф. Морозов [9, с. 10]. Природная среда, климат, ландшафт, почвы, животный мир, экология в совокупности оказывают влияние на распределение лесных ресурсов на планете, их естественную и антропогенную динамику и устойчивость лесных экосистем.

На основании статистики ФАО ООН, собираемой для оценки изменения лесов в глобальном масштабе, можно опосредованно представить влияние природно-геогра-

фических факторов, используя следующее предположение: чем меньше собственного леса в стране (или в регионе мира), тем больше данная страна (макрорегион) вынуждена импортировать лесной продукции и меньше экспортировать. Используем показатель чистой торговли (сальдо торгового баланса), определяемый как разница между экспортом и импортом лесной продукции (Forest products) страны или макрорегиона. Расчет проведем по значениям экспорта и импорта лесной продукции, среднегодовым за 20 лет (с 1998 по 2017 год), что позволит не учитывать влияние случайных и краткосрочных явлений, затем соотнесем полученные значения с численностью населения как среднегодовой за тот же 20-летний период, чтобы избавиться от влияния демографического фактора. Таким образом, все страны (макрорегионы, континенты) можно разделить на нетто-экспортеров и нетто-импортеров лесной продукции, согласно *рис. 1*.

Результаты проведенных расчетов показывают, что макрорегионами – чистыми экспортерами (и характерными странами) являются Северная Америка (Канада, США), Северная Европа (Финляндия, Швеция), Восточная Европа (Российская Федерация), Южная Америка (Бразилия, Чили, Уругвай), Юго-Восточная Азия (Индонезия, Малайзия, Лаос), Океания (Новая Зеландия), Меланезия (Папуа – Новая Гвинея), Центральная и Южная Африка (Камерун, Габон, Конго). Страны и макрорегионы, которые импортируют лесную продукцию в большем объеме, чем экспортируют, то есть чистые импортеры, – это Восточная Азия (Китай, Япония, Южная Корея), Центральная Америка (Мексика), Западная Азия (Турция, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Израиль), Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан), Южная Азия (Индия, Иран, Пакистан), Южная Европа (Италия, Греция), Западная Европа (Франция, Нидерланды), Северная Африка (Египет, Алжир, Марокко).

Совокупность природно-географических факторов, во-первых, вызывает неравномерность распределения по планете лесных ресурсов, во-вторых, ведет к неравномерно-

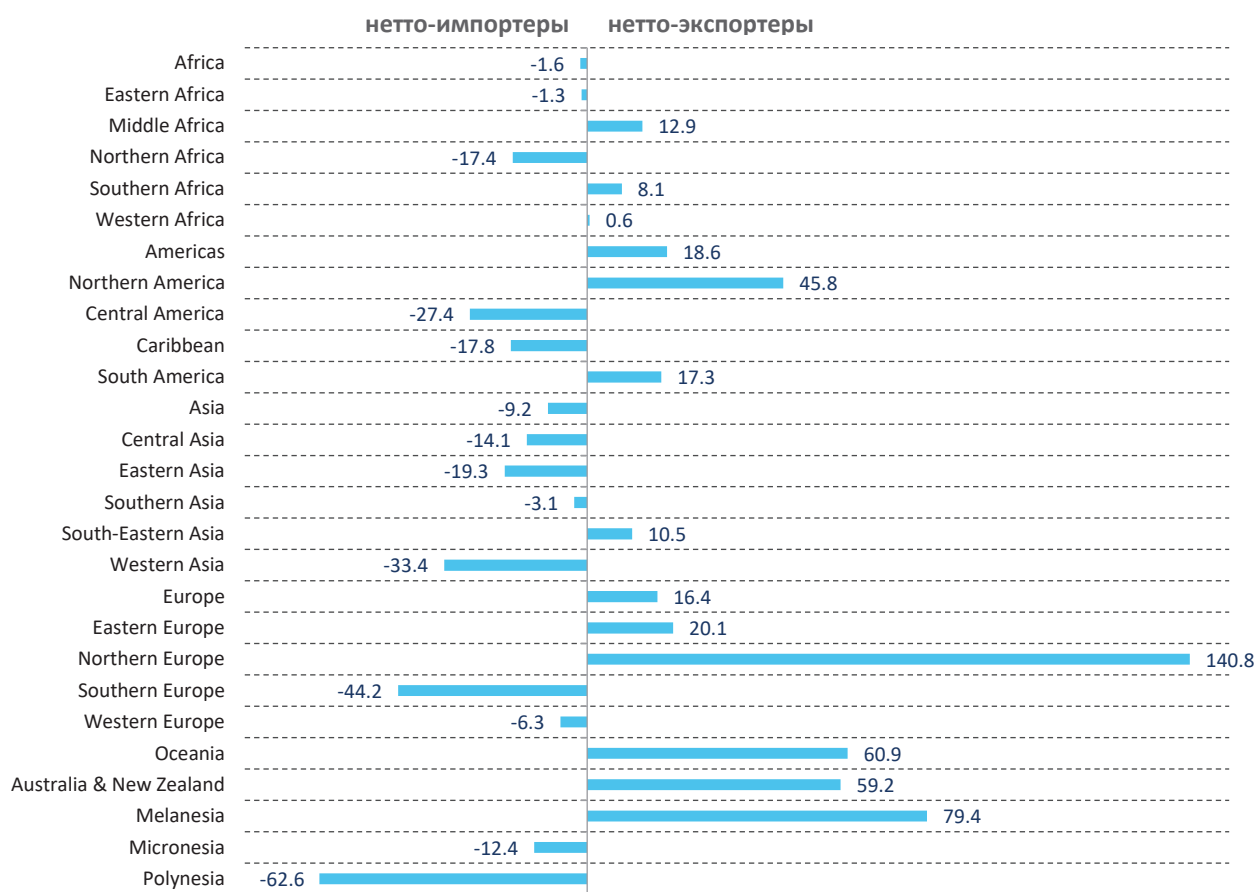

Рис. 1. Чистая торговля лесной продукцией по макрорегионам мира (среднегодовые значения за 1998–2017 гг. в расчете на душу населения), долл. США / чел.

Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН.

URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>; <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/RL>

му распределению территорий по уровню развития (следовательно, развитию производительных сил и рассредоточению лесопромышленного производства), по плотности населения, по уровню жизни. Согласно исследованиям в работе [10], мировую потребность в лесных ресурсах покрывают два основных типа экспортеров древесины: 1) богатые страны с низкой плотностью населения и стабильно обеспеченные лесами; 2) страны с низким уровнем дохода, быстро растущим населением и растущим уровнем благосостояния, но деградирующими лесными ресурсами.

Из совокупности названных факторов становится очевидным, что неравномерность распределения лесных ресурсов по количественным и качественным (породным) характеристикам влияет на спрос и предложение на лесных рынках.

В дополнение к географическим факторам можно отнести также территориальную отдаленность мест потребления древесины от мест ее произрастания, что является важным ценообразующим фактором мирового рынка леса. Тема транспортной доступности лесных ресурсов в контексте экономической их доступности в настоящий момент актуальна для российских научных исследований, в частности [11; 12] и др. Еще одна природная особенность – «период выращивания лесов, беспрецедентно длительный в сравнении с любым другим производственным циклом» [13, с. 41] – затрудняет экономическую оценку лесных ресурсов.

Природно-географические характеристики исторически влияли не только на наличие запасов древесины, но и на размещение лесоперерабатывающих мощностей, которые ранее строились по принципу близости к месту

заготовки древесины. В настоящее время этот аспект утрачивает свое влияние: товарные потоки древесины и продуктов ее переработки, напротив, стали тяготеть к местам размещения лесоперерабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий. Так, в работе И.Ф. Кузьмина [14, с. 38] доказывается, что ядром функционирования лесопромышленного комплекса в современной России теперь стали бумажно-целлюлозные комбинаты.

Говоря об отдаленном будущем и происходящих природно-климатических изменениях, нужно отметить позиции ученых о влиянии глобального изменения климата на состояние лесных рынков через столетие. В одной из последних работ по данной теме [15] доказывается, что глобальное изменение климата в условиях растущего спроса и ускорения роста лесов приведет к росту мирового производства древесины и падению уровня цен на нее.

2. Демографические факторы

Численность населения планеты, неравномерность распределения населения по территории суши, по континентам и странам можно считать также базовыми факторами, влияющими на лесопользование и лесные рынки.

Главной мировой проблемой в лесной сфере в настоящее время является проблема обезлесения, то есть перевод лесных земель под другой способ землепользования. Сокращение площадей лесов напрямую связано с ростом численности населения на планете, и в основном обезлесение происходит из-за необходимости решения продовольственных проблем с переводом земель под сельскохозяйственное назначение. Сокращение лесов наблюдается так же в связи с ростом городов, строительством объектов промышленности и транспорта. Истощение природных ресурсов, занятых в сельскохозяйственном обороте, ведет к повышению антропогенной нагрузки на продуктивные лесные земли [16, с. 17–18].

В частности, исследования [17] по выявлению причин обезлесения в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки позволили установить, что 40% площадей леса переводится под коммерческое сельское хозяйство (плантации ценных сельскохозяйственных культур) и еще 33% – задействуется в сельском хозяйстве для личных нужд; под цели добычи полезных ископаемых вырубается 7%; для развития инфраструктуры (строительство дорог, трубопроводов) – 10%; в связи с расширением городов – 10% от общей площади выведенных лесов.

По данным ФАО, к 2016 году площадь лесов на планете сократилась до 3 995,8 млн га, ежегодное сокращение лесов за 25 лет составляет около 0,13%³. Мировая статистика ФАО ведется с 1961 года.

В мире сложилась следующая тенденция: при стабильно увеличивающейся численности мирового населения практически пропорционально росла площадь, занятая сельским хозяйством, и снижалась площадь лесов. Тенденция переломилась в 2001 году благодаря мировой политике в области устойчивого развития, когда проявилась тенденция уменьшения территории под сельским хозяйством при продолжающемся росте населения. При этом замедлилась скорость выбытия лесных земель и площади лесов (рис. 2).

Увеличение численности населения ведет к необходимости повышать объемы лесозаготовки и переработки древесины.

На рис. 3 представлены графики изменений объемов вывозки (заготовки) круглого леса в натуральном объеме и на душу населения.

Представленная динамика за период с 1961 года показывает в тренде постоянное увеличение заготовки круглого леса при снижении производства и потребления древесины на душу населения. Объем заготовки древесины в среднем стабильно увеличивался, хотя наблюдались существенные колебания. В частности, в начале 1990-х гг.

³ Глобальная оценка лесных ресурсов 2015. Как меняются леса мира? // Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций. Рим: ФАО, 2016. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4793r.pdf> (дата обращения 08.02.2019).

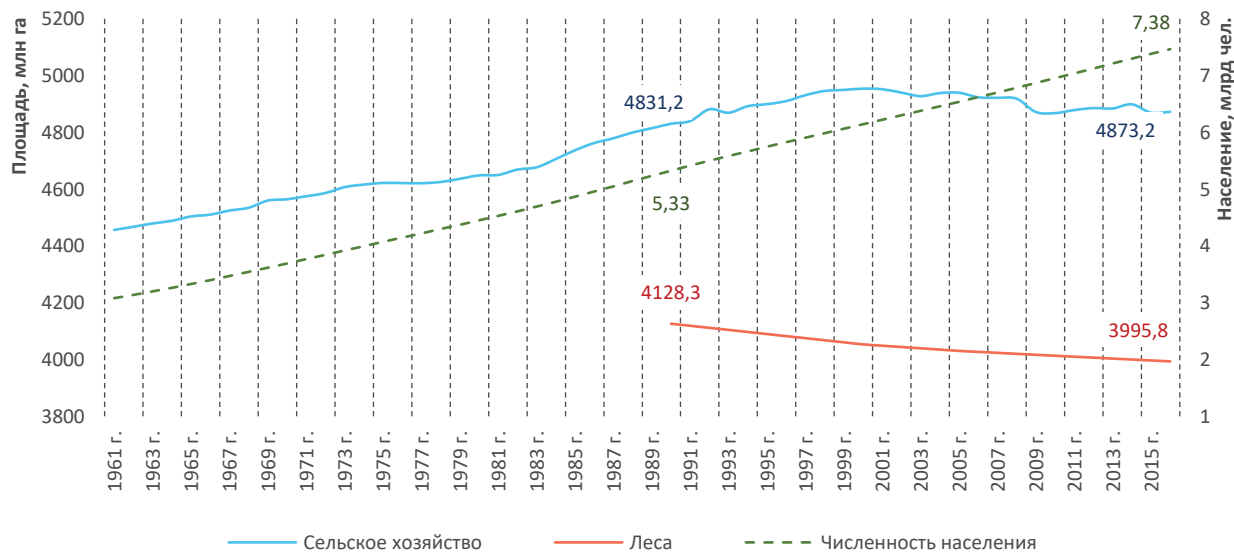

Рис. 2. Изменение численности населения, площадей лесов и сельскохозяйственных земель

Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>; URL: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/RL>

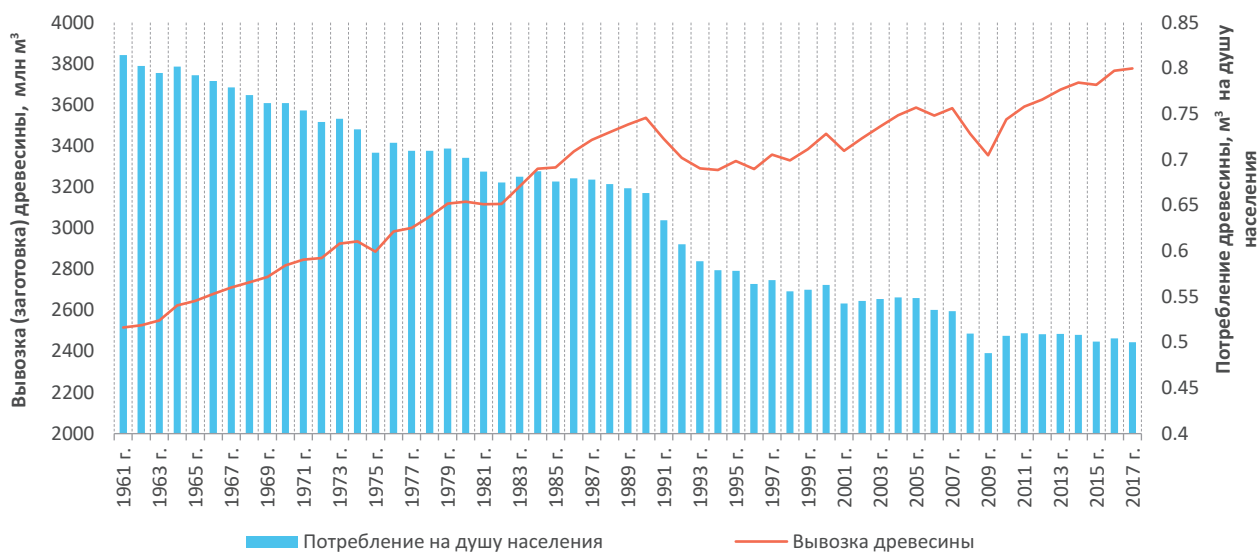

Рис. 3. Изменение объемов заготовки древесины и среднедушевого потребления древесины в мире

Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FO>; URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>

резкое сокращение объемов вывозки древесины отмечалось в Европе, что в основном объясняется распадом СССР и снижением заготовки древесины в Российской Федерации. После финансового кризиса 2008 года Европа и Северная Америка сообщили о резком снижении объема заготовки, в других регионах мира влияние кризиса было слабее [18, с. 233–234]. Эти спады явно видны по графику на рис. 3.

Можно заключить, что особенностью влияния демографических факторов в современном мире является интенсификация и глобализация воздействия человека на окружающую среду, которые создают угрозу для биосферы планетарного масштаба [19, с. 30].

3. Политические факторы

Государственная политика стран – производителей, потребителей, импортеров и экс-

портеров древесины устанавливает цели и задачи развития лесного хозяйства и лесной промышленности стран, а также требования и ограничения для хозяйствующих субъектов. Исходя из национальных приоритетов руководство стран стимулирует или ограничивает производство, экспорт и импорт лесопродукции.

Особенностями влияния политических факторов на рынок леса являются:

- индивидуальность лесной политики любого государства, которая базируется на истории и культуре лесопользования и управления лесами, разнообразии природных ресурсов, видении будущего страны, потребностей и проблем общества;

- различия между декларируемой политикой и ее практической реализацией, идеи лесной политики реализуются через систему лесного законодательства и механизмы его исполнения, которые зачастую несовершенны;

- постоянное изменение лесной политики, как эволюционное, так и кардинальное;

- выраженное в разной мере влияние других стран на лесную политику отдельных государств.

Лесная политика во многих странах формируется раздельно по сегментам: для лесного хозяйства – министерствами сельского и/или лесного хозяйства, для лесной промышленности и торговли – министерствами промышленности и/или торговли [20, с. 35–36].

Дополним, что на лесные товарные рынки оказывает влияние не только лесная политика, а также политика, проводимая и в других областях, в частности, торговая, внешнеэкономическая, энергетическая, налоговая и таможенная, природоохранная, градостроительная и другие.

Несмотря на выраженную индивидуальность национальных политик, выделим два мировых политических тренда, оказавших наиболее сильное влияние на состояние лесов мира – мировая глобализация и устойчивое развитие [21].

В XX веке политика колонизации «сильными» (то есть промышленно и технически развитыми, военно развитыми) странами

«слабых» стран для доступа к дефицитным или ценным ресурсам сменилась на более цивилизованную политику глобализации. Цели глобализации остались те же – доступ к природным ресурсам; изменился способ доступа – ресурсы можно и нужно обменивать на деньги. Вот только стоимость и ценность денег в разных по развитию странах существенно отличаются. Стоимостная оценка ресурсов, созданных природой, в том числе леса, вообще ограничена и неполноценна, относительна в размере и во времени. Для многих стран с низким уровнем дохода гласным или негласным приоритетом является получение денежных средств в государственный бюджет или личный доход в обмен на природные богатства для решения текущих проблем своей экономики и будущего благосостояния. Для влияния на политику «слабых» стран в области торговли природными ресурсами в эру глобализации применяются очень разные механизмы: от цивилизованных товарных бирж до национальных вооруженных конфликтов.

Пагубное влияние глобализации и соответствующей ей национальной политики можно увидеть на примере лесов Южной Америки и Африки, лесов на российской территории Сибири и Дальнего Востока.

Российская политика в области лесопользования разных лет оценивается чаще неудовлетворительно. Так, по мнению И.А. Вохмятина, изменения лесного законодательства конца XX – начала XXI века «были направлены на увеличение эффективности лесопользования и стимулирование притока инвестиций в лесную отрасль» на фоне разрушения действующей системы управления лесным комплексом [22, с. 8]. Включение России в мировую глобализацию в 1990-х гг., хозяйственная самостоятельность предпринимателей, проблемы в системе государственного управления в совокупности привели к неконтролируемым заготовкам и экспорту древесины.

На мировом уровне провозглашена концепция устойчивого управления лесами, к переходу на которую привлекаются все страны мира. Концепция устойчивого развития

сформировалась во второй половине XX века на фоне нарастания экологических проблем, а ее принципы были закреплены на конференции ООН по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, 1992).

В рабочих документах ОЛР-2020 (Глобальная оценка лесных ресурсов в 2020 году, проводимая ФАО ООН) под устойчивым управлением лесами кратко понимается «динамичная и эволюционирующая концепция, которая направлена на поддержание и увеличение экономической, социальной и экологической ценности всех типов лесов, на благо нынешнего и грядущего поколений»⁴. Концепция предполагает объединение трех составляющих развития – экономической, социальной, экологической. Для реализации концепции устойчивого управления лесами используются инструменты: показатели и индикаторы для оценки состояния лесов, планы управления лесами государств, независимая сертификация систем управления лесами, лесной мониторинг и отчетность.

В области лесной промышленности и торговли концепция нашла выражение в идеях «зеленой» экономики, в том числе в более глубокой переработке древесины и комплексном и безотходном использовании природных ресурсов. В частности, идея максимального использования древесных отходов привела к производству древесных пеллет (топливных гранул), переработке рекуперированной бумаги (макулатуры). Продукция из древесины, закрепившаяся в «зеленой» экономике, используется в биоэнергетике, экостроительстве, производстве экологических потребительских товаров.

Концепция устойчивого развития, несмотря на неопровержимую полезность, широко подвергается научной критике (см., например, [21; 23]). Не всегда мировая идея об устойчивом лесопользовании находит отражение в хозяйственной практике государств. Так, в работе Г.Д. Русецкой и О.А. Белых доказывалось, что в российском лесном законодательстве принципы устойчивого

управления лесами носят чисто декларативный характер; принятые перечни критериев и индикаторы устойчивого управления лесами не находят практического применения в лесной политике страны [24, с. 4–6].

Нужно отметить, что положительных результатов в устойчивом развитии лесного хозяйства достигают те страны, в которых активные действия проводятся на нижнем, местном уровне управления и во взаимодействии с местным населением.

4. Научно-технические факторы

Научно-техническое развитие является фактором, который определяет тренд производства и потребления лесной продукции в целом и отдельных ее видов, то есть емкость и структуру товарного рынка лесной продукции.

Влияние научно-технологических факторов на спрос на древесину, в первую очередь, показывает замена древесных ресурсов на продукты недревесного происхождения. Самым характерным примером является массовое распространение в XX веке источников энергии на основе угля, нефти, газа и электроэнергетики, которые привели к сокращению использования древесины как топлива (рис. 4).

В строительном и мебельном производстве древесина заменяется на металлы, пластмассы и нефтехимию, минералы, а также расширяется применение композитной продукции на основе соединения древесины и других веществ, например, древесно-полимерных композитов. В данных отраслях изменилась и видовая структура потребления древесной продукции, например, произошла замена пиломатериалов (брус, доска и др.) на листовые и плитные древесные материалы (фанеру, ДСП, МДФ и др.) (рис. 5).

Изменения в науке и технологии вызывают появление новых технологически сложных видов продукции на основе древесины и уменьшают спрос на традиционные виды. К примеру, в настоящее время относительно

⁴ Глобальная оценка лесных ресурсов – 2020. Термины и определения. ОЛР-2020: Рабочий документ по оценке лесных ресурсов 188 // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Рим, 2018. С. 29. URL: <http://www.fao.org/3/I8661RU/i8661ru.pdf> (дата обращения 11.02.2019).

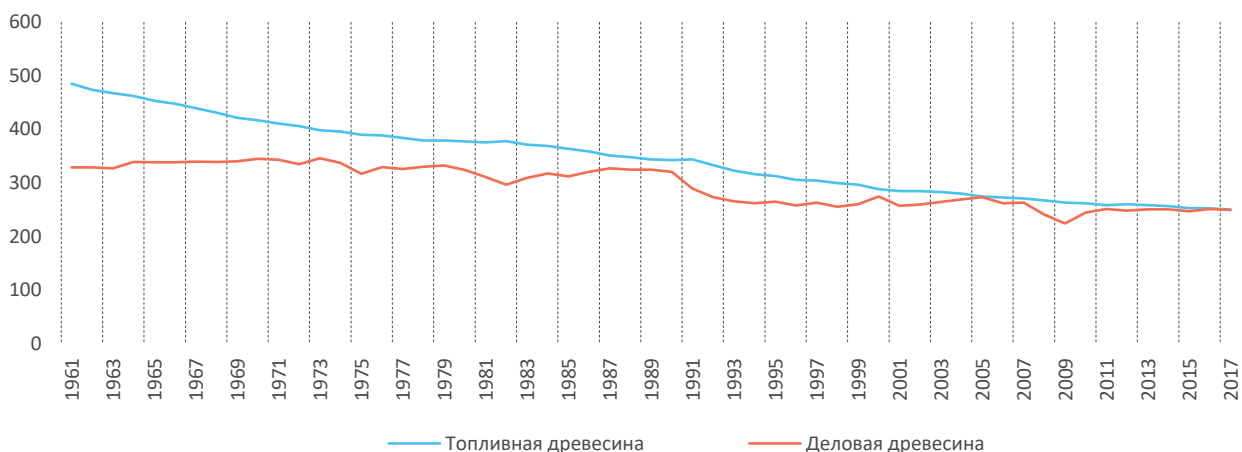

Рис. 4. Динамика мирового производства (потребления) деловой и топливной древесины, м³ на 1000 чел. населения

Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FO>; URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>

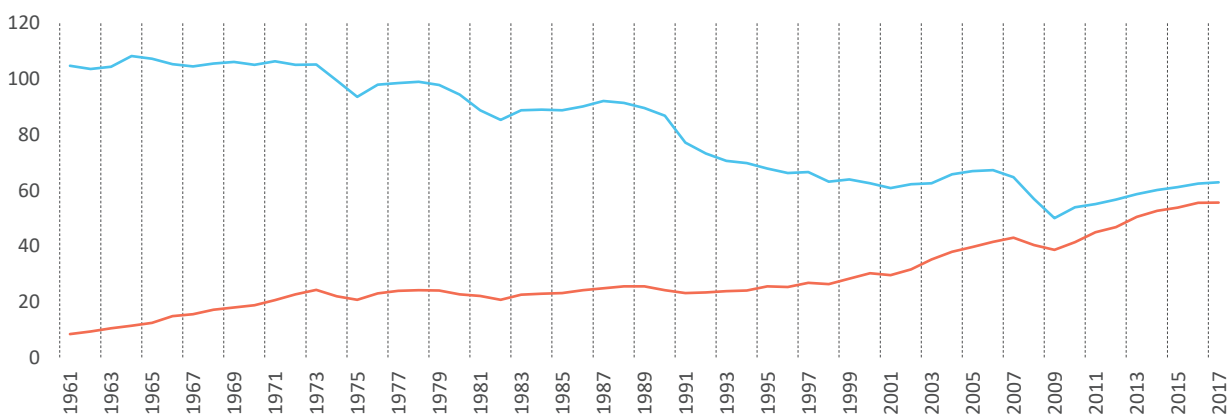

Рис. 5. Динамика мирового производства (потребления) пиломатериалов и листовых древесных материалов, м³ на 1000 чел. населения

Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FO>; URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>

новыми видами продукции с активно растущим спросом являются плиты МДФ, упаковочная и оберточная бумага и картон, пеллеты.

Прогресс в технологиях ожидаемо ведет к изменению общественного уклада и образа жизни, что сказывается на структуре потребительского спроса. Здесь влияющими факторами можно считать происходящее изменение соотношения численности городского населения и сельских жителей в пользу первых, изменение быта человека и домохозяйств, изменение общественного устройства. В лесной сфере это проявилось через большое потребление письменной и печатной бумаги во второй половине XX века, по-

стоянное увеличение спроса на бытовую и гигиеническую бумагу, быстрорастущее потребление упаковочной бумаги и картона, а также рост потребления мебели. В связи с формированием и развитием информационных технологий в начале XIX века началось снижение производства газетной бумаги, печатной и писчей бумаги. Изменение можно объяснить началом глобальной тенденции замещения традиционных бумажных источников информации (книг, газет, деловых документов, рекламных материалов и т. п.) на электронные источники (рис. 6).

Отличие стран в уровне научно-технического развития отражается на потреблении

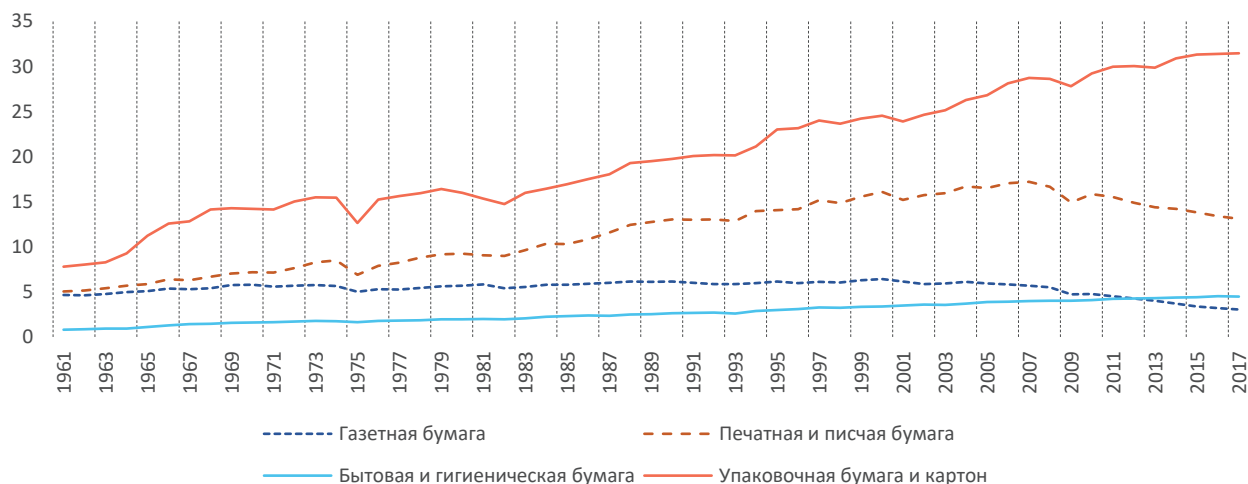

Рис. 6. Динамика мирового производства (потребления) основных видов бумажной продукции, кг на душу населения
 Рассчитано по: данные статистики ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FO>; URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA>

разных видов древесной продукции. Например, мировая тенденция последних лет заключается в росте выпуска бумаги в Азиатско-Тихоокеанской регионе и сокращении ее производства в Северной Америке и Европе. Другой пример – потребление древесины в качестве топливной для приготовления пищи и обогрева жилища является главным способом ее использования в странах с низким уровнем жизни населения и низким уровнем экономического развития. Уровни экономического развития и развития науки и технологий в государстве также характеризует наличие собственных технологий и мощностей по глубокой переработке древесины, создание новых видов продукции или новых методов ее переработки, новые способы применения древесной продукции.

5. Экономические факторы

Данная группа факторов является наиболее изучаемой при анализе и прогнозе рынков. Для структурирования экономических факторов проведем разделение их по уровням с учетом разделения лесных рынков и их участников. Экономические факторы глобального спроса на лесную продукцию можно рассматривать на пяти уровнях: глобальном (общемировом), макрорегиональном (макрорегионы мира), национальном

(страны), микроэкономическом (предприятия) и наноэкономическом (домохозяйство, конечный потребитель). Перечень экономических факторов по выделенным уровням был представлен выше в таблице.

Через исследование экономических особенностей функционирования рынков леса можно показать действие экономических факторов спроса на лесную продукцию.

1. Мировой рынок лесной продукции фактически не является единым цельным, а состоит из региональных и страновых рынков – основных потребителей древесины и продукции из нее. На разных рынках складывается разная экономическая ситуация, включая ценообразование, спрос и предложение, уровень конкуренции и т. п. Ситуация на рынках постоянно меняется и сложно поддается прогнозированию. Реальная конъюнктура связана с той ситуацией «спрос-предложение», которая в текущий момент сложилась на определенном региональном или страновом рынке. Типичная ситуация лесных рынков – когда на одном рынке возник переизбыток предложения конкретного лесного товара, а на другом – его дефицит. Готовность и вынужденность сторон совершить сделку на условиях в конкретной рыночной ситуации, в итоге, отражается на будущем выпуске продукции и товарной

структуре, на рентабельности лесопромышленников и лесозэкспортеров.

Если сравнивать внутренний и внешний рынок любой страны, то рентабельность продаж на них часто разная. Закономерно, что производители и продавцы, выбирая между поставкой древесины внутреннему потребителю или экспортом, ориентируются на получение большей прибыли, а это в условиях глобализации обычно приводит к росту цен на внутренних рынках.

2. Наблюдается быстрое экономическое развитие стран с низким уровнем дохода, обладающих значительными лесными ресурсами, а также Китая, и напротив, сдержанное развитие Северной Америки и Европы, Японии. Китай стал мировым лидером по потреблению большинства видов лесопродукции, предъявляет растущий спрос на рынке, но, в силу ограниченности собственных запасов древостоя, экспортирует большое количество лесных ресурсов из-за рубежа. Китай в роли самого крупного покупателя определяет конъюнктуру мирового рынка и условия для поставщиков из разных стран. Таким образом, реальные условия на рынке диктуются странами-лидерами, а не справедливой конкурентной борьбой.

Лесные рынки – это, в основном, рынки покупателя, то есть монополии. На лесные рынки свободно выходят многочисленные продавцы лесной продукции из разных стран и с разными экономическими условиями и, находясь практически в условиях совершенной конкуренции, соглашаются на меньшую норму прибыли [25, с. 90].

3. Экономический рост и показатель ВВП – давно изучаемый фактор воздействия на рынки леса. Однако в связи с усилением кризисных явлений в мировой экономике влияние этого фактора уже не линейно. Мировые экономические кризисы, сопровождающиеся дисбалансом и спадом промышленного производства и потребления, непосредственно влияют на производство и сбыт лесных товаров. Особенно остро мировая лесная промышленность отреагировала на кризис 2008–2009 гг. На различных видах лесной продукции кризис отражается в раз-

ной мере. Например, производство и потребление реагирует на рыночные потрясения меньше относительно топливной древесины, чем деловой, аналогично производство шпона более стабильно, чем производство фанеры; производство небеленой целлюлозы также стабильнее производства беленой.

4. Внешние рынки лесной продукции не подвержены существенным сезонным колебаниям. Производство и внешнеторговые поставки осуществляются равномерно. Потребление лесной продукции производственными потребителями от сезона почти не зависит. А влияние на рынки спроса со стороны конечных потребителей менее значимо, чем со стороны отраслей, использующих древесину для дальнейшей переработки.

5. Особенности лесной продукции как товара – малая степень стандартизованности и взаимозаменяемость.

Лесная продукция, имеющая разное происхождение, в действительности не является стандартизованным рыночным товаром. Любой лесной продукции присущи индивидуальные характеристики, в совокупности отражающие ее качество. Качество лесной продукции зависит от породы древесины, от места и условий ее произрастания, сезона заготовки, применяемой технологии обработки и других условий. С точки зрения рынка, индивидуальные качественные характеристики лесной продукции будут влиять на спрос и цену. Так, например, пиломатериал из сосны обыкновенной, происходящей из Канады, Финляндии или разных регионов России, отличен по стоимости. И покупатели из разных стран склонны выбирать пиломатериал того или иного происхождения отдавая предпочтение по своим критериям «цена/качество». Другой пример: по качеству целлюлозы Россия уступает лидерам отрасли – североамериканским и скандинавским производителям. А по цене она уступает странам Южной Америки и Азии, которые используют быстрорастущую лиственную древесину, например, эвкалипт. Чтобы быть конкурентоспособными в таких условиях российские экспортеры должны соглашаться на меньшую норму прибыли.

Также особенностью лесных рынков является широкая взаимозаменяемость товаров, которая характерна для потребляющих отраслей. Заменяемость лесной продукции крайне широкая: по породам, по видам, по типоразмерным характеристикам, по происхождению, по качественным показателям, по технологиям производства и способам обработки, также существует заменяемость на товары недревесного происхождения.

6. Курсы валют влияют на цены и объем внешней торговли на лесных рынках, на соотношение экспортных и импортных цен, конкурентоспособность продавцов и их прибыль. Например, в 2015 году на экспорт леса из разных стран повлияли укрепление американского доллара, ослабление рубля и валют других стран, слабеющий по отношению к доллару курс евро. Снижение курса рубля положительно сказалось на конкурентоспособности российских лесозэкспортеров, но вместе с тем привело к снижению мировых цен на лес [26, с. 72].

7. Структура затрат на производство и поставку лесной продукции определяет цену и объем предложения на рынке. Страны экспорта и продавцы, имеющие преимущество в затратах, имеют конкурентное преимущество на лесных рынках.

Можно выделить следующие укрупненные группы затрат предприятия-производителя и лесозэкспортера:

- а) на заготовку древесины, включая плату за доступ к ресурсам;
- б) на лесовосстановление и иные лесохозяйственные мероприятия, включая природоохранные и экологические платежи;
- в) на переработку на всех этапах от сырья до готовой продукции;
- г) на транспортировку между этими этапами;
- д) на сбыт готовой продукции, в том числе в связи с экспортом.

Состав и размер затрат, входящих в указанные группы, будет различен в зависимости от количественных и качественных характеристик лесных участков и их насаждений, вида лесной продукции и глубины ее переработки, используемых технологий за-

готовки и переработки, капитальных и операционных затрат в условиях конкретных производств, удаленности мест заготовки и переработки от рынков сбыта и их транспортной доступности, налоговой нагрузки, требований лесного и природоохранного законодательства, таможенно-тарифных и нетарифных методов регулирования внешней торговли. Соответственно, для лесозэкспортеров из разных стран доля себестоимости в цене товара и норма прибыли будут отличаться. Для лесного экспорта нередко ситуация убыточной сделки, так как в случае нереализации товара на рынке затраты на его обратный вывоз слишком велики.

8. Наличие развитого нелегального рынка заготовки и сбыта древесины. Деятельность «теневых» рынков оказывает негативное влияние на развитие легальных производств, их экономическую эффективность, сокращает спрос в легальной экономике и снижает цены спроса для легальных поставщиков. Усиление мер борьбы с нелегальным лесным бизнесом вынуждает его «выходить из тени», что воздействует на рыночную ситуацию и статистику. «Теневая» экономика является значимым фактором и на микроуровне, так как незаконная добыча, использование или продажа древесины является важным источником доходов для сельского населения в лесной местности.

Для реализации принципов концепции устойчивого развития мировое сообщество требует установления контроля за легальным происхождением древесины. Регулирование нелегальных заготовок рынка на международном уровне сегодня сводится к политике легитимности, разграничивающей интересы стран-экспортеров и стран-импортеров. Эффективность принимаемых на глобальном уровне мер ставится под сомнение из-за большой политизированности проблемы [27].

Проблема незаконного экспорта древесины крайне актуальна для России. На территории Иркутской области, которая лидирует в стране по нелегальному экспорту, запущен пилотный проект по внедрению идентификационных электронных пластиковых карт

на партии древесины, его содержание раскрыто в работе Е.Б. Никитенко [28]. Результативность проекта пока оценивать рано.

Обобщая информацию об экономических факторах, отметим, что сила их воздействия на спрос постоянно повышается. Экономические субъекты на разных уровнях зачастую пользуются влиянием экономических факторов для стимулирования спроса и повышения размера богатства, что отрицательно сказывается на состоянии лесных ресурсов.

Заключение

Итак, в ходе проведенного исследования были определены и уточнены факторы глобального спроса на лесную продукцию; выделено пять групп факторов, которые оказывают влияние на потребление древесины. Предложенная группировка факторов может быть использована при проведении науч-

ных и прикладных исследований спроса и в целом рынков леса на глобальном и макро-региональном уровне.

По мнению автора, влияние на мировое производство и потребление лесной продукции в первой половине XXI века далее будут оказывать дальнейший прирост численности населения и усиление неравномерности распределения населения и лесов по странам; быстрое развитие стран с низким уровнем доходов, обладающих значительными лесными ресурсами и благоприятным климатом, и сдержанный рост развитых стран; замедление темпов роста экономики Китая; усиление мировых кризисных процессов; плохо прогнозируемая внешняя политика стран – центров многополярного мира; продвижение экологической парадигмы; перенос и углубление использования имеющихся научно-технических разработок и информационных технологий в лесном хозяйстве и на лесных рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев Н.А. Лесная экономика в системе экономических наук: ее место, роль и отраслевые особенности // Лесн. вестн. 2010. № 2. С. 23–36.
2. Kallio M., Dykstra D.P., Binkley C.S. (Eds.). *The Global Forest Sector: An analytical perspective*. John Wiley & Sons, New York, 1987. 706 p.
3. Kallio A.M.I., Moiseyev A. and Solberg B. *The global forest sector model EFI-GTM: the model structure*. European Forest Institute, 2002. 24 p. URL: https://www.efi.int/sites/default/files/files/publication-bank/2018/ir_15.pdf
4. Tomberlin, D., Zhu Sh., Buongiorno J. Global forest product outlook Study Working paper no.: GFPOS/WP/02. *The global forest products model (GFPM): users manual and guide to installation*, 1998. 47 p. URL: <http://www.fao.org/3/x1674e/X1674E00.htm#TopOfPage>
5. Buongiorno J., Zhu Sh., Zhang D., Turner J., Tomberlin D. *The Global Forest Products Model (GFPM): Structure, Estimation, Applications*, 2003, pp. 252–261. URL: https://www.researchgate.net/publication/255684208_The_Global_Forest_Products_Model_GFPM_Structure_Estimation_Applications
6. Малохатко О.С. Управление рынком лесной продукции: на примере Хабаровского края: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Тихоокеан. гос. ун-т. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 20 с.
7. Романова И.М., Троценко А.Н. Оценка факторов, влияющих на формирование конъюнктуры рынка лесной продукции стран АТР // Экономика и предпринимательство. 2013. №12-1. С. 92–95.
8. Светлова Н.В. Измерение и оценка ключевых факторов экономической конъюнктуры товарного рынка: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2010. 22 с.
9. Кожухов Н.И., Обыденников В.И. Учение Г.Ф. Морозова о лесе – научные истоки устойчивого лесного хозяйства // Вестн. Моск. гос. ун-та леса – Лесн. вестн. 2008. № 1. С. 9–12.
10. Kastner T., Erb K.-H., Nonhebel S. International wood trade and forest change: a global analysis. *Glob. Environ. Change*, 2011, no. 21, pp. 947–956. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.05.003
11. Суходолов А.П., Измestьев А.А. Экономическая доступность лесных ресурсов как рентообразующий фактор и основа оценки лесосырьевого потенциала // Изв. ИГЭА. 2012. № 6. С. 31–35.

12. Третьяков А.Г. Экономическая доступность лесных ресурсов и транспортная логистика // Вестн. Поволж. гос. технол. ун-та. Сер. «Экономика и управление». 2015. № 2. С. 63–71.
13. Измествьев А.А. О продукции лесного хозяйства в контексте его экономической организации // Лесн. вестн. Forestry Bulletin. 2017. Т. 21. № 1. С. 41–47. DOI: 10.18698/2542-1468-2017-1-41-47
14. Кузьминов И.Ф. Географические факторы развития российской лесной промышленности в условиях рыночной экономики // Изв. Рос. акад. наук. Сер. географическая. 2012. № 4. С. 32–44.
15. Tian X., Sohngen B., Kim J.B., Ohrel S., Cole J. Global climate change impacts on forests and markets. *Environ. Res. Lett.*, 2016, no. 11, 35011. URL: https://www.researchgate.net/publication/297234207_Global_climate_change_impacts_on_forests_and_markets. DOI: 10.1088/1748-9326/11/3/035011
16. Багайников М.Л. Развитие ресурсного потенциала агропродовольственного комплекса Байкальского региона: геоэкономический подход. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. 182 с.
17. Hosonuma N., Herold M., De Sy V., De Fries R.S., Brockhaus M., Verchot L., Angelsen A., Romijn E. An assessment of deforestation and forest degradation drivers in developing countries. *Environ. Res. Lett.*, 2012, 7, 44009 (12 pp.). URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/7/4/044009/pdf> DOI:10.1088/1748-9326/7/4/044009
18. Стариков Е.Н., Прядилина Н.К., Мезенова В.В. Анализ структурных изменений и основных тенденций развития лесозаготовительной отрасли на глобальном рынке // Лесотехн. журн. 2014. Т. 4. № 4. С. 231–240. DOI: 10.12737/8481
19. Балданова Л.П., Белых О.А., Никулина Н.А. Устойчивое развитие Байкальского региона в рамках эколого-синергетической парадигмы // Актуальные вопросы аграрной науки. 2012. № 5. С. 28–36.
20. Антонова Н.Е. Лесная политика: теория и применение // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 33–52.
21. Ердаков Л.Н. Тормоза глобализации и устойчивого развития // Идеи и идеалы. 2014. № 3. С. 7–18.
22. Вохмятин И.А. Совершенствование условий управления лесным комплексом // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2203/full>
23. Бринчук М.М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития // Государство и право. 2014. № 10. С. 15–24.
24. Русецкая Г.Д., Белых О.А. Эффективность инструментов реализации принципов управления для устойчивого лесопользования // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 1. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=22010>. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(1).7
25. Липин А.С. Оценка спроса на российский лес на Азиатско-Тихоокеанском рынке: методические подходы // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 89–104.
26. Кривокоченко Л.В. Конъюнктура мирового рынка лесоматериалов и перспективы развития российского экспорта // Рос. внешнеэкон. вестн. 2016. № 2. С. 71–81.
27. Мартынюк А.А., Кузьмичев Е.П., Трушина И.Г. Нелегальные рубки: международный политический контекст // Лесохоз-информ. 2018. № 1. С. 50–62. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2018.1.05
28. Никитенко Е.Б. Проблемы и механизмы регулирования легальности происхождения древесины. Пилотный проект на территории Иркутской области: алгоритм реализации // Российское предпринимательство. 2018. № 9. С. 2437–2452. DOI: 10.18334/rp.19.9.39392

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кархова Светлана Александровна – кандидат экономических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет». Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11. E-mail: 342428@mail.ru. Тел.: +7(3952) 50-00-08.

Karkhova S.A.

FACTORS CONTRIBUTING TO GLOBAL DEMAND FOR FOREST PRODUCTS

The world community nowadays is faced with the consequences of unlimited exploitation of natural resources. The problems of deforestation, climate change, biodiversity reduction, and environmental disasters have become the result of irrational forest management, population growth, and industrial development. Being an economic resource forests in a market economy are involved in economic turnover and are considered mainly as a source of income and often as a gift by forest users and governments. The fast-growing demand for wood in the 20th century was easily covered by the new forest areas development. The demand for forest products in its quantitative and qualitative characteristics varies among countries and regions of the world. Wood consumption in the country depends on the level of the country's economic development, its population and poverty rate, provision with forest resources, natural and climatic conditions conducive to their restoration, as well as on the demand in domestic and foreign markets, the availability of processing capacities and innovations. This article identifies and clarifies the main factors affecting the global consumption of forest wood products. It has been established that the description of forest markets and demand for them is carried out in the framework of two approaches involving different factors classifications. In both approaches, the effect of various individual factors is studied, and the identification of demand factors is carried out on an empirical basis. As a result of the study, the factors of global demand for forest products were grouped: natural-geographical, demographic, political, scientific, technical and economic. In each group, the factors most influencing demand are determined and a characteristic of the individual factors influence is given. Knowing demand factors makes it possible to influence the forest products consumption, to forecast changes in forest use, forest industry, and forest trade.

Forest products, forest market, market conditions, wood consumption, demand, demand factors, sustainable development, globalization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karkhova Svetlana Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Baikal State University”. 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation. E-mail: 342428@mail.ru. Phone: +7(3952) 50-00-08.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.7

УДК 332.122 | ББК 65.9(2Рос.)

© Губанова Е.С., Клещ В.С.

ЗОНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

ГУБАНОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81
E-mail: gubanova_elena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8498-5630; ResearcherID: S-4888-2019

КЛЕЩ ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81
E-mail: korennikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5520-4380; ResearcherID: R-3410-2018

Существование значительного количества территорий, не обеспеченных достаточными объемами ресурсов для своего развития, приводит к обострению широкого спектра социально-экономических проблем. Это обуславливает поиск инструментов регулирования территориального развития, которые открывают новые возможности для устойчивого, сбалансированного развития регионов и повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления. В статье рассматривается зарубежная и российская практика использования зонирования как инструмента регулирования территориального развития. Определено, что процедура зонирования всегда является целенаправленной и способствует решению многих задач социально-

Для цитирования Губанова Е.С., Клещ В.С. Зонирование как инструмент регулирования социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.7

For citation: Gubanova E.S., Kleshch V.S. Zoning as a tool for regulating the region's socio-economic development. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.7

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Вологодской области в рамках государственного научного проекта «Управление пространственным развитием региона в условиях перехода к новому технологическому укладу: методология исследования и механизм реализации».

экономического развития территорий. Исходя из особенностей опыта зонирования в российских регионах авторы пришли к выводу о необходимости использования проблемно-ресурсного подхода в зонировании. Предложенный алгоритм позволяет не только выделить однородные по уровню развития и внутреннему потенциалу территории, но и дифференцированно подойти к системе регулирования территориального развития. Применение этого (дифференцированного) подхода позволяет внедрить в практику регулирования такие методы и инструменты, которые являются наиболее целесообразными и эффективными для каждого типа территорий, входящих в одну из выделенных зон. Кроме того, дифференцированное регулирование позволяет более эффективно подходить к использованию ресурсов и стимулирует создание партнерских отношений между органами местного самоуправления. В ходе апробации алгоритма на данных Вологодской области выделено пять территориальных зон, для каждой из которых предложен комплекс регулирующих инструментов, направленных на решение основных проблем развития муниципальных образований. Полученные результаты могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти при разработке политики регионального развития и стратегических документов, определяющих пространственные ориентиры на перспективу. Материалы исследования, представленные в статье, могут быть интересны для обсуждения в научной дискуссии, использования в научной и учебной деятельности.

Зонирование, алгоритм, регион, регулирование социально-экономического развития, дифференцированный принцип.

Неравномерность развития является одной из наиболее острых проблем современного социально-экономического пространства России. Она проявляется в различных по масштабу различиях по широкому спектру параметров: геополитическому положению, климатическим условиям, уровню развития промышленности и сельского хозяйства, уровню обеспеченности основными видами ресурсов, уровню и качеству жизни населения. Стоит отметить, что неравномерность развития является объективным свойством развития территорий и проявляется на различных уровнях социально-экономического пространства. При этом наибольшие межтерриториальные различия складываются на муниципальном уровне.

Реформа местного самоуправления, начатая в России с принятия и вступления в силу с 1 января 2006 года закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления», обусловила создание большого числа муниципальных образований. Так, в Вологодской области на момент реализации закона было создано 372 муниципальных образования, из них: 2 городских округа, 26 муниципальных районов, 344 городских и сельских поселения. К 1 января 2018 года их число сократилось до 209.

Принятым законом пересмотрен перечень вопросов местного значения. При этом к ведению муниципальных образований отнесены те полномочия, реализация которых, как предполагается, будет наиболее эффективна именно на местном уровне: разработка и исполнение бюджета, установление величины муниципальных налогов и других обязательных отчислений, организация обеспечения населения электро- и газоснабжением, транспортное обслуживание, предоставление дошкольного, начального и среднего образования, медицинской помощи, осуществление общественного порядка и др. Однако на практике реализация широкого круга обязанностей и вопросов местного значения осуществляется в условиях значительной ограниченности ресурсов (финансовых, кадровых, организационных) и отсутствия необходимого опыта управления развитием муниципальных образований. Ограниченные возможности местных властей снижают эффективность реализации возложенных на них полномочий по организации жизнедеятельности и социально-экономического развития подведомственных им территорий, что, в свою очередь, приводит к появлению и нарастанию проблем муниципального развития, нарушению целостности и сба-

лансированности социально-экономического пространства региона.

На сегодняшний день в Вологодской области сформирована и функционирует система регулирования регионального развития, включающая в себя административные, экономические и организационные методы воздействия. Однако сохраняющиеся с начала 1990-х годов существенные различия в уровне развития муниципальных районов области свидетельствуют о невысокой результативности применяемых инструментов. Отмеченное актуализирует необходимость поиска таких инструментов регулирования, которые способны устранить проблемы социально-экономического развития муниципальных образований и повысить эффективность деятельности органов власти. Таким инструментом, по нашему мнению, может стать зонирование территории.

Зонирование предполагает разделение территории на зоны по определенному признаку или совокупности признаков. Обратимся к трудам ученых по этому вопросу.

В одной из работ Б.Б. Родаман рассматривает зонирование как пространственно дифференцированное описание территории и определяет его как «удобный метод членения территории на качественно своеобразные и/или внутренне связанные части» [1, с. 5]. При этом зонирование территории носит целенаправленный характер. Так, разделение территорий на зоны преследует своей целью совершенствование территориальной структуры региона [2–4], повышение темпов роста и достижение устойчивости развития экономики и социальной сферы региона [2; 4–10], реализацию принципа дифференциации при разработке методов и инструментов регулирования развития территорий [3; 11–14], решение проблемы внутрирегиональных социально-экономических различий [3; 15].

Многообразие целевых установок зонирования обуславливает множество вариантов разделения территории на основе использования широкой совокупности критериев и параметров зонирования: по природно-климатическим условиям [12; 13; 16], территориально-отраслевой структуре [14], уровню обе-

спеченности ресурсами², уровню социально-экономического развития [5; 8; 13], условиям жизни населения [10] и др. Предлагаемые в научной литературе варианты зонирования носят как сплошной, так и выборочный характер, являются одно- или многокритериальными, проводятся в один или несколько этапов. При этом, несмотря на различия в целевых установках, параметрах выделения зон, уровне зонированной территории, авторы отмеченных работ рассматривают зонирование как инструмент решения задач территориального развития.

Стоит отметить, что зонирование территории как инструмент регулирования регионального развития имеет и прикладной характер. Анализ зарубежной практики регулирования регионального развития позволил установить, что зонирование в иностранных государствах нацелено в том числе и на решение проблемы регионального неравенства. Кроме того, в странах Европейского Союза деление территорий на зоны по различным критериям позволяет использовать дифференцированный подход к региональной политике [17]. Например, зонирование в Германии преследует своей целью повышение потенциала структурно слабых территорий и достижение устойчивого развития страны за счет сокращения различий в уровне жизни между западной и восточной частью страны, между городской и сельской местностью³. Результатом изменения территориальной структуры Франции в 2016 году стала новая территориальная сетка, состоящая из 13 регионов. Целесообразность применения нового подхода к зонированию территории Франции обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности регионов и их экономического роста, решения проблемы территориального неравенства, а также повышения эффективности осуществления государственными органами власти своих функций [18]. В Чехии пред-

² Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

³ Federal Office for Building and Regional Planning. Spatial Development and Spatial Planning in Germany. Bonn, 2001. 73 p.

ложено деление территории страны на три зоны: экономически развитые регионы, экономически стабильные регионы и экономически отсталые регионы. Основная цель зонирования Чехии заключается в сокращении межтерриториальных различий, сближении регионов по уровню социально-экономического развития и повышении их конкурентоспособности посредством разработки для каждого типа регионов своих вариантов развития [17]. Зонирование в США направлено на регулирование регионального развития в целях выравнивания уровня развития социально-экономического пространства страны. В его основе лежит дифференцированный принцип. Он сводится к разработке региональной политики и мер регулирования, наиболее эффективных для каждой из выделенных зон⁴. Экономические реформы 1980-х годов в Китае породили существенные различия в уровне развития между приморскими и внутриконтинентальными территориями. В связи с этим современная региональная политика направлена на решение проблем регионального неравенства. Деление территории на три зоны (восточную, центральную и западную) предусматривает последовательную реализацию мер государственной поддержки регионов с целью устранения региональных различий за счет сокращения бедности, улучшения уровня жизни населения, обеспечения устойчивого экономического роста, сбалансированного развития регионов [19]. Сокращение межрегиональных диспропорций является одним из приоритетных направлений регионального развития в Японии. Оно реализуется путем создания национальной структуры земель и сбалансированного распределения на них отраслей производства, объектов социальной инфраструктуры и населения [20].

В российской практике также имеются примеры использования зонирования для целей управления при решении широкого спектра вопросов развития территорий (табл. 1).

⁴ United States Regional Economic Analysis Project. URL: <https://united-states.reaproject.org>

Стоит отметить, что рассмотренный региональный опыт зонирования имеет практическую значимость. Он может быть использован органами власти как Вологодской области, так и других субъектов РФ при разработке документов стратегического планирования для методического обоснования зонирования (критерии выделения зон, отражение основных преимуществ и проблем территорий, обоснование и выбор конкретного типа региональной политики для определенной территориальной зоны, обозначение задач, определение приоритетных направлений развития для каждой территориальной зоны и инструментов достижения поставленных задач) как одного из инструментов регулирования социально-экономического развития региона.

Анализ региональной практики зонирования территорий позволил подтвердить, что предлагаемые варианты выделения территориальных зон имеют четкую целевую направленность. Это подтверждает целесообразность использования региональными органами власти зонирования в качестве инструмента социально-экономического развития субъектов РФ, в том числе и при решении таких задач, как обеспечение сбалансированного, устойчивого развития региона, создание благоприятных условий для реализации внутреннего потенциала и повышения конкурентоспособности территорий, сокращение внутрирегиональных различий. Стоит отметить, что помимо решения социально-экономических задач региональные власти используют этот инструмент в целях повышения координации деятельности и усиления взаимодействия органов власти местного самоуправления, а также органов власти и общества. При этом региональная практика показывает, что при выделении территориальных зон используются географический (Пермский край), отраслевой (Новгородская область), географическо-отраслевой (Ивановская и Рязанская области, Краснодарский край), проблемный (Архангельская и Ярославская области) подходы.

Таблица 1. Региональный опыт зонирования территорий и его основные характеристики

Субъект РФ	Годы реализации	Критерий зонирования	Тип и количество выделяемых зон	Цель зонирования
Архангельская область ¹	2019–2035 гг.	Схожесть социально-экономических условий и перспектив развития	Семь социально-экономических зон	– развитие выделенных социально-экономических зон и региона в целом; – экономия бюджетных средств; – повышение эффективности реализации региональной пространственной политики
Ивановская область ²	2015–2020 гг.	Функциональное назначение	Четыре территориальные зоны развития	– решение проблем социально-экономического характера; – повышение эффективности управления развитием внутрирегиональных территорий
Краснодарский край ³	2018–2030 гг.	Общность задач развития, отраслевая специализация	Семь экономических зон	– развитие отраслевой кооперации; – укрепление межмуниципальных связей; – повышение конкурентоспособности территорий;
Новгородская область ⁴	2013–2030 гг.	Функциональное назначение	Три территориальные зоны развития	– устойчивое социально-экономическое развитие
Пермский край ⁵	н/д	Территориальная смежность, наличие развитых и проблемных территорий	Семь микрорайонов (округов)	– усиление межмуниципального взаимодействия; – снижение диспропорций в развитии территорий
Рязанская область ⁶	2019–2030 гг.	Территориальная смежность	Шесть экономических зон	– сбалансированное развитие региона и внутрирегиональных территорий
Ярославская область ⁷	2013–2025 гг.	Необходимость территориальных преобразований	Три группы зон	– реорганизация пространственной структуры региона; – уменьшение масштаба внутрирегиональной неравномерности; – устойчивое развитие региона

¹ Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/49109151-6955-4749-b347-213db5c33eb6/stratega.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=49109151-6955-4749-b347-213db5c33eb6> (дата обращения 10.02.2019).

² Об утверждении стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2020 года: Постановление Правительства Ивановской области от 4 июня 2015 г. № 420-п. URL: <http://derit.ivanovoobl.ru/wp-content/uploads/sites/7/2017/04/PP-240-04062015-red-13042017.pdf> (дата обращения 10.02.2019).

³ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. URL: http://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Strategiia_2030.pdf (дата обращения 10.02.2019).

⁴ О стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2030 года: постановление Новгородской областной Думы от 9 июля 2012 г. № 100-ОЗ. URL: <https://www.novreg.ru/economy/strategy2030/strategy2030.php> (дата обращения 10.02.2019).

⁵ О программе социально-экономического развития Пермского края на 2012–2016 годы: Закон Пермского края от 20 декабря 2012 г. № 140-ПК. URL: <http://www.elprikam.psu.ru/files/0004/program.pdf> (дата обращения 10.02.2019).

⁶ О стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года (проект). URL: <https://admrzn.ru/ekonomika-i-biznes/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-ryazanskoj-oblasti> (дата обращения 10.02.2019).

⁷ Стратегия пространственного развития Ярославской области. URL: <https://narod.yarregion.ru/service/strategy2025/strategicheskie-napravleniya/strategiya-prostranstvennogo-razvitiya> (дата обращения 10.02.2019).

По мнению автора исследования⁵, зонирование всегда является целевым или проблемно ориентированным, поскольку проводится в соответствии с поставленными целями. При этом целесообразность исполь-

⁵ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

зования проблемного подхода к выделению зон обусловлена следующими причинами:

- возможность реализации дифференцированной региональной политики, группировка территорий и выделение зон по схожести проблем территориального развития позволяет разрабатывать и внедрять в

практику регулирования регионального развития методы и инструменты, подходящие для решения проблем социально-экономического развития каждого типа территорий;

- более эффективное использование ресурсов, регулирование регионального развития требует значительного объема ресурсов, особенно финансовых, которые на практике зачастую являются крайне дефицитными, зонирование, предполагающее группировку территорий по принципу схожести, позволяет выделять наиболее проблемные территории, концентрировать региональные и муниципальные ресурсы в зонах наибольшей отсталости и направлять их на решение наиболее острых территориальных проблем;

- более эффективное решение задач социально-экономического развития, схожесть проблем социально-экономического развития территорий предполагает реализацию однородного инструментария для их решения, это обстоятельство активизирует партнерские отношения между органами местного самоуправления, а объединение их усилий позволяет повысить эффективность в решении региональных проблем.

Однако стоит отметить, что ресурсы являются одним из ключевых факторов, обуславливающих социально-экономические процессы и тенденции развития региона. Количественная и качественная характеристика региональных ресурсов (природные, климатические, демографические, трудовые, финансовые, инфраструктурные, инвестиционные, производственные, инновационные) формирует внутренний потенциал и определяет уровень конкурентоспособности и социально-экономической привлекательности территории.

В связи с этим считаем целесообразным использование проблемно-ресурсного подхода к зонированию территорий. Кроме того, преимущество проблемно-ресурсного подхода заключается в возможности оценки уровня эффективности использования внутреннего потенциала территории за счет сопоставления ресурсной обеспеченности территории с имеющимися у нее социально-экономическими проблемами. Указанные обстоятель-

ства стали основанием для разработки авторами методики зонирования, позволяющей на основе выявления проблем социально-экономического развития территорий и определения уровня их ресурсной обеспеченности провести группировку территорий, выделить однородные зоны и разработать рекомендации по реализации инструментов регулирования развития территорий. Алгоритм методики включает в себя последовательную реализацию трех этапов (рис. 1).

На первом этапе производится оценка основных проблем социально-экономического развития территорий и имеющихся у них внутренних ресурсов. Выявление проблем социально-экономического развития территорий предлагается производить по следующим параметрам: заработная плата работников организации (дает оценку уровня жизни населения), уровень зарегистрированной безработицы (рынок труда), оборот розничной торговли и объем платных услуг населению (потребительский рынок), объем промышленного производства и объем продукции сельского хозяйства (отрасли материального производства), объем инвестиций в основной капитал (инвестиционная активность), количество организаций и индивидуальных предпринимателей (экономическая активность). Для оценки внутренних ресурсов территорий выбраны следующие показатели: земельная площадь сельхозугодий, площадь лесов и объем водных ресурсов (дает представления об уровне обеспеченности природными ресурсами), численность населения, коэффициенты естественного и миграционного прироста (социально-демографические ресурсы), доля трудоспособного населения в общей численности населения (трудовые ресурсы), обеспеченность населения врачами, обеспеченность детей местами в дошкольных образовательных учреждениях (социально-инфраструктурные ресурсы), доля собственных доходов в общей сумме доходов местного бюджета (финансовые ресурсы), наличие основных фондов (производственные ресурсы).

На втором этапе осуществляется процедура зонирования, предполагающая группи-

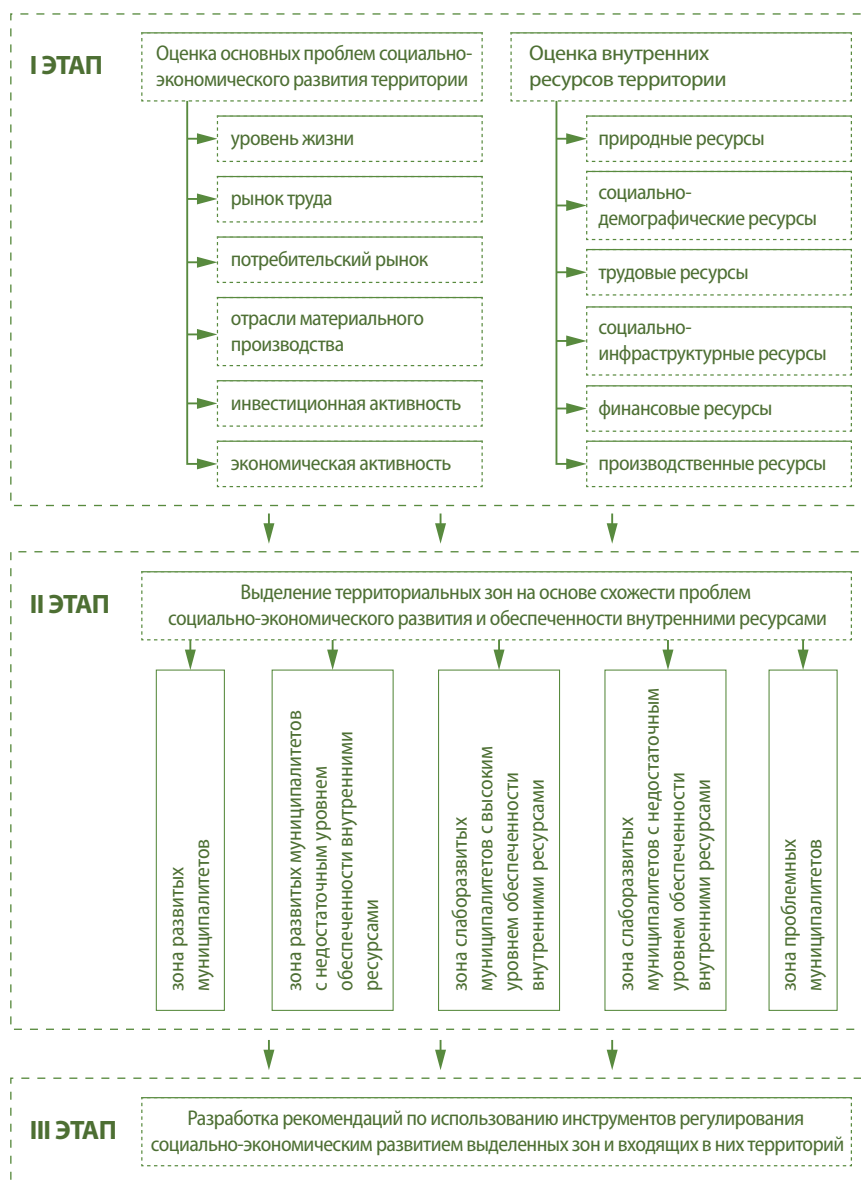

Рис. 1. Алгоритм проблемно-ресурсного зонирования

Источник: составлено авторами.

ровку территорий с идентичными социально-экономическими проблемами и уровнем обеспеченности внутренними ресурсами (табл. 2). Заметим, что результатом выделения территорий по имеющимся у них проблемам в социально-экономическом развитии являются группы территорий со схожим уровнем социально-экономического развития. Это обусловлено тем, что между этими параметрами развития (наличием социально-экономических проблем и уровнем социально-экономического развития) существует тесная связь. Так, обострение

на территории широкого спектра проблем социально-экономического характера (например, депопуляционный процесс, низкие доходы населения, низкий уровень обеспечения объектами социальной инфраструктуры, деградация промышленного и сельскохозяйственного производства, падение инвестиционной привлекательности региона) свидетельствует о негативных социально-экономических трансформационных процессах и кризисных явлениях, которые, в свою очередь, сдерживают социально-экономическое развитие территорий, ведут

Таблица 2. Алгоритм выделения территориальных зон

Наименование этапа	Содержание этапа
Определение уровня социально-экономического развития территории	
1. Ранжирование территорий по показателям	Каждой территории по каждому из показателей блока присваивается ранг в зависимости от величины показателя. Территории с лучшим значением показателя (максимальным для прямых показателей и минимальным для обратных показателей) присваивается 1 ранг, территории с худшим значением – последний ранг
2. Определение рейтингового значения территории	Рейтинговое значение каждой территории определяется путем суммирования частных рангов: $R = \sum_{i=1}^m r_i$ где: r_i – ранг территории по одному из показателей блока; i – количество показателей в блоке (в данном случае $m=9$)
3. Определение границ интервалов и распределение территорий по уровню социально-экономического развития	Распределение территорий проводится путем соотнесения их рейтинговых значений с рейтинговой шкалой: – $[r_{min}; r_{min} + l)$ – высокий уровень социально-экономического развития; – $[r_{min} + l; r_{min} + 2 \times l)$ – уровень социально-экономического развития выше среднего; – $[r_{min} + 2 \times l; r_{min} + 3 \times l)$ – средний уровень социально-экономического развития территории; – $[r_{min} + 3 \times l; r_{min} + 4 \times l)$ – уровень социально-экономического развития ниже среднего; – $[r_{min} + 4 \times l; r_{max}]$ – низкий уровень социально-экономического развития, где r_{max} – максимальное рейтинговое значение; r_{min} – минимальное рейтинговое значение; $l = (r_{max} - r_{min}) / 5$ – длина интервала
Определение уровня обеспеченности территории внутренними ресурсами	
1. Ранжирование территорий по показателям	Повторяет п. 1
2. Определение рейтингового значения территории	Повторяет п. 2 (в данном случае $m=11$)
3. Определение границ интервалов и распределение территорий по уровню обеспеченности ресурсами и внутреннему потенциалу развития	Повторяет п. 3
4. Построение матрицы «уровень социально-экономического развития – уровень обеспеченности внутренними ресурсами» и распределение территорий по ячейкам матрицы в зависимости от уровня социально-экономического развития территории и уровня обеспеченности внутренними ресурсами	
5. Интерпретация полученных результатов	
Источник: составлено авторами.	

к снижению уровня территориального развития. И наоборот, позитивная динамика экономики и социальной сферы способствует активизации социально-экономического развития территорий. Таким образом, с помощью анализа уровня социально-экономического развития территорий можно оценить имеющиеся у них проблемы в экономике и социальной сфере.

На третьем этапе для каждой из выделенных территориальных зон разрабатываются рекомендации по внедрению и использованию инструментария регулирования территориального развития исходя из текущего уровня социально-экономического развития и уровня обеспеченности внутренними ресурсами. Предполагается, что такой дифференцированный подход к обоснованию

методов и инструментов регулирования территориального развития позволяет более точно учитывать особенности развития территорий и использовать такие инструменты государственного регулирования, которые способны эффективно решать проблемы социально-экономического развития каждой территории.

Стоит отметить, что регион является открытой социально-экономической системой, что обуславливает значительное воздействие широкого спектра внешних и внутренних факторов, приводящих к изменению социально-экономического пространства региона. Внутрирегиональные трансформационные процессы могут стать причиной изменения уровней социально-экономического развития территорий, перетока ресурсов от одних территорий к другим. Изменение параметров развития и функционирования внутрирегиональных территорий ставит вопрос о необходимости проведения зонирования на ежегодной основе и соответствующей корректировке мер государственного регулирования. Опыт российских регионов показывает, что зонирование является одним из инструментов для реализации стратегической цели и задач развития, а значит территориальные зоны и предлагаемые для каждой из них направления и меры государственного воздействия носят стратегический характер. В связи с этим считаем, что процедура зонирования и разработка конкретных мер государственного регулирования могут проводиться для каждого этапа реализации стратегии регионального развития.

Апробация предлагаемого методического подхода проблемно-ресурсного зонирования была проведена на материалах Вологодской области. В соответствии с предложенной методикой было проведено ранжирование и определены рейтинги муниципальных районов Вологодской области по совокупности показателей, отражающих уровень социально-экономического развития и уровень обеспеченности внутренними ресурсами. С опорой на итоги сравнения полученных значений рейтингов муниципальных районов с двумя рейтинговыми шкалами была

построена матрица распределения муниципальных районов по уровню социально-экономического развития и уровню обеспеченности внутренними ресурсами (табл. 3, рис. 2).

По результатам поэтапного зонирования территории Вологодской области на основе данных 2017 года было выделено пять территориальных зон в зависимости от уровня социально-экономического развития муниципальных районов и уровня обеспеченности внутренними ресурсами. Отметим, что имеет место неравномерное распределение муниципальных районов по территориальным зонам. Так, зонами, наибольшими по числу вошедших в них муниципалитетов, являются зона развитых муниципальных районов, зона слаборазвитых муниципальных районов с недостаточным уровнем обеспеченности внутренними ресурсами и зона проблемных муниципальных районов. В 2017 году в их состав вошли 24 муниципальных района из 26. Оставшиеся 2 муниципальных района относятся ко второй и третьей зонам соответственно. Стоит отметить, что в значительной части муниципальных районов (в 46% всех муниципальных образований области) наблюдается соответствие уровня социально-экономического развития территории и уровня обеспеченности внутренними ресурсами. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне когерентности между группами показателей. С одной стороны, обеспеченность ключевыми видами ресурсов позволяет территории аккумулировать внутренний потенциал и стимулирует развитие экономики и социальной сферы. С другой стороны, социально и экономически развитые территории являются более конкурентоспособными и привлекательными для привлечения новых ресурсов.

Определено, что сложившаяся группировка муниципальных районов по территориальным зонам обусловлена рядом факторов. Первый из них – это пространственное распределение ключевых видов ресурсов. Так, Вологодский, Великоустюгский, Череповецкий, Грязовецкий, Сокольский, Тотемский, Шекснинский, Бабаевский и Вытегорский районы, вошедшие в зону развитых террито-

Таблица 3. Матричная группировка муниципальных образований по уровню социально-экономического развития и уровню обеспеченности внутренними ресурсами в 2017 году

Уровень обеспеченности внутренними ресурсами	Уровень социально-экономического развития				
	Высокий (37-67)	Выше среднего (67-97)	Средний (97-127)	Ниже среднего (127-157)	Низкий (157-187)
Высокий (87-112)	Вологодский Великоустюгский Череповецкий				
Выше среднего (112-137)	Грязовецкий Сокольский Тотемский Шекснинский	Бабаевский Вытегорский		Никольский	
Средний (137-162)		Кадуйский	Нюксенский Кирилловский Тарногский	Бабушкинский Вожегодский Сямженский Устюженский	
Ниже среднего (162-187)			Белозерский	Верховажский Кичменгско-Городецкий	
Низкий (187-212)			Харовский	Междуреченский Чагодощенский	Вашкинский Усть-Кубинский
Условные обозначения:					
 <ul style="list-style-type: none"> – первая зона – зона развитых муниципальных районов – вторая зона – зона развитых муниципальных районов с недостаточным уровнем обеспеченности внутренними ресурсами – третья зона – зона слаборазвитых муниципальных районов с высоким уровнем обеспеченности внутренними ресурсами – четвертая зона – зона слаборазвитых муниципальных районов с недостаточным уровнем обеспеченности внутренними ресурсами – пятая зона – зона проблемных муниципальных районов 					
Источник: составлено авторами					

рий, обладают наибольшим уровнем обеспеченности ресурсами по сравнению с другими муниципалитетами области. На территории указанных муниципальных районов проживает 60,6% всей численности населения региона. Для этих районов также характерны менее динамичный депопуляционный процесс и более высокая доля трудоспособного населения в общей численности населения относительно других территорий. Кроме того, на территории указанных муниципальных районов сосредоточена значительная часть природных ресурсов: 47% площадей сельхозугодий, 65% водных и 42% лесных ресурсов. Также территории располагают значительным объемом (67%) производственных ресурсов. Обратная картина наблюдается в Вашкинском и Усть-Кубинском районах, относящихся к зоне слаборазвитых территорий.

Для этих муниципалитетов характерны одни из самых низких показателей численности населения (доля районов в общерайонной численности населения составляет 1,3 и 1,4% соответственно) и доли трудоспособного населения (44 и 46%), наиболее интенсивные процессы естественной убыли населения (14 и 7,8 промилле) и миграционного оттока (9 и 10,8 промилле), площади сельхозугодий (1,4 и 2,5%), лесных (2,1 и 1,6%) и производственных (0,4 и 0,03%) ресурсов.

Вторым фактором, влияющим на распределение муниципальных районов по территориальным зонам, является ресурсно и исторически обусловленное расположение производства. Муниципальные районы, относящиеся по результатам зонирования к зоне развитых территорий, обладают развитыми промышленным производством

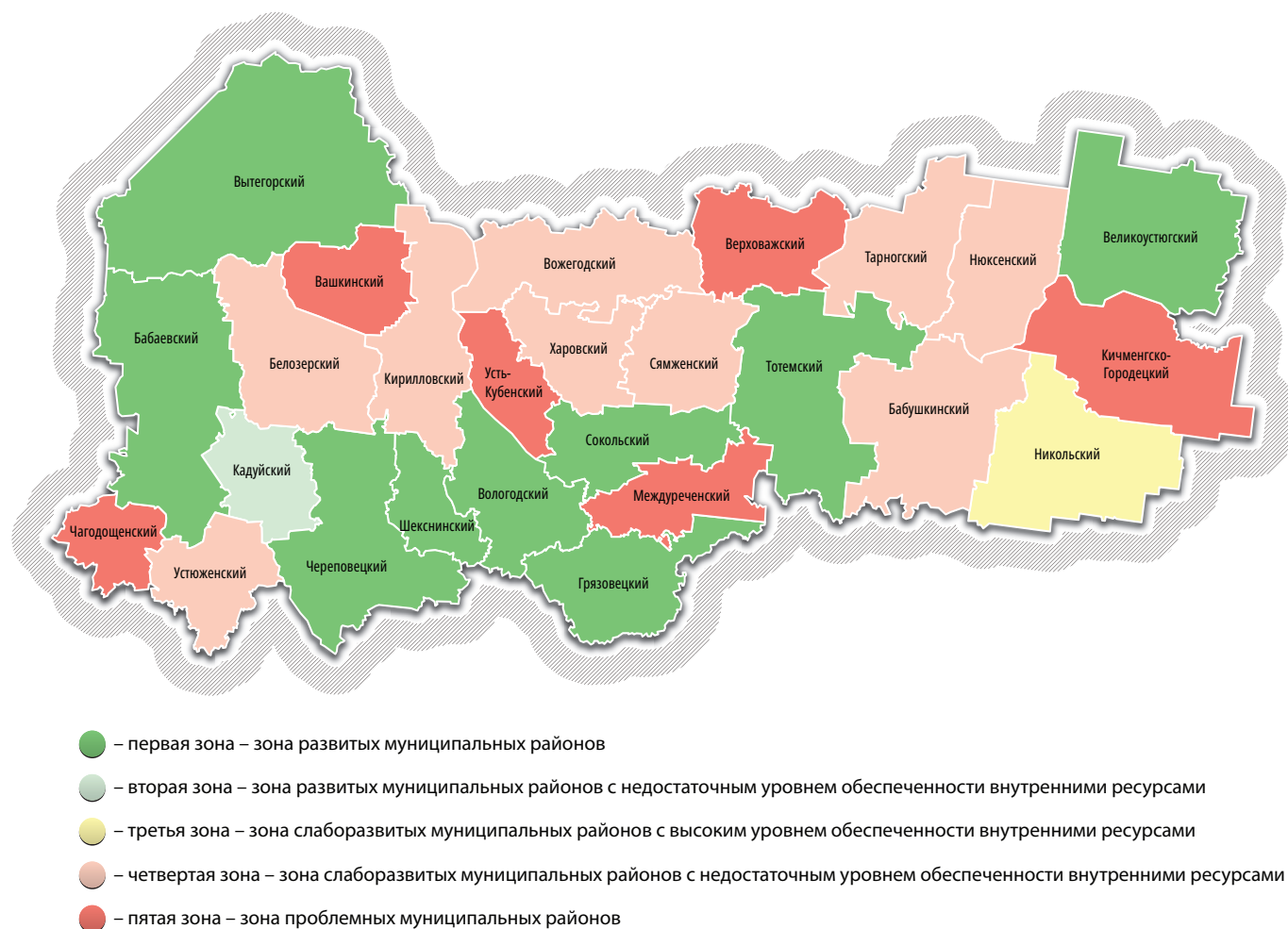

Рис. 2. Территориальные зоны Вологодской области, выделенные в зависимости от уровня социально-экономического развития муниципальных районов и уровня обеспеченности внутренними ресурсами в 2017 году

Источник: составлено авторами.

(на территории этих муниципалитетов производится 72% промышленной продукции, производимой во всех муниципальных районах области), сельских хозяйством (74% продукции сельского хозяйства), потребительским рынком товаров и услуг (на территории этих муниципальных районов реализуется 60% всего объема розничных товаров и оказывается 69% всего объема платных услуг). Кроме того, эти муниципальные районы являются наиболее инвестиционно (сосредоточен 61% всех капиталовложений, направляемых в муниципальные районы) и экономически (63% организаций и индивидуальных предпринимателей ведут свою деятельность на территории этих муниципальных районов) привлекательными. Так-

же эти муниципальные районы отличаются одними из самых низких показателей уровня безработицы и высоким уровнем зарплатных плат. При этом для наиболее проблемных территорий – Вашкинского и Усть-Кубинского районов – характерно существенное отставание развития экономики и социальной сферы. Так, доля этих районов в общем муниципальном объеме промышленного производства составляет 1,6%, в производстве сельскохозяйственной продукции – 1,7%, в розничной торговле – 2,3%, в региональном рынке платных услуг – 1,6%. Также эти муниципальные районы являются наименее инвестиционно и экономически привлекательными: в эти районы направляется лишь 0,2% общего муниципального объема

инвестиций в основной капитал, ведут свою деятельность 2,6% организаций и индивидуальных предпринимателей.

Зонирование территории Вологодской области и выделение территориальных зон, схожих по уровню развития и внутреннему потенциалу, позволяют предложить для каждой из них свой комплекс инструментов регулирования территориального развития (табл. 4).

Из таблицы видно, что регулирование развития территорий в зависимости от уровня их социально-экономического развития и уровня обеспеченности внутренними ресурсами требует применения различ-

ных инструментов. Так, для развитых муниципальных районов целесообразно использование организационных инструментов, а не экономических, применение которых на этих территориях может привести лишь к нарастанию разбалансированности социально-экономического пространства региона и росту межтерриториальных различий. Основу регулирования развития остальных муниципалитетов должен составлять экономический инструментарий. Для регулирования развития муниципальных районов из второй и третьей территориальных зон, имеющих проблемы в одном аспекте развития⁶, целесообразно применять инструмен-

Таблица 4. Классификация инструментария регулирования территориального развития

Территориальная зона	Направление регулирования территориального развития	Инструменты регулирования
Развитые муниципальные районы	Сохранение лидирующих позиций по уровню социально-экономического развития и уровню обеспеченности ресурсами и внутренним потенциалом	<ul style="list-style-type: none"> – организация мониторинга и контроля социально-экономического и ресурсного развития территорий; – активизация действия факторов, стимулирующих социально-экономическое развитие; – контроль над факторами, ограничивающими возможности развития; – изучение лучших региональных практик и опыта регулирования территориального развития, проведение конференций, создание бизнес-инкубаторов
Развитые муниципальные районы с недостаточным уровнем обеспеченности внутренними ресурсами	Повышение уровня обеспеченности ресурсами и внутренним потенциалом развития	Повышение уровня и качества жизни населения за счет: <ul style="list-style-type: none"> – создания и развития объектов социальной инфраструктуры, увеличения объемов жилищного строительства, создания новых рабочих мест; – реализации региональных программ, привлечения инвестиционных ресурсов и предоставления дополнительной финансовой помощи в виде субсидий; – пересмотра величины налоговых отчислений в местный бюджет
Слаборазвитые муниципальные районы с высоким уровнем обеспеченности внутренними ресурсами	Повышение уровня социально-экономического развития	Стимулирование развития промышленности и сельского хозяйства, инвестиционной и экономической активности за счет: <ul style="list-style-type: none"> – предоставление налоговых и кредитных льгот для новых субъектов малого и среднего бизнеса; – введения системы госзакупок для развития имеющихся и создания новых производств; – устранения административных барьеров
Слаборазвитые муниципальные районы с недостаточным уровнем обеспеченности внутренними ресурсами	Решение глубоких социально-экономических проблем развития	<ul style="list-style-type: none"> – предоставление прямой финансовой помощи (дотации, субсидии, субвенции); – предоставление льготных налоговых ставок; – предоставление льготного кредитования и субсидирования процентных ставок по кредитам в важнейших отраслях экономики; – реализация целевых программ развития отдельных отраслей экономики и социальной сферы
Проблемные муниципальные районы	Преодоление кризисного состояния	

Источник: составлено авторами.

⁶ Имеется в виду то, что муниципальный район обладает высоким уровнем социально-экономического развития, но недостаточным или низким уровнем обеспеченности внутренними ресурсами, и наоборот.

ты стимулирующего характера, способствующие аккумуляции собственных сил для решения основных социально-экономических проблем. Регулирование развития слаборазвитых и проблемных муниципальных районов необходимо строить с целью немедленного вмешательства для решения социально-экономических проблем развития с применением антикризисных мер воздействия, предусматривающих использование прямой поддержки со стороны государственных органов власти.

Заключая, отметим, что отечественная и зарубежная практика регулирования регионального развития показывает, что зонирование территорий представляет собой один из результативных инструментов воздействия, который не только позволяет реализовывать дифференцированный подход к решению социально-экономических проблем развития территорий, но и формирует основу для повышения скоординированности деятельности органов власти разных уровней. Существующие в литературе подходы к зонированию территорий (географический, отраслевой, географическо-отраслевой, проблемный) направлены на выделение территориальных зон по принципам смежности территорий, схожести отраслевой специализации, уровня социально-экономического развития, условий и задач развития. Авторы статьи обосновали необходимость учета обеспеченности внутренними ресурсами территории в решении проблемы снижения неравномерности развития, доказали целесообразность применения проблемно-ресурсного зонирования и предложили методику его проведения. Отличительной

особенностью представленной в статье методики является ее универсальный характер, заключающийся в следующем: во-первых, способствует развитию методических основ зонирования территорий; во-вторых, позволяет не только выделить схожие территории по уровню социально-экономического развития, но и учесть такой важный фактор для развития любой территории, как ресурсная обеспеченность; в-третьих, результаты зонирования могут служить информационной базой системы регулирования регионального развития для органов власти и управления; в-четвертых, открывается возможность решения нескольких взаимосвязанных задач. Кроме того, авторы предлагают систему направлений регулирования, на основе которой формируется спектр дифференцированных инструментов регулирования, необходимых для решения проблем каждой группы территорий. Указанные обстоятельства подтверждают значимость полученных результатов для развития теоретических и практических вопросов регулирования пространственного развития. Полученные результаты могут быть использованы региональными органами власти и управления при разработке и корректировке документов стратегического планирования развития региона. Дальнейшие этапы исследования будут посвящены изучению влияния результатов зонирования и определенных на его основе инструментов государственного регулирования на социально-экономическое развитие территорий с целью разработки рекомендаций и мероприятий, направленных на решение проблемы неравномерности социально-экономического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родоман Б.Б. Районирование как обладание пространством // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 4–12.
2. Рогатнев Ю.М., Капитулина Н.А. Зонирование как информационная основа для обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства // Омск. науч. вестн. 2015. № 2 (144). С. 145–147.
3. Федорова Е.Н., Пономарева Г.А., Егоров Е.Г. Вопросы социально-экономического районирования территории Якутии // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 290–294.

4. Романов М.Т. Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Вестн. Дальневост. фед. ун-та. Экономика и управление. 2004. № 2. С. 28–46.
5. Анисимова Е.И. Разработка региональной программы развития в условиях районирования национальной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 26 с.
6. Миргородская Е.О. Зонирование экономического развития региона: методологические и методические подходы к анализу территории // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 4. Ч. 3. С. 173–178.
7. Мальков А.В. Экономические основы, методы и эффективность зонирования межселенных территорий Белгородской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 28 с.
8. Прудников С.П. Устойчивое развитие сельских территорий на основе принципа территориально-экономического зонирования // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 3. С. 325–328.
9. Щенявский В.А. Эколого-экономическое районирование: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Сыктывкар, 2006. 25 с.
10. Якубов А.Х. Цели, критерии и методические подходы к оптимизации сельских поселений в муниципальном районе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 26 (164). Экономика. Вып. 22. С. 104–109.
11. Артоболевский С.С. Региональная политика, направленная на снижение территориальных, экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации: проект концепции // Регион: экономика и социология. 2001. № 1. С. 3–34.
12. Бурцева Е.И. Эколого-экономическое районирование территории Республики Саха (Якутия) // Вестн. Северо-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова. 2005. Т. 2. № 1. С. 111–119.
13. Пивненко В.Н. Влияние районирования северных регионов России на формирование и реализацию социальной политики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 26 с.
14. Шитова О.А. Экономическое зонирование как предпосылка совершенствования территориального развития // Управление экономическими системами. 2012. № 7 (43). URL: <http://uecs.ru/marketing/item/1454-2012-07-20-06-10-45> (дата обращения 30.08.2018).
15. Бухвальд Е.М. «Зоны территориального развития» и усиление роли субфедерального звена управления в модернизации российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика. 2012. № 3. С. 27–38.
16. Вишневецкий Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
17. Kutscherauer A. *Regional disparities in regional development of the Czech Republic – their occurrence, identification and elimination*. Ostrava, 2010. 120 p.
18. Antunez K., Brigitte Baccaïni B., Guérois M., Ysebaert R. Disparities and territorial discontinuities in France with its new regions: A multiscale and multidimensional interpretation. *Economics and statistics*, 2017, vol. 497–498, pp. 19–41.
19. Fan S., Kanbur R., Zhang X. China's regional disparities: Experience and policy. *Review of Development Finance*, 2011, vol. 1, pp. 47–56.
20. Ono K. Challenges for a balanced and sustainable development in Japan. *Informationen zur Raumentwicklung*, 2008, h. 8, pp. 507–514.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губанова Елена Сергеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81. E-mail: gubanova_elena@mail.ru. Тел.: +7(8172) 53-19-44.

Клещ Виктория Сергеевна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81. E-mail: korennikova@gmail.com. Тел.: +7(8172) 53-19-44.

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

ZONING AS A TOOL FOR REGULATING THE REGION'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

There is a significant number of territories not provided with sufficient resources for their development which leads to an aggravation of a wide range of socio-economic problems. This causes the search for tools for regulating territorial development opening up new opportunities for the regions' sustainable and balanced development and increase the local government's effectiveness. The article discusses the foreign and Russian practice of using zoning as a tool for regulating territorial development. It was determined that the zoning procedure is always focused and contributes to the solution of many tasks of the territories' socio-economic development. Judging from the zoning experience features in Russian regions, the authors came to the conclusion that it is necessary to use the problem-resource approach in zoning. The proposed algorithm allows not only to identify territories that are homogeneous in terms of development level and internal potential, but also approach the system of territorial development regulation differentially. The application of this (differentiated) approach allows introducing into the practice of regulation such methods and tools that are most appropriate and effective for each type of territory included in one of the identified zones. In addition, differentiated regulation allows to approach the use of resources more efficiently and stimulates the creation of partnerships between local governments. In the course of the algorithm testing, the five territorial zones on the data of the Vologda Oblast were identified; a set of regulatory instruments aimed at solving the main problems of the municipalities development was proposed for each zone. The results of the research can be used by regional and municipal authorities in the development of regional policies and strategic documents that determine spatial landmarks for the future. The research materials presented in the article may be interesting for a scientific discussion, used in research and educational activities.

Zoning, algorithm, region, regulation of socio-economic development, differentiated principle.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gubanova Elena Sergeevna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance and Credit. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 81, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation. E-mail: gubanova_elena@mail.ru. Phone: +7(8172) 53-19-44.

Kleshch Viktoriya Sergeevna – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 81, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation. E-mail: korennikova@gmail.com. Phone: +7(8172) 53-19-44.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.8

УДК 33.332.12 | ББК 65.053

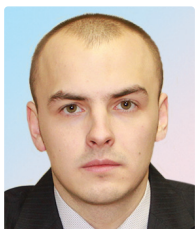
© Москвина О.С., Маковеев В.Н.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

МОСКВИНА ОЛЬГА СЕРАПИОНОВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81
E-mail: osm250606@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1487-0424

МАКОВЕЕВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Вологодский государственный университет
Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: makoveevvn@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3028-529X; ResearcherID: I-9545-2016

На современном этапе одной из ключевых проблем социально-экономического развития российских регионов является усиление пространственной неравномерности, проявляющееся в наличии существенных межрегиональных различий, в том числе и в инновационном секторе экономики. Принимаемые управленческие решения, направленные на снижение неравенства, должны основываться на результатах его анализа, который призван определить адекватные меры воздействия. Это обусловило цель настоящей статьи: обосновать методический подход к анализу пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов. В статье представлен обзор методических подходов к оценке пространственной неравномерности инновационного

Для цитирования Москвина О.С., Маковеев В.Н. Статистический анализ пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 124–137. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.8

For citation: Moskvinina O.S., Makoveev V.N. Statistical analysis of spatial unevenness of Russian regions' innovative development. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 124–137. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.8

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Вологодской области в рамках государственного научного проекта «Управление пространственным развитием региона в условиях перехода к новому технологическому укладу: методология исследования и механизм реализации».

развития, базирующихся на применении теории статистики, многие из которых ориентированы на решение локальных задач, что осложняет выбор инструментов государственного воздействия. Научная новизна исследования состоит в обосновании методического подхода, состоящего из информационного, аналитического и результативного этапов, позволяющего оценить степень неравномерности развития российских регионов, оценить уровень их инновационного развития, выявить факторы, определяющие различия в инновационном развитии территорий и обозначить тип пространственной неравномерности. Апробация методического подхода осуществлялась с опорой на официальные данные Федерального государственного статистического агентства РФ, период наблюдения – 2000–2017 годы. Полученные результаты могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти при разработке инновационной политики, формировании системы организационно-экономических механизмов поддержки инновационной сферы региона, а также при разработке стратегических документов федеральными органами власти и управления, определяющих пространственное развитие регионов на перспективу. Материалы исследования, представленные в статье, могут быть интересны для обсуждения в научной дискуссии, использования в научной и учебной деятельности.

Инновационное развитие, пространственная неравномерность, факторы инновационного развития, методы нивелирования пространственной неравномерности.

Вектор современного развития российской экономики – активизация инновационной деятельности. Мировой и отечественный опыт показывает, что формирование инновационно активной экономики способствует эффективному использованию имеющегося потенциала территорий, создает предпосылки для обеспечения их конкурентоспособности, а следовательно, и для достижения более высокого уровня социально-экономического развития. Одной из ключевых проблем социально-экономического развития российских регионов является усиление пространственной неравномерности, которое проявляется в наличии существенных межрегиональных различий, в том числе и в инновационном секторе экономики.

Сложность изучения данного явления обусловлена следующими обстоятельствами: во-первых, неоднозначность теоретических подходов к интерпретации категориального аппарата по проблемам пространственной неравномерности в сфере инноваций; во-вторых, значительные различия в применяемом методическом инструментарии оценки неравномерности инновационного развития; в-третьих, необходимость корректировки и разработки обновленных подходов к формированию условий для активизации инновационных процессов, достижения

баланса интересов объектов и субъектов инновационной деятельности как на макроэкономическом уровне, так и на уровне отдельных территорий и хозяйствующих субъектов. Данные обстоятельства подчеркивают особую актуальность, научную и практическую сложность поднимаемых в исследовании проблем, связанных с развитием и активизацией инновационных процессов на региональном уровне российской экономики. Это также определило и цель настоящей статьи: обосновать методический подход к анализу пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов.

Пространственная неравномерность инновационного развития представляет собой существенное явление региональной экономики, которое обусловлено различиями в уровне активности субъектов хозяйствования отдельной территории в сфере инноваций. Это связано со следующими особенностями экономического пространства [1]:

1) неоднородность (различие имеющегося потенциала развития отдельных территорий) и нелинейность процессов, происходящих в экономическом пространстве (в том числе в инновационной сфере);

2) фрактальность, которая может проявляться на макроуровне (при страновом анализе), на мезоуровне (субъектов) РФ,

в экономическом пространстве внутри самих регионов (например, на уровне муниципальных образований);

3) самоорганизация, выражающаяся в способности экономического пространства нивелировать последствия негативных процессов и приводящая к повышению устойчивости развития экономики и сглаживанию пространственной поляризации.

Отдельные аспекты проблемы пространственной неравномерности инновационного развития рассматривались зарубежными и отечественными учеными в ходе эволюции теории инноваций в рамках разных направлений (табл. 1) [2]. По мере развития теоретических воззрений ученые осознавали тот факт, что территориальное

развитие происходит неравномерно, что обусловлено воздействием разнообразных факторов.

В настоящее время исследования по данному направлению продолжают и находят свое отражение во многих странах при разработке стратегических документов социально-экономического развития (на макро-, мезо- и микроуровне) [3]. Заметный вклад в решение исследуемой нами проблемы внесли представители различных экономических школ российской регионалистики. В частности это касается вопросов методического обеспечения анализа изучаемых процессов. Теоретическое обобщение работ отечественных ученых показало, что наибольшее распространение получили мето-

Таблица 1. Теоретические направления решения проблемы пространственной неравномерности инновационного развития

Теоретическое направление	Основное содержание теоретического направления
1. Теория диффузии инноваций	Основоположником теории является Э. Роджерс. По его мнению, процесс пространственного инновационного развития носит характер диффузии, при которой инновации передаются через определенные каналы на протяжении определенного времени среди членов социальной системы. Позднее Т. Хагерстранд развил теорию, выделив стадии инновационного развития: возникновение, диффузия, накопление, насыщение. По сути его теоретические подходы отражают волнообразный характер диффузии нововведений и в идейном отношении близки теории «длинных волн» Н. Кондратьева
2. Теория «полюсов роста»	Основоположником теории является Ф. Перру, основная идея воззрений которого строится на представлении о ведущей роли отраслевой структуры экономики и в первую очередь лидирующих отраслей, создающих новые товары и услуги. Позднее Ж. Будвиль показал, что в качестве полюсов роста можно рассматривать конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса. Х.Р. Ласуэн считает, что полюсом роста может быть региональный комплекс предприятий, связанный с экспортом региона (а не просто с ведущей отраслью)
3. Теории взаимодействия центра (ядра) и периферии	Основоположником теории является Д. Фридман, который считает, что каждое явление и каждый процесс имеют свой центр (ядро, полюс) и периферию. Исходя из этого положения автор анализирует территориальную неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации, которые порождают диспропорции развития между центром и периферией
4. Теория регионального жизненного цикла	Основоположники теории (Р. Вернон, Ч. Киндельбергер, Л. Уэльс) выделяют в процессе производства стадию инноваций, которую наиболее благоприятно осуществлять в больших городах, размещая при этом производство в периферийных регионах. В соответствии с этой теорией региональная экономическая политика должна концентрироваться на создании благоприятных условий для инновационной стадии в менее развитых регионах
5. Теория формирования национальных инновационных систем	Основными разработчиками концепции национальных инновационных систем стали К. Фримен и Б. Лундвалл. Главной идеей данного исследовательского направления является то, что инновационная активность территорий во многом зависит от взаимодействия отдельных элементов инновационной системы, при этом большое внимание уделяется институциональному аспекту, т. е. организациям, принципам и формам, в которых происходит это взаимодействие

Источник: составлено авторами.

ды оценки пространственной неравномерности, базирующиеся на теории статистики (табл. 2).

Признавая определенные достоинства указанных методик, отметим, что каждая из них в отдельности нацелена на решение определенных, зачастую узких, задач, что подтверждается и содержательной составляющей направлений анализа. Полагаем, что в ходе решения задачи по оценке пространственной неравномерности инновационного развития необходимо не только измерить уровень различий, но и выявить динамические особенности показателей, определить тип пространственного неравенства и на этой основе выделить схожие группы территорий, оценить влияние факторов на изучаемые процессы. Все это в совокупности должно стать основой принятия управленческих решений, позволяющих осуществить выбор инструментария, адекватного внутренним свойствам объекта управления и способного изменить вектор процесса в направлении снижения различий и активизации инновационной деятельности.

Эти обстоятельства обусловили обоснование положений методического подхода к анализу пространственной неравномерности инновационного развития, создающего условия для сглаживания различий и преодоления их негативных последствий.

Алгоритм предлагаемого подхода представлен на рис. 1.

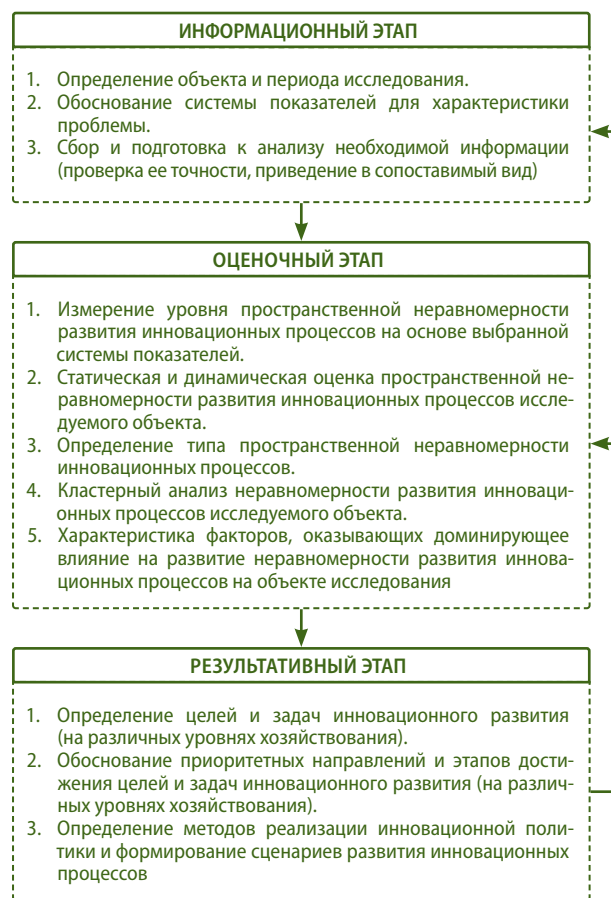

Рис. 1. Алгоритм исследования пространственной неравномерности инновационного развития

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Статические методы, применяемые в анализе пространственной неравномерности инновационного развития

Методы статистического анализа	Направления анализа
Методы описательной статистики (средние величины, минимальные и максимальные величины, размах вариации) [4–10]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Расчет обобщающего показателя, характеризующего неравномерность развития. 2. Анализ динамики обобщающих показателей неравномерности. 3. Оценка тенденций усиления или ослабления неравномерности инновационных процессов
Методы рейтинговой оценки [11–13]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ранжирование территорий и формирование кластеров по уровню инновационной активности.
Методы кластерного анализа [14–18]	<ol style="list-style-type: none"> 2. Анализ перемещения и рокировки территорий из одного кластера в другой. 3. Анализ обобщающих показателей неравномерности в каждом выделенном кластере
Методы факторного анализа [19–22]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оценка влияния факторов на изменение пространственной неравномерности инновационного развития. 2. Классификация выявленных факторов по степени влияния и возможности усиления или нейтрализации. 3. Определение направлений стимулирования или нивелирования выявленных факторов инновационного развития
Источник: составлено авторами.	

Таблица 3. Принципы и их взаимосвязь с этапами измерения пространственной неравномерности инновационного развития

Принцип	Характеристика принципа	Соответствие принципа этапу исследования
Принцип детерминированности	Связан с количественной оценкой ключевых параметров инновационного развития территории	Информационный этап
Принцип динамичности	Определяет непрерывность процесса исследования в динамике, что в конечном итоге позволяет выявить ключевые тенденции и факторы пространственного развития инновационных процессов	Информационный этап Оценочный этап
Принцип преемственности и вариантности	Связан с формированием сценарных вариантов инновационного развития в перспективе	Оценочный этап Результативный этап
Принцип регулируемости	Обусловлен влиянием методов реализации инновационной политики, выбранных для достижения и поддержания на заданном уровне параметров пространственного инновационного развития	Результативный этап
Источник: составлено авторами.		

Опорой в использовании данного алгоритма служат принципы, которые определяют основные требования к исследованию пространственной неравномерности инновационного развития в рамках каждого исследовательского этапа (*табл. 3*).

Для измерения уровня пространственного неравенства инновационного развития применялся инструментарий теории статистики, система показателей которого представлена в *табл. 4*.

Размах вариации, отраженный в совокупности показателей с 1 по 7, показывает уровень неравномерности инновационного развития только по крайним значениям. Вместе с тем этот показатель не содержит информации о ситуации внутри интервала, ограниченного минимальным и максимальным значениями. Однако возможны случаи, когда по подавляющему числу регионов наблюдаются близкие значения какого-либо показателя, а существенное расхождение максимума и минимума определятся одним – двумя регионами, резко отличающимися в ту или другую сторону. Поэтому анализ абсолютных и относительных показателей размаха вариации не в полной мере отражает исследуемые вопросы неравномерности развития и требует обязательной оценки коэффициента вариации и коэффициента стабильности (однородности). Измерение уров-

ня и динамики представленных показателей позволяет сделать выводы о равномерности/неравномерности развития исследуемых процессов (*табл. 5*).

Важное место в анализе представленных показателей занимает определение типа пространственной неравномерности инновационного развития (*табл. 6*), который является следствием влияния объективных и субъективных факторов неравномерного распределения ресурсов и экономической активности в территориальном разрезе. Наличие любого из выделенных типов пространственной неравномерности еще не свидетельствует о позитивных или негативных тенденциях инновационного развития. С одной стороны, возрастание неравномерности может быть связано с улучшением показателей в территориальном разрезе. С другой стороны, наоборот, сближение уровня показателей инновационного развития во времени может сопровождаться их значительным ухудшением. Поэтому при анализе процессов инновационного развития необходимо обратить внимание не только на ее динамику, но и на факторы, вызвавшие ее.

Информационной базой для оценки пространственной неравномерности инновационного развития в российской экономике послужили официальные данные

Таблица 4. Система показателей, характеризующих неравномерность инновационного развития

Название и формула расчета показателя	Экономический смысл показателя
1. Абсолютный размах вариации $R = X_{max} - X_{min}$	Разница между максимальным и минимальным значением признака у единиц объекта. Отражает предельную вариацию по полярным значениям признака
2. Относительный размах вариации $R = X_{max} / X_{min}$	
3. Абсолютный децильный размах вариации $IDR = D9 - D1$	Децильный размах (D) характеризует абсолютную разницу между значениями девятой (верхней) (D9) и первой (нижней) (D1) децилями. Таким образом, децильный размах характеризует разброс 80% данных
4. Относительный децильный размах вариации $IDR = D9 / D1$	
5. Абсолютный квартильный размах вариации $IQR = Q3 - Q1$	Квартильный размах характеризует абсолютную разницу между третьим (верхним) (Q3) и первым (нижним) (Q1) квартилями. Таким образом квартильный размах характеризует разброс 50% центральных значений
6. Относительный квартильный размах вариации $IQR = Q3 / Q1$	
7. Среднее квадратическое отклонение $\sigma_x = \sqrt{\sigma_x^2} = \pm \dots$	Расчет показывает: среднее отклонение индивидуальных значений признака от среднего значения по всему объекту с учетом знаков колеблемости
8. Коэффициент вариации $V_x = \frac{\sigma_x}{\bar{X}} * 100$	Расчет показывает: какая часть среднего значения показателя в относительной форме подвержена вариации (колеблемости, изменчивости, испытывает влияние различных факторов)
9. Коэффициент стабильности (однородности) $Kcm = 100 - V_x$	Связан с коэффициентом вариации в обратной зависимости: чем выше коэффициент вариации, тем меньше однородность объекта исследования, и наоборот
Источник: составлено авторами.	

Таблица 5. Характеристика значений коэффициента вариации и стабильности для измерения пространственной неравномерности

Значение показателя	Характеристика значения показателя
Анализ в статике	
$Kcm \rightarrow 100. V_x \rightarrow 0$	Совокупность территорий в экономическом пространстве однородна по уровню инновационного развития, признаков неравномерности пространственного развития не наблюдается.
$V_x \rightarrow 100. Kcm \rightarrow 0$	Совокупность территорий в экономическом пространстве неоднородна по уровню инновационного развития, признаки неравномерности пространственного развития присутствуют.
Анализ в динамике	
$\Delta V = V_x(1) - V_x(0) = "-" \dots$ $\Delta Kcm = Kcm(1) - Kcm(0) = "+" \dots$	Исследуемая совокупность территорий в экономическом пространстве в динамике становится более однородной, признаков неравномерности пространственного развития не наблюдается.
$\Delta V = V_x(1) - V_x(0) = "+" \dots$ $\Delta Kcm = Kcm(1) - Kcm(0) = "-" \dots$	Исследуемая совокупность территорий в экономическом пространстве в динамике становится более неоднородной, признаки неравномерности пространственного развития усиливаются.
Источник: составлено авторами.	

Федерального государственного статистического агентства РФ. Период наблюдения – 2000–2017 гг., число регионов составляет 70 (в выборке не рассматривались данные по городам Москве, Санкт-Петербургу, поскольку они значительно отличаются высокопрофицитным бюджетом и высокой

привлекательностью для российских и иностранных инвесторов), а также было исключено несколько регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (из-за отсутствия информации по отдельным годам и переменным). В табл. 7 представлен анализ результативных показателей инно-

Таблица 6. Типы пространственной неравномерности инновационного развития

Тип развития	Характеристика типа развития	Значения показателей неравномерности развития
Симметричный тип	Обусловлен сближением показателей инновационного развития отдельных территорий	$Kcm \rightarrow 100.$ $V_x \rightarrow 0$
Асимметричный тип	Обусловлен взаимным удалением показателей инновационного развития в разрезе территорий	$V_x \rightarrow 100.$ $Kcm \rightarrow 0.$
Нейтральный тип	Обусловлен тем, что соотношение показателей инновационного развития в течение периода остается неизменным	$Kcm = const$ $V_s = const$

Источник: составлено авторами.

Таблица 7. Анализ неравномерности инновационного развития регионов РФ за период 2000–2017 гг.

Показатель	Год									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число патентных заявок в расчете на 10 тыс. чел. населения										
В среднем по РФ	1,2	1,1	1,6	2,1	1,9	1,8	2,9	1,7	2,1	2,1
Коэффициент вариации	68,2	71,2	108,6	96,8	88,8	67,2	95,8	103,2	113,0	81,1
Коэффициент однородности	31,8	28,8	-8,6	3,2	11,2	32,8	4,2	-3,2	-13,0	18,9
Уровень инновационной активности организаций, %										
В среднем по РФ	8,8	8,5	9,0	9,5	9,6	9,7	9,9	10,0	9,4	9,3
Коэффициент вариации	62,3	55,8	51,8	55,3	52,7	54,1	40,9	41,0	46,3	49,2
Коэффициент однородности	37,7	44,2	48,2	44,7	47,3	45,9	59,1	59,0	53,7	50,8
Доля инновационной продукции, работ и услуг, %										
В среднем по РФ	4,4	4,1	4,2	4,6	2,3	5,0	4,7	4,6	5,0	4,5
Коэффициент вариации	107,0	66,8	69,5	77,4	69,5	127,8	114,0	128,2	89,5	96,0
Коэффициент однородности	-7,0	33,2	30,5	22,6	30,5	-27,8	-14,0	-28,2	10,5	4,0
Показатель			2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число патентных заявок в расчете на 10 тыс. чел. населения										
В среднем по РФ			1,9	1,8	2,0	2,0	2,0	2,2	1,6	2,1
Коэффициент вариации			76,6	83,7	77,4	96,2	75,6	66,8	69,0	70,4
Коэффициент однородности			23,4	16,3	22,6	3,8	24,4	33,2	31,0	29,6
Уровень инновационной активности организаций, %										
В среднем по РФ			9,5	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4	8,5
Коэффициент вариации			46,7	47,5	41,1	40,6	39,7	44,5	52,8	55,0
Коэффициент однородности			53,3	52,5	58,9	59,4	60,3	55,5	47,2	45,0
Доля инновационной продукции, работ, услуг %										
В среднем по РФ			5,0	6,2	6,6	7,1	7,1	6,7	6,4	6,5
Коэффициент вариации			91,8	124,1	128,5	123,1	121,9	88,2	92,6	92,9
Коэффициент однородности			8,2	-24,1	-28,5	-23,1	-21,9	11,8	7,4	7,1

Источник: составлено авторами.

вационной деятельности регионов РФ: число патентных заявок в расчете на 10 тыс. чел. населения; уровень инновационной активности организаций, %; доля инновационной продукции, работ, услуг, %.

Из данных таблицы видно, что инновационному развитию российской экономики

в региональном разрезе присущ асимметричный тип пространственной неравномерности, что связано с влиянием ряда особенностей территориального развития РФ:

– сложившаяся поляризованная отраслевая структура территорий с разными темпами развития инновационных процессов,

существенная дифференциация инновационных потенциалов в территориальном разрезе;

– значительная концентрация экономического пространства исключительно вокруг крупных городов, в которых на сегодняшний день формируются кластеры инновационного роста;

– низкая восприимчивость к инновациям, которая в основном обусловлена ресурсным дефицитом (финансовым, инвестиционным, кадровым, информационным и др.).

О значительной неравномерности инновационного развития свидетельствуют данные кластерного анализа регионов РФ по уровню инновационной активности. Для этого использовалась программа STATISTICA – программный пакет для статистического анализа, разработанный компанией StatSoft, реализующий функции анализа данных, управления данными, визуализации данных с привлечением статистических методов. На рис. 2 отражена дендрограмма, свидетельствующая о том, что наиболее оптимальным является деление регионов РФ на 4 кластера.

В табл. 8 представлены результаты группировки на основе иерархического кластерного анализа исследуемых территорий

Таблица 8. Кластерный анализ регионов РФ (по данным 2017 года)

Кластер	Число регионов, относящихся к группе			
	Показатель 1	Показатель 2	Показатель 3	По трем показателям
Высокий уровень	2	3	2	5
Средний уровень	11	3	8	11
Умеренный уровень	14	16	19	18
Низкий уровень	53	48	41	36

Источник: составлено авторами.

в 2017 году в разрезе трех результативных показателей инновационной деятельности регионов: число патентных заявок в расчете на 10 тыс. чел. населения (показатель 1); уровень инновационной активности организаций, % (показатель 2); доля инновационной продукции, работ, услуг, % (показатель 3).

Как видно по данным таблицы, почти две трети регионов страны по указанным показателям относятся к группам с умеренным и низким уровнем, при этом последняя группа особенно многочисленна, что можно рассматривать в качестве одного из внутренних

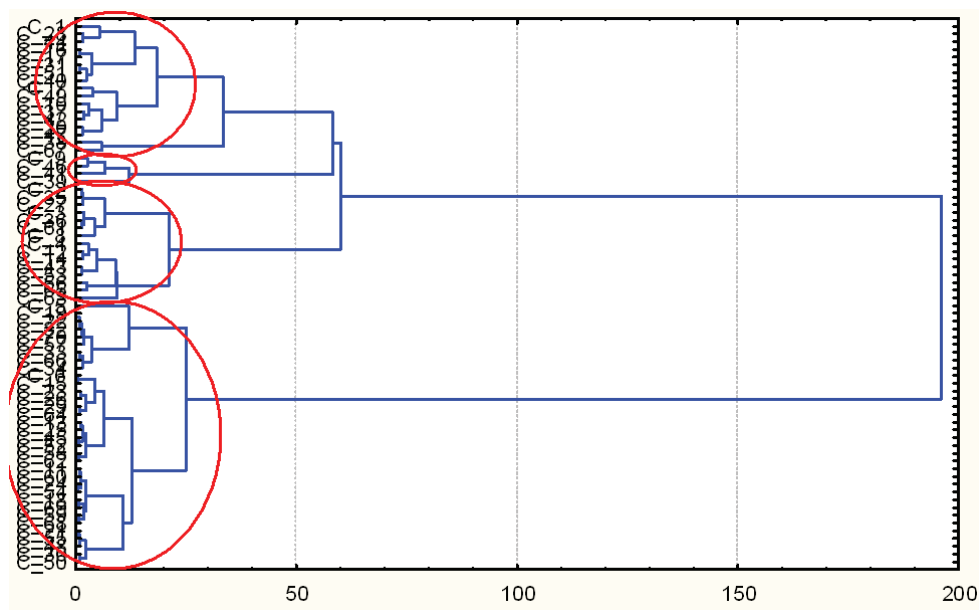

Рис. 2. Дендрограмма иерархического кластерного анализа инновационного развития регионов РФ (по данным 2017 года)

Источник: составлено авторами.

Таблица 9. Анализ неравномерности инновационного развития регионов РФ в разрезе кластеров (на основе коэффициента вариации) за 2017 год

Уровень	Кластер			
	Высокий уровень	Средний уровень	Умеренный уровень	Низкий уровень
Показатель 1	47,0	36,7	63,9	86,5
Показатель 2	18,6	38,0	35,0	33,3
Показатель 3	32,7	28,7	23,5	74,3
Источник: составлено авторами.				

вызовов (угроз) для развития инновационной экономики.

В табл. 9 представлен анализ неравномерности инновационного развития регионов РФ в разрезе кластеров (на основе коэффициента вариации) за 2017 год, на основании которого могут быть выделены две основные тенденции пространственной неравномерности инновационного развития регионов РФ:

1. Наименьшее число регионов представлено в кластерах с высоким и средним уровнем инновационного развития. Для них характерен нейтральный тип пространственного развития. Эти кластеры являются наиболее однородными по своему составу. Их коэффициенты вариации находятся в пределах нормы или чуть превышают ее. Однако динамический анализ за 2000–2017 гг. показал, что в этих кластерах нет постоянных лидеров – территории постоянно перемещаются из высокого кластера в средний или умеренный или обратно.

2. Наиболее многочисленный кластер – регионы с низким уровнем инновационной активности. В этом кластере состав регионов почти постоянен. Регионы, являющиеся аутсайдерами, обычно так и остаются в этой группе, редко перемещаясь в умеренный или средний кластер. Для этого же кластера характерны значительные различия в показателях инновационного развития, а также асимметричный тип пространственной неравномерности. Вологодская область является типичным представителем последнего кластера.

Принимая во внимание существенные различия регионов в условиях реализации инновационной деятельности (кадровые, финансовые, производственные и др.), а также роль регионов-лидеров в создании, внедрении и распространении инноваций, полагаем, что целесообразной может быть политика нивелирования асимметричности пространственного развития. В этом случае возможным становится осуществление дифференцированного подхода, при котором значимую роль приобретают внутрирегиональные аспекты развития экономики, обусловленные собственным внутренним потенциалом территорий и факторами, стимулирующими или ограничивающими ее инновационное развитие. Государственное воздействие на эти факторы способно придать импульс инновационному развитию, усиливая действие одних факторов или снижая влияние других. Для оценки влияния факторов на инновационное развитие в территориальном разрезе применялся корреляционный метод, основанный на данных Федерального государственного статистического агентства РФ в разрезе 70 исследуемых территорий за 2017 год. В табл. 10 представлены выявленные в ходе корреляционного анализа факторные переменные, оказывающие наиболее существенное влияние на результативные показатели инновационного развития регионов РФ (при значении коэффициента корреляции в пределах $\pm 0,7$ – $|\pm 1,0$).

Проведенный анализ влияния факторов на инновационное развитие регионов РФ показал следующее:

1. На инновационное развитие регионов РФ оказывают значительное влияние инвестиционный и финансовый факторы. Об этом свидетельствует сильная прямая связь показателя уровня инновационной активности с удельным весом затрат на инновации и уровнем объема инвестиций в основной капитал.

2. Развитие инновационных процессов обусловлено влиянием кадровой составляющей, что показывает сильная прямая связь между уровнем новизны продукции и показателями, характеризующими образовательную и научную деятельность территорий.

Таблица 10. Факторные переменные, оказывающие значительное влияние на инновационное развитие регионов РФ

Группа показателей	Показатели
Факторные переменные (финансовая и инвестиционная компонента)	Затраты на НИОКР, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории, тыс. руб.
	Доля затрат на науку и научные исследования и разработки в ВРП, %
	Затраты на технологические инновации, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории, тыс. руб.
	Доля затрат на технологические инновации в ВРП, %
	Инвестиции в основной капитал, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории, тыс. руб.
	Сальдированный финансовый результат деятельности крупных и средних предприятий, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории, тыс. руб.
	Доходы консолидированного бюджета территории, на 10 тыс. чел. экономически активного населения, тыс. руб.
Факторные переменные (образовательная и научная компонента)	Персонал, занятый исследованиями и разработками, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории
	Численность исследователей с учеными степенями, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории
	Численность аспирантов, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории
	Доля работников с высшим образованием в общей численности занятых, %
	Внутренние затраты на одного занятого НИОКР, тыс. руб.
	Внутренние затраты на одного исследователя, тыс. руб.
	Доля работников профессорско-преподавательского состава в общей численности занятых, %
	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, на 10 тыс. чел. экономически активного населения территории
Факторные переменные (материально-техническая компонента)	Коэффициент износа основных фондов, %
	Коэффициент обновления основных фондов, %
	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, %
Результирующие переменные	Число патентных заявок на изобретения в расчете на 10 тыс. чел. населения
	Уровень инновационной активности организаций территории, %
	Доля инновационной продукции в общем объеме продукции, работ, услуг, %
Источник: составлено авторами.	

3. Инновационное развитие территорий зависит от состояния материально-технической базы организаций: между уровнем инновационной активности и уровнем новизны производимой продукции существует прямая и обратная умеренная связь (соответственно с уровнем обновления и изношенности основных средств предприятий территории).

4. Анализ влияния факторов на инновационное развитие территорий в разрезе выделенных кластеров также показал доминирование влияния рассмотренных выше факторов инвестиционного, финансового, образовательного, научного и материально-технического характера.

Исследование пространственной неравномерности инновационного развития регионов выступает объективной основой для формирования стратегических решений по обеспечению устойчивого роста экономики территорий. Оценка инструментов, используемых в настоящее время в России для выравнивания уровней развития регионов, показала их недостаточную эффективность [23]. В условиях экономической самостоятельности регионов наибольший практический интерес представляет деятельность, направленная на активизацию развития собственного внутреннего потенциала территорий. В этом контексте значимая роль

отводится формированию адекватной современным условиям инновационной политики, базирующейся на поддержке стимулирующих и преодолении ограничивающих факторов территориального развития. Основными элементами инновационной политики выступают следующие [24]:

- цели и задачи инновационного развития, определяемые на основе анализа тенденций и возможностей для саморазвития экономики отдельных территорий;
- принципы инновационной политики, среди которых особое место отводится таким, как системность, обратная связь, эффективность, приоритетность и др.;
- приоритетные направления и этапы достижения стратегических и тактических целей и задач развития инновационных процессов;
- методы реализации инновационной политики, включающие инструменты регулирующих воздействий на инновационное развитие территорий (в том числе в сфере нивелирования пространственной неравномерности), комбинация которых должна учитывать внутренние особенности каждой территории.

В табл. 11 представлены основные характеристики методов реализации инновационной политики.

Формирование эффективной инновационной политики в рамках общегосударственной стратегии социально-экономического развития страны создаст предпосылки для активизации инновационных процессов и позволит преодолеть существенный уро-

вень пространственной неравномерности в российской экономике. При этом могут быть выделены два сценария инновационного развития регионов РФ.

1. Пессимистический сценарий, который выражается в сохранении сложившихся тенденций инновационного развития. В результате его реализации могут обостриться проблемы ресурсного обеспечения инновационного развития, связанные с дефицитом высококвалифицированных кадров как в производственной, так и в научно-исследовательской сфере; высокой степенью морального и физического износа основных фондов промышленных предприятий и организаций научно-инновационного профиля; неудовлетворительным финансовым состоянием хозяйствующих субъектов и, как следствие, низким уровнем инвестиционной активности и привлекательности для сторонних инвесторов; препятствиями для создания рациональной управленческой системы, адекватной современным требованиям формирования инновационно активной экономики.

2. Оптимистический сценарий, связанный с расширением инновационной деятельности, с одной стороны, за счет повышения ресурсных возможностей разработки и внедрения инноваций на предприятиях регионов, с другой – за счет развития управленческого фактора в инновационной сфере как на региональном уровне, так и на уровне отдельных хозяйствующих субъектов.

Резюмируя информацию по рассмотренным сценариям, отметим, что наибо-

Таблица 11. Характеристика методов реализации инновационной политики (в сфере нивелирования пространственной неравномерности)

Название метода	Характеристика метода
Ресурсные методы	Методы, обеспечивающие субъектов рынка воспроизводственными ресурсами для активизации их инновационной деятельности и повышения эффективности функционирования
Институциональные методы	Методы, связанные с формированием организационно-экономической и правовой среды, отвечающей целям инновационного развития территории
Информационные методы	Методы, направленные на обеспечение субъектов рынка полной, своевременной и достоверной информацией о развитии инновационных процессов на территории
Программно-целевой метод	Метод, направленный на формирование и реализацию программ инновационного развития в соответствии с поставленными целями и задачами, ресурсными возможностями и ограничениями
Источник: составлено авторами.	

лее приемлемым для развития российской экономики является оптимистический вариант. Его реализация создаст предпосылки для формирования инновационно активной экономики в регионах РФ. Вместе с тем данный вариант является и наиболее трудно реализуемым, требующим не только активизации процессов в научной, инвестиционной, кадровой, материально-технической и других сферах российских территорий, но и создания соответствующей современным требованиям рациональной структуры управления инновациями (на всех уровнях иерархии) с учетом баланса интересов и возможностей субъектов и объектов инновационной деятельности регионов.

В заключение отметим, что предложенный методический подход, основанный на применении теории статистики, позволяет измерить статический и динамический уровень различий инновационного развития, определить тип пространственного неравенства и на этой основе выделить схожие группы территорий, выявить влияние факторов на изучаемые процессы и обосновать сценарии территориального развития. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты оценки могут служить информационной базой для принятия управленческих решений, позволяющих нивелировать различия и активизировать развитие инновационных процессов в регионах РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьева А.А. Проблемы сглаживания пространственной поляризации в экономике регионов // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 256–259.
2. Романов Е.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России. М.: ИНФРА-М, 2016. 298 с.
3. Мальцева Л.Ю. К вопросу асимметрии территориального развития в условиях пространственной трансформации экономики // Общество. 2016. № 5. С. 79–82.
4. Бабич С.Г. Индексный анализ дифференциации регионов РФ по основным показателям инновационной деятельности // Статистика и экономика. 2017. № 2. С. 3–13.
5. Гриценко С.В., Шубина Е.А. Региональный индекс инноваций как инструмент изучения инновационной активности областей центрального федерального округа // Вестн. ВГУ. Сер. «Экономика и управление». 2015. № 4. С. 75–85.
6. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 30–41.
7. Зайцева Ю.В. Исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития с помощью простейших индикаторов // Региональная экономика и управление. 2010. № 2. С. 6–14.
8. Леонов С.Н. Эмпирический анализ поляризованного развития субъекта Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 3. С. 449–458.
9. Назарова Е.А. Пространственная поляризация инновационного развития муниципальных образований Новосибирской области // Креативная экономика. 2012. Т. 6. № 1. С. 119–127.
10. Фраймович Д.Ю., Холодная А.К. Комплексная диагностика межрегиональной инновационно-ресурсной дифференциации // Финансы: теория и практика. 2017. № 1. С. 16–27.
11. Железняков С.С. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 11. С. 13–22.
12. Окунева Е.А. Место УрФО в рейтинге инновационной активности российских регионов // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26776> (дата обращения 25.05.2019).

13. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.
14. Баев И.А., Соловьева И.А. Эмпирический анализ взаимосвязи инвестиционной и инновационной активности регионов России // Экономика региона. 2014. № 1. С. 147–154.
15. Иванова Н.В. Методика оценки пространственной дифференциации экономики регионов России // Экономика. Право. Налоги. 2013. № 6. С. 63–70.
16. Леонов С.Н. Эмпирический анализ поляризованного развития субъекта Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 3. С. 449–458.
17. Хегай С.А. Анализ региональной дифференциации инновационной активности // Вестн. НГУ. Сер. «Социально-экономические науки». 2008. Т. 8. Вып. 4. С. 127–136.
18. Юрьев В.Н., Дыбок Д.М. Кластерный анализ факторов, влияющих на инновационное развитие экономики в регионах Российской Федерации // Статистика и экономика. 2017. № 1. С. 51–59.
19. Белякова Л.Г., Антипенко О.В. Применение корреляционно-регрессионного анализа для исследования показателей инновационно-инвестиционного развития муниципальных образований // Вестн. ИрГТУ. 2011. № 12. С. 252–255.
20. Жантудуева Х.М. Полюса роста как векторы регионального экономического развития // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11 (2). С. 275–279.
21. Земцов С.П., Барина В.А., Мурадов А.К. Факторы региональной инновационной активности: анализ теоретических и эмпирических исследований // Инновации. 2016. № 5 (211). С. 41–51.
22. Иванова Е.В. Анализ методологических подходов к оценке кластерных моделей развития региональных инновационных подсистем аграрно-промышленного региона // Вестн. Воронеж. гос. аграр. ун-та. 2016. № 3. С. 246–253.
23. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Аслаева С.Ш. Сущность, специфика и основные факторы поляризации территориальных систем // Фундаментальные исследования. 2017. № 4. С. 339–343.
24. Москвина О.С. Механизмы управления инфраструктурой в региональной инновационной системе. Вологда: ВоГУ, 2013. 145 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Москвина Ольга Серapieоновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81. E-mail: osm250606@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 53-19-08.

Маковеев Виталий Николаевич – кандидат экономических наук, начальник научно-организационного отдела. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: makoveevvn@mail.ru. Тел.: +7(8172) 72-46-45.

Moskvina O.S., Makoveev V.N.

STATISTICAL ANALYSIS OF SPATIAL UNEVENNESS OF RUSSIAN REGIONS' INNOVATIVE DEVELOPMENT

One of the key problems of the Russian regions' socio-economic development at the present stage is the increase in spatial unevenness which is manifested in the significant inter-regional differences, including in the innovative sector of the economy. Management decisions taken to reduce inequality should be based on the results of its analysis which should determine adequate measures of influence. This determined the aim of the article which is to substantiate a methodological approach to the analysis of spatial unevenness of the Russian regions' innovative development. The article provides an overview of methodological approaches to assessing the spatial unevenness of innovative development, based on the application of statistical theory, many of which are focused on solving local problems complicating the choice of state influence instruments. The scientific novelty of the study is in the substantiating a methodological approach consisting of informational, analytical and productive stages allowing to assess the degree of the Russian regions' development unevenness, assess the level of their innovative development, identify factors determining differences in the territories' innovative development and designate the type of spatial unevenness. The methodological approach was tested based on the official data of the Federal State Statistical Agency of the Russian Federation, the observation period covered the years of 2000–2017. The results can be used by regional and municipal authorities in the development of innovative policies, the formation of a system of organizational and economic mechanisms to support the region's innovation sphere, as well as in the development of strategic documents by federal authorities and administrations determining the regions' spatial development in the future. The research materials presented in the article may be interesting for a scientific discussion, and used in scientific and educational activities.

Innovative development, spatial unevenness, factors contributing to innovative development, methods of leveling spatial unevenness.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moskvina Olga Serapionovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Credit. Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education “Vologda State University”. 81, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation. E-mail: osm250606@yandex.ru. Phone: +7(8172) 53-19-08.

Makoveev Vitaliy Nikolaevich – Ph.D. in Economics, Head of Scientific and Organizational Department. Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenin Street, Vologda, 160002, Russian Federation. E-mail: makoveevvn@mail.ru. Phone: +7(8172) 72-46-45.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.9
УДК 332.1(470.12) | ББК 65.050.23(2Рос-4Вол)

© Секушина И.А.

ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

СЕКУШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: i_sekushina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4216-4850

Статья посвящена исследованию актуальной научно-практической проблемы обеспечения финансовой самостоятельности малых и средних городов в условиях повышения уровня зависимости бюджетов городских поселений от объемов федеральных и региональных трансфертов. Целью исследования является проведение анализа финансово-бюджетной обеспеченности малых и средних городов на примере Вологодской области. В работе приведены основные показатели численности населения России и Вологодской области, которые свидетельствуют о концентрации жителей страны в крупных городах и оттоке населения из малых и средних городов. Рассмотрена структура и проведен анализ бюджетов малых городов Вологодской области, который показал, что только в шести из тринадцати городских поселений большую часть доходов составляют собственные поступления. Анализ динамики показателей финансовой самостоятельности бюджетов малых городов области свидетельствует о наличии позитивных изменений в большинстве поселений. Проведено ранжирование малых городов региона по показателям уровня доходов в расчете на одного жителя, что позволило выявить несоответствие распределения рангов до и после распределения межбюджетных трансфертов. Также представлены отдельные результаты анкетирования глав городских поселений региона, которые указывают

Для цитирования Секушина И.А. Финансово-бюджетная обеспеченность малых и средних городов (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 138–152. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.9

For citation: Sekushina I.A. Financial and budget provision of small and medium-sized cities (the case of the Vologda Oblast). *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 138–152. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.9

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

на наличие проблем при формировании городских бюджетов и обеспечении финансовой независимости поселений. В качестве основных направлений повышения уровня финансовой обеспеченности бюджетов малых городов предложены мероприятия по увеличению собственной доходной базы. Сделан акцент на необходимости повышения эффективности межбюджетных трансфертов. При проведении исследования использовались методы системного анализа, социологического исследования, табличные и графические приемы визуализации данных. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в работе федеральных, региональных и муниципальных органов власти при совершенствовании социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение финансовой устойчивости муниципальных бюджетов, а также при определении возможностей и перспектив саморазвития малых и средних городов.

Малые и средние города, муниципальное управление, бюджет, финансовая обеспеченность, Вологодская область.

Города всегда играли исключительно важную роль как в социально-экономическом развитии страны, так и в формировании единого экономического пространства внутри нее. При этом в условиях нарастающей конкуренции между городами разных категорий за трудовые, производственные, инвестиционные ресурсы как в России, так и за рубежом в более выигрышном положении оказываются крупные города и городские агломерации. Невмешательство и игнорирование данных процессов влечет за собой обострение социально-экономической ситуации в меньших по размеру населенных пунктах, к которым в том числе относятся малые и средние города.

В настоящее время в России насчитывается 1113 городов, большую часть из которых составляют малые и средние² – 942 города с общей численностью населения более 26,5 млн человек, что составляет 18,1% всех жителей страны. Рассматривая динамику численности населения, проживающего в городах, можно отметить наличие определенных изменений даже за небольшой временной интервал. Так, с 2012 года численность жителей городов увеличилась на 4,4%, в то время как численность населения малых и средних городов наоборот сократилась: за последние шесть лет произошло снижение данного показателя более чем на 537 тыс. чел. (или на 2%; табл. 1).

На фоне стремительно развивающихся процессов урбанизации современными исследователями все чаще поднимаются вопросы роли малых и средних городов в социально-экономическом развитии территорий, определения их места и значения в решении проблем пространственного развития и размещения производительных сил.

К примеру, в своем исследовании Е.Г. Анимица [1] рассматривает малые и средние города как устойчивый класс городских поселений, анализирует основные тенденции размещения небольших городов в общей структуре расселения и производства. В работе коллектива авторов [2] не только рассмотрены проблемы малых и средних городов, но и раскрыта роль стратегического планирования в управлении их социально-экономическим развитием, изучены возможности использования агломерационного и кластерного подходов при разработке стратегий. Еще в одном научном труде [3] проанализированы современные методы решения муниципальными властями задач по обеспечению социальных гарантий для жителей городов и созданию благоприятных условий для предприятий и инвесторов на территории городских поселений.

Изучение проблем социально-экономического развития малых и средних городов нашло отражение и в работах зарубежных авторов. В частности, в исследовании [4] под-

² Классификация городов приведена согласно «СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89», по которой к средним относятся города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел., к малым – до 50 тыс. чел.

Таблица 1. Численность населения России в 2012 и 2018 гг.

Показатель	На 01.01.2012	На 01.01.2018	Темп прироста 2018 г. к 2012 г.	
			ед., тыс. чел.	%, п. п.
Общая численность населения, тыс. чел.	143056,4	146880,4	3824	102,7
Численность населения, проживающего в городах, тыс. чел.	98113,2	102387,4	4274,2	104,4
Доля населения, проживающего в городах, %	68,6	69,7	–	1,1
Численность населения, проживающего в малых и средних городах, тыс. чел.	27082,9	26545,4	-537,5	98,0
Доля населения, проживающего в малых и средних городах, в общей численности населения страны, %	18,9	18,1	–	-0,8
Общее количество городов, ед.	1100	1113	13	101,2
Количество малых и средних городов, ед.	935	942	7	100,7

нимается вопрос увеличения концентрации населения в крупных городах Египта и рассматривается роль и значение малых городов в системе расселения страны. Автором представлены результаты опроса экспертов в области городского планирования и управления по вопросу определения оптимального размера малого города с учетом развития технологических возможностей страны. В другом зарубежном исследовании [5] акцент ставится на роли малых и средних городов в развитии сельских территорий и снижении уровня социально-экономической дифференциации населения страны.

Влияние миграционных процессов на развитие экономики малых городов Китая изучено в исследовании [6]. В работе рассматривается опыт привлечения трудовых мигрантов в малые города с целью поддержки их экономического роста. При этом одной из главных трудностей в реализации данного направления на практике обозначена проблема недофинансирования малых городов в части создания удовлетворительных условий для размещения трудовых мигрантов и обеспечения их достойного уровня жизни. В исследовании также отмечена проблема сильной зависимости органов управления малых городов от вышестоящих уровней власти.

Таким образом, в большинстве работ современных отечественных и зарубежных авторов отмечается, что ухудшение демографической ситуации, вызванное как естественной

убылью, так и миграционным оттоком населения, является одной из главных проблем, препятствующих устойчивому развитию малых и средних городов России. Вместе с тем происходящие в стране демографические процессы имеют свои причины. С одной стороны, это большое количество нерешенных накопившихся с годами социально-экономических проблем, с другой – постоянный недостаток финансовых средств для решения вопросов развития муниципалитетов [7].

Вопрос финансового обеспечения и формирования устойчивой доходной базы муниципальных образований является по-настоящему актуальным, что нашло отражение в работах многих современных авторов [8–11]. В частности, проблемы обеспечения самофинансирования муниципалитетов рассмотрены в работах Е.А. Абрамовой [12], Е.М. Бухвальда, М.А. Печенской [13; 14], Н.В. Ворошилова [15], О.Н. Савиной [16] и др. Зарубежный опыт оптимизации дефицита бюджетов муниципальных образований рассмотрен в исследованиях Д.В. Нехайчука и Ю.С. Нехайчук [17], Ю.Н. Талалушкиной [18].

Научный интерес представляет исследование М.С. Оборина, А.П. Сысоева и М.Ю. Шерешевой [19], в котором акцент ставится на оценке экономического потенциала и анализе финансово-бюджетной обеспеченности малых городов. Авторами все малые города разделяются на четыре типа в зависимости от их экономического потенциала и возможности формировать бюджет за счет

Таблица 2. Типология городов по уровню финансово-бюджетной обеспеченности

Тип города	Характеристика
Города-доноры	Города, у которых доходы бюджета, формируемые за счет собственных источников, превышают их бюджетные расходы
Самодостаточные города	Города, отличающиеся сбалансированностью доходной и расходной частей бюджета, достигнутой путем эффективного использования имеющегося экономического потенциала и собственных финансовых источников. Для данного типа городов характерно устойчивое бездотационное социально-экономическое развитие
Города-реципиенты	Города, экономический потенциал и собственные доходы которых не обеспечивают в полной мере исполнение расходов бюджета. Для данного типа городов свойственна ярко выраженная зависимость от вышестоящих бюджетов
Депрессивные города	Города, экономическое положение которых по сравнению с предшествующими годами характеризуется резким спадом производства, снижением инвестиционной привлекательности муниципалитета, ростом безработицы, падением уровня жизни населения

Составлено по: Оборин М.С., Сысоев А.П., Шерешева М.Ю. Некоторые подходы к оценке экономического потенциала малых городов России // Гос. управление. Электрон. вестн. 2017. № 63. С. 297–319.

собственных источников доходов: города-доноры, самодостаточные города, города-реципиенты, депрессивные города (табл. 2).

Объективной реальностью состояния экономики малых и средних городов в последние годы является серьезная зависимость от вышестоящих бюджетов, что в конечном итоге приводит к невозможности для органов местного самоуправления действовать самостоятельно даже в решении вопросов местного значения. Ведь некоторые городские поселения даже не имеют собственных финансов на содержание своих аппаратов, поскольку посредством налогового регулирования средства уходят в вышестоящие бюджеты. В условиях бюджетного дефицита и отсутствия финансовой автономии органам местного самоуправления малых и средних городов очень сложно применять инструменты стратегического планирования, разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на развитие муниципалитета. В результате все это приводит к росту депрессивности города, падению уровня жизни населения и в связи с этим к усилению оттока жителей в крупные города, мегаполисы и агломерации.

Анализ показателей численности населения Вологодской области позволяет сделать два ключевых вывода, подтверждающих общероссийские тенденции: во-первых, ярко

выраженный рост численности городского населения (в период с 1959 по 2018 год доля жителей городов в общей численности населения региона увеличилась на 37,4 п. п.), во-вторых, падение числа жителей малых и средних городов вследствие естественной и миграционной убыли. К примеру, в г. Великий Устюг численность населения в 2018 году по сравнению с 1959 годом сократилась на 14,6%, в г. Харовске – на 19,5%, в г. Красавино – на 46,4% (табл. 3) [20].

Обращаясь к вопросу организации деятельности органов местного самоуправления в малых и средних городах, следует отметить, что в постсоветский период система управления малыми и средними городами подверглась значительным изменениям. В 1993 году Конституцией РФ были закреплены самостоятельность местного самоуправления и ее независимость от государственной власти. С 1996 года в полной мере начал действовать закон о местном самоуправлении 1995 года, который определил правовые, организационные, финансовые и экономические основы функционирования системы местного самоуправления, а с 1 января 2009 года (в ряде регионов с 1 января 2006 года) в полной мере начал действовать 131-ФЗ⁵, который и сформировал двухуровневую систему муниципального управления с разграничением финансовых и экономи-

⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ).

Таблица 3. Динамика численности населения малых городов Вологодской области за 1959–2018 гг.

Город	Численность населения, тыс. чел.								Темп прироста 2018 г. к 1989 г., %, п. п.	Темп прироста 2018 г. к 1959 г., %, п. п.
	1959 год	1979 год	1989 год	2000 год	2010 год	2016 год	2017 год	2018 год		
Общая численность населения области, тыс. чел.	1303,8	1309,3	1349,0	1290,4	1201,0	1185,8	1183,9	1176,7	87,2	90,3
Доля жителей городов в общей численности населения, %	31,0	53,0	58,8	63,2	65,8	68,1	68,2	68,4	9,6	37,4
Численность населения малых городов, тыс. чел.	175,1	192,7	204,0	194,6	175,1	168,7	168,2	167,2	82,0	95,5
Доля жителей малых городов в общей численности населения, %	13,4	14,7	15,1	15,1	14,6	14,2	14,2	14,2	-0,9	0,8
Города Вологодской области										
Бабаево	12,0	12,0	13,1	12,8	12,0	11,5	11,5	11,4	87,0	95,0
Белозерск	10,3	11,8	12,3	11,4	9,6	9,0	8,8	8,8	71,5	85,4
Великий Устюг	36,9	38,5	36,6	35,0	31,8	31,6	31,6	31,5	86,1	85,4
Красавино	11,2	10,4	9,5	8,7	7,0	6,1	6,1	6,0	63,2	53,6
Вытегра	11,3	11,9	12,9	12,1	10,5	10,2	10,2	10,3	79,8	91,2
Грязовец	9,2	13,0	16,2	15,7	15,5	14,9	14,9	14,8	91,4	160,9
Кириллов	6,0	7,4	8,8	8,6	7,7	7,5	7,5	7,5	85,2	125,0
Никольск	5,4	6,7	8,3	8,9	8,5	8,0	8,0	8,0	96,4	148,1
Сокол	41,9	45,4	47,2	44,2	38,4	37,3	37,2	36,9	78,2	88,1
Кадников	3,1	5,2	5,4	5,0	4,8	4,6	4,6	4,5	83,3	145,2
Тотьма	7,7	8,9	10,4	10,7	9,9	9,9	9,9	9,8	94,2	127,3
Устюжна	8,8	8,9	10,2	9,2	9,5	8,8	8,7	8,6	84,3	97,7
Харовск	11,3	12,6	13,1	12,3	10,0	9,2	9,2	9,1	69,5	80,5
Вологда	137,4	235,7	279,8	298,2	302,3	320,7	320,7	319,8	114,3	в 2,3 раза
Череповец	91,6	265,6	309,5	323,3	312,9	318,7	318,9	318,0	102,7	в 3,5 раза
Составлено по: данные Вологдастата.										

ческих полномочий между муниципальными районами и входящими в их состав городскими и сельскими поселениями.

Одним из ключевых преобразований реформы местного самоуправления стало внесение изменений в налоговое и бюджетное законодательство по формированию финансовой базы муниципальных образований. В настоящее время финансово-бюджетная обеспеченность местного самоуправления в малых и средних городах складывается из средств местных бюджетов, имущества, на-

ходящегося в муниципальной собственности, и имущественных прав муниципальных образований. Согласно бюджетному законодательству, муниципальный бюджет малых и средних городов формируется за счет:

- собственных налогов: земельного налога и налога на имущество физических лиц по нормативу 100%;
- отчислений от региональных и федеральных налогов: налога на доходы физических лиц (по нормативу 10%) и единого сельскохозяйственного налога (по нормативу 50%);

- доходов от использования муниципального имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности;
- доходов от продажи и сдачи в аренду земельных участков, которые расположены в границах городских поселений;
- других неналоговых доходов (госпошлина, доходы от оказания платных муниципальных услуг и т. д.);
- трансфертов в виде дотаций, субсидий, субвенций из вышестоящих бюджетов;
- иных форм финансовой поддержки (добровольных поступлений от частных лиц и т. п.).

Обращаясь к вопросу обеспечения финансовой самостоятельности малых и средних городов, нельзя не отметить то, что одним из негативных последствий реформы местного самоуправления и налоговой реформы, проведенной в 2005 году, стало повышение уровня зависимости бюджетов городских поселений от объемов федеральных и региональных трансфертов. Изменения налоговой системы были обусловлены необходимостью сглаживания дифференциации доходного потенциала вновь образованных муниципальных образований, вместе с тем произошел отток существенных объемов

налоговых поступлений в пользу вышестоящих бюджетов [14].

Анализ бюджетов малых городов Вологодской области в 2017 году свидетельствует о том, что только в 6 городских поселениях более половины (от 57,9 до 90,5%) доходной части бюджета составляют собственные налоговые и неналоговые поступления. На фоне других муниципальных образований выгодно отличаются по уровню финансового самообеспечения г. Бабаево, где более 90% бюджета составляют собственные доходы, и г. Грязовец, где данный показатель составляет 83% (табл. 4).

Вместе с тем нельзя не отметить то, что, несмотря на высокую долю самостоятельной финансовой обеспеченности, в бюджете городского поселения Бабаево из всех рассматриваемых муниципальных образований наблюдается наибольший дефицит – почти 4 млн руб.

Этим и обусловлено то, что по уровню покрытия бюджетных расходов собственными доходами г. Бабаево занимает лишь второе место с показателем 83,5%, уступая г. Грязовцу. Дефицит бюджета также в 2017 году имели городские поселения: г. Великий Устюг, г. Кадников, г. Кириллов, г. Никольск

Таблица 4. Местные бюджеты малых городов (городских поселений) Вологодской области в 2017 году, тыс. руб.

Городское поселение	Всего доходы, тыс. руб.	Доля собственных доходов бюджета, %	Доля безвозмездных поступлений в бюджете, %	Расходы, тыс. руб.	Дефицит/профицит бюджета, тыс. руб.	Коэффициент покрытия расходов собственными доходами*, %
Бабаево	47246,4	90,5	9,5	51213,2	-3966,8	83,5
Белозерск	34693,0	62,4	37,6	32941,0	1752,0	65,8
Великий Устюг	303577,9	21,2	78,8	304182,4	-604,5	21,2
Вытегра	41490,0	73,1	26,9	41481,5	8,5	73,1
Грязовец	47434,0	83,0	17,0	45318,0	2116,0	86,9
Кадников	60028,3	18,0	82,0	61156,6	-1128,3	17,7
Кириллов	51034,6	40,5	59,5	51302,0	-267,4	40,3
Красавино	36913,0	35,2	64,8	36911,0	2,0	35,2
Никольск	35135,1	63,4	36,6	36733,5	-1598,4	60,7
Сокол	314720,0	25,0	75,0	312113,0	2607,0	25,2
Тотьма	51386,3	40,7	59,3	49260,9	2125,4	42,5
Устюжна	34361,1	57,9	42,1	34746,1	-385,0	57,3
Харовск	100409,0	23,3	76,7	100300,0	109,0	23,3

* Доля собственных доходов, покрывающих расходы бюджета.

и г. Устюжна. Наихудшие показатели по покрытию расходов бюджета собственными доходами у г. Кадникова – 17,7% и г. Великий Устюг – 21,2%. Следует отметить, что более 75% бюджета четырех городских поселений Вологодской области являются дотационными: г. Кадников (82% доля в бюджете безвозмездных поступлений), г. Великий Устюг (78,8% соответственно), г. Харовск (76,7%) и г. Сокол (75%).

Анализ структуры доходов бюджетов малых городов Вологодской области показывает, что основу доходной части большинства городских поселений составляют налог на доходы физических лиц, налог на имущество и доходы, полученные от использования имущества. В 2017 году за счет НДФЛ поступило более половины финансовых средств в бюджеты г. Бабаево (64,2%), г. Вытегры (59,7%), г. Никольска (55,8%) и г. Великий Устюг (54,7%). Доля налога на имущество в структуре собственных доходов достаточно высока в г. Грязовце (40,7%), г. Тотьме (30,4%) и г. Белозерске (28,6%) (табл. 5).

Относительно высокие показатели от доходов, полученных за счет использования муниципального имущества, можно отметить в бюджетах г. Харовска (17,4%), г. Сокола (16%), г. Кириллова (13,7%) и г. Красавино (13%).

Анализ динамики показателей финансовой самостоятельности бюджетов малых городов области свидетельствует о наличии положительных изменений в ряде городских поселений. По сравнению с 2006 годом в 2017 году доля собственных доходов выросла в бюджетах г. Бабаево – на 47,9 п. п., г. Никольска – на 37,5 п. п., г. Устюжны – на 30,6 п. п., г. Грязовца – на 25,7 п. п., г. Белозерска – на 23,6 п. п., в городах Красавино, Вытегре и Тотьме показатели также увеличились (табл. 6).

В шести городских поселениях произошло снижение и без того невысокого уровня финансовой независимости муниципалитетов. В частности в г. Великий Устюг доля собственных доходов снизилась почти на 20 п. п. (с 40,9 до 21,2%); в г. Кадникове – на 21,7 п. п. (с 39,7 до 18%), г. Кириллове – почти на 8 п. п. (с 48,4 до 40,5%). Максимальное падение показателей наблюдается в г. Соколе (на 31,3 п. п.).

Согласно установившейся в России практике бюджетного выравнивания, проблема сбалансированности бюджетов муниципальных образований решается путем перечисления межбюджетных трансфертов. Однако данный способ сглаживания финансовых диспропорций между муниципальными образованиями имеет существенный

Таблица 5. Структура собственных доходов городских бюджетов малых городов Вологодской области в 2017 году

Городское поселение	Собственные (налоговые и неналоговые доходы)	Доля НДФЛ	Доля налогов на имущество	Доля доходов от использования имущества	Доля иных налоговых и неналоговых доходов
Бабаево	42771,6	64,2	21,4	7,7	6,7
Белозерск	21662,0	49,4	28,6	11,3	10,7
Великий Устюг	64406,5	54,7	26,7	9,6	9,1
Красавино	12991,0	24,7	13,3	13,0	48,9
Вытегра	30342,5	59,7	23,5	11,6	5,2
Грязовец	39384,0	43,9	40,7	9,6	5,7
Кириллов	20670,7	52,0	22,5	13,7	11,9
Никольск	22289,0	55,8	25,8	11,8	6,6
Сокол	78705,0	50,2	16,2	16,0	17,6
Кадников	10833,7	48,0	22,5	10,5	18,9
Тотьма	20918,4	50,5	30,4	11,9	7,1
Устюжна	19893,3	46,8	25,5	7,7	19,9
Харовск	23410,0	44,0	22,8	17,4	15,8

Таблица 6. Динамика показателей уровня финансовой самостоятельности бюджетов малых городов (городских поселений) Вологодской области

Город	2006 год		2010 год		2016 год		2017 год		Изменение Доли собственных Доходов, 2006 г. / 2017 г., п. п.	Изменение коэффициента покрытия расходов собствен- ными доходами, 2006 г. / 2017 г.
	Доля собственных доходов в бюджете, %	Коэффициент покрытия расходов собствен- ными доходами, %	Доля собственных доходов в бюджете, %	Коэффициент покрытия расходов собствен- ными доходами, %	Доля собственных доходов в бюджете, %	Коэффициент покрытия расходов собствен- ными доходами, %	Доля собственных доходов в бюджете, %	Коэффициент покрытия расходов собствен- ными доходами, %		
Бабаево	42,6	42,9	93,7	105,9	89,3	91,7	90,5	83,5	47,9	40,6
Белозерск	38,8	39,3	8,7	8,7	63,1	56,8	62,4	65,8	23,6	26,5
Великий Устюг	40,9	43,7	88,4	93,3	27,6	27,7	21,2	21,2	-19,7	-22,5
Вытегра	54,1	52,1	58,1	57,8	88,3	91,8	73,1	73,1	19	21
Грязовец	57,3	58,5	96,2	95,5	84,6	93,2	83	86,9	25,7	28,4
Кадников	39,7	38,8	59,6	58,7	33,6	33,6	18	17,7	-21,7	-21,1
Кириллов	48,4	47,1	66,1	63	58,3	59	40,5	40,3	-7,9	-6,8
Красавино	15,9	16,2	31,6	31,1	45,9	46	35,2	35,2	19,3	19
Никольск	25,9	26,1	17,7	48,2	54,6	59,6	63,4	60,7	37,5	34,6
Сокол	56,3	59,8	11,6	14,1	38,8	36,2	25	25,2	-31,3	-34,6
Тотьма	34,7	35,1	27,3	27,5	57,9	53,9	40,7	42,5	6	7,4
Устюжна	27,3	27,5	41,5	41,6	76,5	77,3	57,9	57,3	30,6	29,8
Харовск	34,4	34,4	14,9	14,8	50,8	50,7	23,3	23,3	-11,1	-11,1

недостаток, который заключается в том, что обеспеченность городских поселений доходами значительно отличается до и после распределения безвозмездных поступлений. Это хорошо прослеживается на примере малых городов Вологодской области (табл. 7).

По большей части те городские поселения, для которых характерен относительно высокий уровень финансовой автономии, по итогам зачисления безвозмездных поступлений оказались в конце списка по показателям уровня доходов в расчете на одного жителя муниципального образования. К примеру, три лидера по уровню собственных доходов в расчете на душу населения – г. Бабаево, г. Вытегра и г. Никольск – после распределения межбюджетных трансфертов переместились на девятое, десятое и восьмое места соответственно. Отсюда возникает вопрос эффективности существующей

системы перераспределения финансовых средств между муниципалитетами, которая, на наш взгляд, не способствует повышению уровня мотивации органов местного самоуправления к поиску дополнительных источников собственных доходов.

В данном ключе интерес представляет мнение непосредственно органов местного самоуправления малых городов Вологодской области. В 2018 году с целью проведения оценки итогов реализации Федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года и выявления существующих в муниципальных образованиях проблем было проведено ежегодное анкетирование органов местного самоуправления Вологодской области, в число которых вошли и главы городских поселений региона⁴.

Результаты опроса показали, что, по мнению глав городских поселений, дефицит соб-

⁴ Анкетирование глав муниципальных образований проводится ежегодно с 2000 по 2017 год. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2017 года по итогам 2016 года. В выборку по городским поселениям были включены не только малые города области, но и поселки городского типа.

Таблица 7. Ранжирование малых городов Вологодской области до и после распределения межбюджетных трансфертов в 2017 году

Городское поселение	Собственные налоговые и неналоговые доходы на 1 жителя, руб.	Ранг ГП по собственным доходам	Доходы бюджета в расчете на 1 жителя, руб.	Ранг ГП по доходам с учетом межбюджетных трансфертов
Бабаево	3753,54	1	4146,24	9
Вытегра	2939,03	2	4018,79	10
Никольск	2787,52	3	4394,08	8
Кириллов	2767,90	4	6833,77	5
Грязовец	2661,08	5	3205,00	13
Харовск	2572,81	6	11035,17	2
Белозерск	2465,51	7	3948,67	12
Кадников	2391,02	8	13248,36	1
Устюжна	2307,27	9	3985,28	11
Красавино	2157,62	10	6130,71	6
Тотьма	2133,44	11	5240,83	7
Сокол	2131,54	12	8523,45	4
Великий Устюг	2046,27	13	9645,05	3

ственных источников доходов является одним из главных факторов, препятствующих эффективному управлению муниципальным развитием – этот пункт отметили 90% опрошенных. Вторым по популярности ответом является недостаточность финансовой поддержки со стороны государства: 70% опрошенных глав городских поселений обозначили данную проблему (табл. 8).

Среди обозначенных главами городских поселений проблем также можно выделить пассивность местного населения и отсутствие механизмов учета балансов бизнеса, власти и населения в процессе развития территории; несовершенство законодательства в целом, касающегося вопросов функционирования и развития муниципальной власти; отсутствие согласованности программных документов, направленных на развитие территории; отсутствие информации, необходимой для мобилизации собственных доходов.

Несмотря на то что в 2017 году 60% глав городских поселений оценили обеспеченность финансовыми ресурсами в целом как низкую и крайне низкую, сравнение данных опросов за 2006 и 2017 гг., говорит о наличии позитивных изменений в обеспеченности финансовыми средствами. В частности, за рассматриваемый период увеличилась с 9 до

50% доля глав городских поселений, указавших на среднюю наполняемость бюджета за счет собственных доходов (табл. 9).

Главными источниками расширения собственной финансово-экономической базы, по мнению глав городских поселений, являются участие в региональных и федеральных программах (на это указали 100% всех опрошенных глав), а также поиск и концентрация инвестиционных ресурсов на приоритетных направлениях развития экономики муниципалитета (вариант ответа выбран 90% респондентов; табл. 10).

Эффективному функционированию органов местного самоуправления, выполнению ими своих полномочий по решению основных задач жизнеобеспечения населения препятствуют недостаточная имущественная и материально-техническая база муниципальных образований и ее несоответствующее качество. Ведь согласно 131-ФЗ, экономической основой местного самоуправления является муниципальная собственность, ее отсутствие или дефицит непосредственно отражаются на состоянии муниципального бюджета.

Как показывают данные опроса, положительной тенденцией является тот факт, что за последние восемь лет значительно возросла

Таблица 8. Распределение ответов респондентов по итогам 2017 года на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень значимости факторов, которые мешают, по Вашему мнению, эффективному управлению муниципальным развитием», % от числа опрошенных*

Фактор	% ответивших
Дефицит собственных источников доходов	90,0
Недостаточность финансовой поддержки со стороны государства	70,0
Несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях	70,0
Пассивность местного населения	60,0
Отсутствие баланса интересов населения, бизнеса и власти (государственной и муниципальной) в процессе развития территории	50,0
Отсутствие информации, необходимой для мобилизации собственных доходов (информации о налогоплательщиках и т. д.)	50,0
Отсутствие согласованности программных документов (на региональном и федеральном уровне), направленных на развитие муниципалитетов	50,0
Зависимость от региональных органов управления	40,0
Наличие полномочий, не имеющих непосредственного отношения к институту местного самоуправления	40,0
Неготовность и неумение органов местного самоуправления отстаивать интересы людей и территорий	40,0
Ограниченность полномочий в сфере экономического развития муниципалитета	30,0
Отсутствие эффективного сотрудничества с органами государственной, в первую очередь региональной, власти	30,0
Неукомплектованность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами	30,0
Бюрократические проволочки органов государственной власти	20,0
Недостаточность объектов имущества	20,0
Отсутствие эффективного сотрудничества с местными органами самоуправления районов и других поселений	20,0

* Представлены только ответы, оцененные как «очень значимы».

Таблица 9. Распределение ответов руководителей администраций городских поселений на вопрос «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования собственными доходами и доходами всего», % от числа опрошенных

Год	Обеспеченность доходами в целом				Обеспеченность собственными доходами			
	крайне низкая (0–30%)	низкая (31–60%)	средняя (61–90%)	высокая (более 90%)	крайне низкая (0–30%)	низкая (31–60%)	средняя (61–90%)	высокая (более 90%)
2006	40,0	40,0	0,0	20,0	63,7	27,3	9,0	0,0
2016	15,4	61,5	23,1	0,0	23,1	61,5	15,4	0,0
2017	30,0	30,0	40,0	0,0	30,0	20,0	50,0	0,0

доля глав городских поселений, положительно оценивающих обеспеченность муниципального образования имуществом. В частности, в 2017 году средний уровень обеспеченности имуществом для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий отметили 50% опрошенных, а имуществом для коммерческой реализации – 30% респондентов (табл. 11).

В настоящее время необходимым условием для обеспечения устойчивого соци-

ально-экономического развития малых и средних городов, безусловно, будет являться увеличение доходной базы их бюджета. При этом принципиально важно, чтобы система финансового обеспечения городских поселений осуществлялась таким образом, чтобы за счет средств муниципального бюджета могли финансироваться текущие расходы, направленные на решение первоочередных задач, при этом средств должно хватать на формирование бюджетов развития.

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо предпринять органам местного самоуправления муниципального образования для расширения его финансово-экономической базы?», % от числа опрошенных

Наименование мероприятия	% ответивших
Участвовать в соответствующих региональных и федеральных программах	100,0
Вести поиск и концентрировать инвестиционные ресурсы на приоритетных направлениях развития экономики	90,0
Усилить меры воздействия на плательщиков, имеющих задолженность по платежам	60,0
Усилить контроль за поступлением платежей за аренду имущества и земли	50,0
Способствовать устранению инфраструктурных ограничений экономического роста	30,0
Активизировать работы по технической инвентаризации и оценке объектов муниципальной собственности, государственной регистрации права муниципальной собственности и права аренды	30,0
Проводить работу по оптимизации численности работников бюджетной сферы и органов местного самоуправления, обеспечению реструктуризации бюджетной сети	10,0
Участвовать в предпринимательской деятельности	10,0
Разработать процедуры самообложения граждан в соответствии со ст. 55–56 ФЗ № 131	10,0
Способствовать развитию рынка местных муниципальных займов и их различных вариаций	10,0
Совершенствовать взаимодействие с налоговыми органами	0,0
Активизировать процесс перевода учреждений из бюджетных в автономные	0,0
Проводить инвестиционные форумы	0,0

Таблица 11. Распределение ответов руководителей администраций на вопрос «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования имуществом», % от числа опрошенных

Муниципальные образования	Обеспеченность имуществом			
	крайне низкая (0–30%)	низкая (31–60%)	средняя (61–90%)	высокая (более 90%)
2009 год				
Имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий	45,5	54,5	0,0	0,0
Имущество коммерческое	100,0	0,0	0,0	0,0
2016 год				
Имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий	30,8	53,8	15,4	0,0
Имущество коммерческое	16,7	75,0	8,3	0,0
2017 год				
Имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий	20,0	30,0	50,0	0,0
Имущество коммерческое	30,0	40,0	30,0	0,0

Увеличение собственных источников дохода в бюджетах малых и средних городов также возможно за счет передачи некоторых налогов для зачисления в их бюджет.

К примеру, по мнению экспертов⁵, целесообразным будет передача местным бюджетам ставки налога на прибыль организаций в размере 2%, поступления по которому в на-

⁵ «Мы не уверены, что такая «стратегия» будет полезна для территориального развития России», выступление Главы Калязинского района Тверской области, члена Экспертного совета Ассоциации малых и средних городов России К.Г. Ильина // Сайт информационно-аналитической службы «Русская народная линия». URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/10/2018-10-03/my_ne_uvereny_chno_takaya_strategiya_budet_polezna_dlya_territorialnogo_razvitiya_rossii (дата обращения 28.02.2019).

стоящее время зачисляются в федеральный бюджет; зачисление в местные бюджеты налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, по нормативу 100%; увеличение норматива отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) до 50%; установление нормативов отчислений в местные бюджеты от акцизов на табак, алкогольную продукцию и пиво до 50%. Такое перераспределение доходной базы вызовет интерес у органов местного самоуправления в увеличении бюджетных поступлений за счет развития бизнеса и местной инфраструктуры.

Обращаясь к вопросу распределения полномочий между субъектами Российской Федерации и муниципалитетами, необходимо отметить необходимость учета имеющегося имущественного и финансового потенциала малых и средних городов для эффективного исполнения компетенций, возложенных на органы местного самоуправления, и реальной оценки возможности достижения поставленных перед городскими властями целей и задач.

Говоря о повышении финансовой обеспеченности бюджетов малых городов, прежде всего, необходимо отметить необходимость поиска путей увеличения собственных доходов, основу которых составляют налоги (НДФЛ, земельный налог и налог на имущество физических лиц), а также неналоговые доходы и внебюджетные источники финансирования.

В настоящее время во многих развитых странах налоги на имущество являются основным источником доходов местных бюджетов. К примеру, во Франции они формируют 51% доходов местных бюджетов, в США – 71%, в Великобритании, Ирландии и Австрии финансирование муниципалитетов в полном объеме осуществляется за счет имущественных налогов [17]. Важным моментом является то, что в большинстве стран налог рассчитывается исходя из рыночной стоимости налогооблагаемого объекта недвижимости. В настоящее время в России также произошел переход на систему расчета налогов на имущество физиче-

ских лиц на основе кадастровой стоимости объектов недвижимости. Положительным моментом данных нововведений является увеличение сумм уплаченных населением городов налогов. Однако, с другой стороны, повышение налогооблагаемой базы привело к существенному росту расходов населения и ухудшению и без того сложного финансового положения жителей малых и средних городов. Поэтому при проведении налоговой политики, направленной на увеличение доходной части бюджетов муниципальных образований, на наш взгляд, необходимо учитывать реальные доходы населения.

В настоящее время органами управления малых и средних городов недостаточно эффективно используются внебюджетные источники финансирования. Прежде всего, следует обратить внимание на применение механизмов муниципально-частного партнерства, а также ресурсы федеральных и региональных организаций, деятельность муниципальных унитарных предприятий, а также привлечение инвесторов, заинтересованных в размещении производств на территории городов [16].

Поскольку, как показало проведенное исследование, большинство городов остается уже на протяжении многих лет финансово зависимыми от вышестоящих бюджетов, встает вопрос об оценке эффективности существующей системы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Для большинства малых и средних городов финансовая помощь в виде субсидий, дотаций и субвенций уже стала привычной настолько, что у местных органов власти пропал интерес к поиску путей наращивания собственного экономического потенциала. Выходом из сложившейся ситуации может являться упорядочивание софинансирования расходов городских поселений путем закрепления показателей результативности предоставления межбюджетных трансфертов, а также за счет усиления ответственности органов местного самоуправления за исполнение обязательств по эффективному использованию бюджетных средств [21].

Таким образом, анализ современного состояния бюджетов малых и средних городов позволил выявить наличие определенных положительных сдвигов в ряде городских поселений Вологодской области. Вместе с тем по-прежнему низкой остается степень финансовой самостоятельности муниципалитетов. Вклад проведенного исследования в развитие прикладной науки заключается в получении и систематизации аналитических данных о состоянии бюджетов малых и средних городов и формировании на основе этого

конкретных рекомендаций по повышению уровня финансовой обеспеченности муниципальных бюджетов. Результаты исследования могут быть использованы в работе федеральных, региональных и муниципальных органов власти при совершенствовании социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение финансовой устойчивости муниципальных бюджетов, а также при определении возможностей и перспектив саморазвития малых и средних городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования / Е.Г. Анимича [и др.]. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2003. 105 с.
2. Социально-экономическое развитие малых городов: реалии и возможности / С.В. Кузнецов [и др.]. СПб.: ГУАП, 2014. 156 с.
3. Экономические стратегии активных городов / Б.М. Гринчель [и др.]. СПб.: Наука, 2002. 499 с.
4. Abou-Korin A. A. Small-size urban settlements: Proposed approach for managing urban future in developing countries of increasing technological capabilities, the case of Egypt. *Shams Engineering Journal*, 2014, vol. 5, pp. 377–390.
5. Berdegue J.A., Carriazo F., Jara B., Modrego F. Soloaga I. Cities, Territories, and Inclusive Growth: Unraveling Urban–Rural Linkages in Chile, Colombia, and Mexico. *World Development*, 2015, vol. 73, pp. 56–71.
6. Bingqin L., Xiangsheng A. Migrants as a source of revenue in small towns in China. *Environment & Urbanization*, 2010, vol. 22 (1), pp. 51–66. DOI: 10.1177/0956247809356179
7. Секушина И.А. Основные демографические тенденции и проблемы социально-экономического развития малых городов Вологодской области // Науч. вестн. Южн. ин-та менеджмента. 2018. № 4. С. 27–32. DOI: 10.31775/2305-3100-2018-4-27-32
8. Evans A.W. *Urban Economics (an introduction)*. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. 230 p.
9. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
10. Courtney P., Errington A. The Role of Small Towns in the Local Economy and Some Implications for Development Policy. *Local Economy*, 2000, vol. 4, pp. 280–301.
11. Ebrahimzadeh I., Tayyebi N., Shafei Y. Functional Analysis of Small Towns Economic Role in Rural Development. Case Study: Zahedshahr, Iran. *Journal of Service Science and Management*, 2012, vol. 3, pp. 269–279.
12. Абрамова Е.А. Региональная политика саморазвития социально-экономических систем // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2014. № 2 (38). С. 29–34.
13. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. Возможности местных бюджетов при реализации муниципальных стратегий развития // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 37–50.
14. Печенская М.А. Состояние бюджетов муниципальных образований разных типов и направления повышения их доходного потенциала // Проблемы развития территории. 2012. № 4 (60). С. 83–95.

15. Ворошилов Н.В. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 79–95.
16. Савина О.Н. Являются ли налоговые доходы местных бюджетов основой муниципального уровня управления России в современных экономических условиях // Wschodnioeuropejskie czasopismo naukowe. 2017. № 1 (17). С. 86–98.
17. Нехаичук Ю.С., Нехаичук Д.В. Зарубежный опыт оптимизации дефицита бюджета муниципальных образований // Инновационная наука. 2017. № 3. С. 197–203.
18. Талалужкина Ю.Н. Зарубежный опыт организации малых городов // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 14 (269). С. 55–60.
19. Оборин М.С., Сысоев А.П., Шерешева М.Ю. Некоторые подходы к оценке экономического потенциала малых городов России // Гос. управление. Электрон. вестн. 2017. № 63. С. 297–319.
20. Секушина И.А. Урбанизация в России и значение малых и средних городов в развитии сельских территорий // Trajektoriâ Nauki= Path of Science. 2018. Т. 4. № 8. С. 2009–2016.
21. Прокофьев М.Н., Багратуни К.Ю. Оценка эффективности межбюджетных трансфертов при формировании местных бюджетов // Муниципальная академия. 2017. № 4. С. 90–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секушина Ирина Анатольевна – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: i_sekushina@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Sekushina I.A.

FINANCIAL AND BUDGET PROVISION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED CITIES (THE CASE OF THE VOLOGDA OBLAST)

The article is devoted to the study of the urgent scientific and practical problem of ensuring the small and medium-sized cities' financial independence in conditions of the increasing dependence of urban settlements' budgets on the volumes of federal and regional transfers. The aim of the study is to analyze the financial and budget security of small and medium-sized cities in the case of the Vologda Oblast. The paper presents the main indicators of the population of Russia and the Vologda Oblast, which reveal the concentration of the country's inhabitants in large cities and the outflow of the population from small and medium-sized cities. The structure of the small cities' budgets in the Vologda Oblast is examined and analyzed, which showed that only six out of thirteen urban settlements have their own revenues. Analysis of the dynamics of financial independence indicators of small cities' budgets in the region shows positive changes in most settlements. The ranking of the region's small cities by income indicators per inhabitant was conducted, which revealed a mismatch in the distribution of ranks before and after the distribution of intergovernmental transfers. Separate results of questioning the region's urban settlements heads are also presented, which indicate the presence of problems in the formation of city budgets and ensuring the financial independence of the settlements. Measures to increase own revenue base are proposed as the main directions of increasing the level of financial security of the small cities' budgets. The need to increase intergovernmental transfers effectiveness is emphasized. During the study, the methods of system analysis, sociological research, tabular and graphical techniques for data visualization were used. The results obtained

during the study can be used in the work of federal, regional and municipal authorities in improving socio-economic policies, developing and implementing measures aimed at improving the municipal budgets' financial stability, as well as in identifying opportunities and prospects for small and medium-sized cities self-development.

Small and medium-sized cities, municipal government, budget, financial security, Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sekushina Irina Anatolyevna – Junior Research Associate, Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: i_sekushina@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.10

УДК 316.453:316.344.32 | ББК 60.59

© Блынская Т.А., Малинина К.О., Максимов А.М.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

БЛЫНСКАЯ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: t_blynskaya@mail.ru

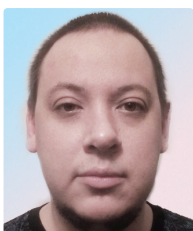
ORCID: 0000-0002-9675-4688; ResearcherID: I-3946-2018

МАЛИНИНА КРИСТИНА ОЛЕГОВНА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: malinina.ciom@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3113-1241; ResearcherID: I-3917-2018

МАКСИМОВ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: amm15nov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0959-2949; ResearcherID: I-3948-2018

Для цитирования

Блынская Т.А., Малинина К.О., Максимов А.М. Функционирование научного сообщества в региональном пространстве Арктической зоны РФ (на примере Архангельской области) // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 153–169. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.10

For citation:

Blynskaya T.A., Malinina K.O., Maksimov A.M. Scientific community functioning in the regional space of the Arctic zone of the Russian Federation (the case of the Arkhangelsk Oblast). *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 153–169. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.10

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (№ гос. регистрации проекта – АААА-А19-119020490098-1).

В статье рассмотрены тенденции развития научной сферы через призму модернизации и научно-технического прогресса. Современное состояние региональной науки охарактеризовано не только с помощью наукометрических показателей, но и на основе мнения непосредственных участников научно-исследовательского и образовательного процессов – научных сотрудников (ФГБУН ФИЦКИА РАН) и преподавателей (ФГАОУ ВПО (С(А)ФУ)). Целью проведенного исследования стало комплексное описание системы производства научного знания в современной России, включая ее институциональное и социальное измерения. Функциональное состояние этой системы проиллюстрировано на примере социального самочувствия и настроений в научном сообществе Архангельской области. За основу выбран системный подход, в рамках теории познания и диалектики, для которого характерно целостное рассмотрение, установление взаимодействия составных частей. Новизна работы состоит в анализе функционирования профессиональных сообществ вузовской и академической науки в период реформ с учетом региональной специфики. В ходе проведения исследования выявлено, что в качестве первоочередных проблем научные работники выделяют следующие: финансирование научных работ, слабую оснащенность современным оборудованием, низкий уровень оплаты труда и высокую степень бюрократизации учебного процесса. Оценивая условия работы, респонденты продемонстрировали наибольшую удовлетворенность отношениями с коллегами, социальными гарантиями и соблюдением трудового законодательства, что совпадает с приоритетными критериями привлекательности трудовой деятельности в организации. Менее половины опрошенных частично удовлетворены признанием их успехов и достижений. Неудовлетворенность уровнем оплаты труда выразила большая часть респондентов. В большинстве своем опрошенные не видят на сегодняшний день ясной стратегии государственных органов в отношении развития отечественной науки. Основными критериями привлекательности работы в научной сфере, по мнению респондентов, выступают интересная творческая работа, психологическая атмосфера в коллективе, комфортные условия труда, социальные гарантии. Данные проведенного исследования могут лечь в основу разработки программы развития научно-исследовательской деятельности в региональном пространстве. Характерные для Российской Федерации диспропорции в территориальном размещении научно-технического потенциала накладывают свой отпечаток на функционирование региональной науки и требуют взвешенной государственной политики, основывающейся на результатах анализа сложившейся ситуации.

Научное сообщество, академическая наука, вузовская наука, региональное пространство, человеческий капитал, Арктическая зона РФ, индекс научно-технического потенциала, кадровый потенциал.

Введение

Арктическая зона Российской Федерации является стратегической ресурсной базой страны, обеспечивающей решение части задач социально-экономического развития. В числе приоритетов государственной политики в Арктике отмечается необходимость развития науки и технологий, улучшения качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности, совершенствования системы государственного управления социально-экономическим развитием АЗРФ, реализация чего может быть обеспечена, в частности, за счет расширения фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктике.

Среди основных тенденций развития арктического региона в Докладе о развитии человеческого капитала в Арктике [1] выделяются повышенный уровень миграции, проникновение новых идей, норм и ценностей, растущий интерес к развитию ресурсов Арктики, меняющиеся структуры управления, которые как помогают, так и усложняют жизнь северных сообществ. В числе направлений государственной северной политики – не только освоение природных ресурсов, но и цивилизованное обживание территорий со сложившимися историко-культурными очагами, переход от потребительского использования природных и человеческих ресурсов к их системному воспроизводству, от

вывоза почти полного объема потенциального капитала к материализации его значительной части на месте, переход от моно-к полиспециализации на основе научно-технического прогресса [2; 3].

Одним из приоритетов государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации выступает необходимость развития науки и технологий. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» предполагает задействовать для построения новой социальной политики такие значимые факторы, как человеческий и научный потенциал [4]. Д.А. Медведев отмечает, что для достижения устойчивого экономического роста необходимо обеспечить повышение совокупной производительности таких двух факторов, как труд и капитал, и выделяет инвестиции в человека как один из глобальных инвестиционных трендов [5].

Человеческий капитал определяется как навыки, способности и умения человека, позволяющие получать доход². К инвестициям, развивающим созидательные способности человека, относятся формальное и неформальное образование, подготовка на производстве, медицинские услуги и исследования в области здравоохранения, расходы на оптимизацию миграции, поиск информации о состоянии экономики [6–9].

Стратегии развития Арктики, принимаемые в различных циркумполярных странах, определяют науку как основной инструмент обеспечения национальных геополитических интересов [10]. Так, например, по итогам доклада о человеческом развитии в Арктике (Arctic Human Development Report), международной группой исследователей был инициирован Проект Arctic Social Indicators. В исследованиях, проводимых по методике ASI, для оценки качества жизни жителей арктических территорий изучаются состояние здоровья населения, материальное благополучие, образовательные возможности, культурное благополучие, связь

с природной средой (contact with nature), возможности контролировать свою судьбу (fate control) [11]. Социологи обращают отдельное внимание на регионы Арктики как естественные лаборатории, в которых оцениваются инновационные программы. Арктический регион может способствовать решению таких глобальных современных вызовов, как последствия краха центрально-планируемых экономик бывшего Советского Союза и Восточной Европы, постепенная деградация экосистем во всем мире и вопросы сохранения расизма во многих обществах³.

Современный этап развития общества характеризуется такими отличительными особенностями, как глобализация и информатизация. В настоящее время экономические и социальные процессы во всех странах существенно изменились: техническая и информационная революции, размытие границ между государствами, стремительно возрастающие производительность труда и скорость перемещения в пространстве. Как следствие, в современных условиях статус государства определяется в большей степени не количеством вооружения и численностью армии, а уровнем жизни, возможностью накопления и использования человеческого капитала и потенциала.

В свою очередь, высокий уровень жизни – степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, включающий в себя не только доходы населения, но и качество здравоохранения, питания, социальных услуг, культуры, окружающей среды, соблюдение политических прав и свобод и социального равенства, невозможно обеспечить без динамично развивающегося общества. Кризис 2014–2016 годов показал неустойчивость сформировавшейся в России экспортно-сырьевой модели развития. В стране обострились многие проблемы развития человеческого потенциала⁴. Россия в рейтинге «Уровня жизни

² The Penguin Dictionary of Economics. London, 2004, p. 36.

³ National Research Council. Arctic Contributions to Social Science and Public Policy. Washington, DC: The National Academies Press, 1993. 88 p.

⁴ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. С. 11. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf> (дата обращения 22.11.2017).

населения» в 2017 году находится на 101 месте, опустившись на 4 пункта по сравнению с 2016 годом⁵.

Для обеспечения достойного места России в глобализованном мире необходимо стимулирование инновационного развития отечественной экономики, основой которого может выступить стратегия инновационного роста, опирающаяся на науку и образование – институты, согласующие интересы науки, образования и высокотехнологичных производств, позволяющие аккумулировать факторы экономического роста [12].

Во всем мире научные сообщества являются важнейшим элементом профессиональной структуры динамично развивающегося социума. Исследователи отмечают, что институционализация научного сообщества в России являлась следствием жестких рамок государственной политики, которая отличалась фрагментарностью и доминированием идеологического начала, с одной стороны, а с другой – оформила мощнейший социокультурный потенциал, который сделал представителей научной сферы активными участниками социально-политического развития России [13].

Для Российской Федерации характерны диспропорции в территориальном размещении научно-технического потенциала, которые требуют взвешенной государственной региональной политики, основывающейся на научно обоснованных результатах анализа сложившейся ситуации. Развитие и функционирование науки во многом коррелирует с устойчивым развитием региональной социально-экономической структуры. Особое значение приобретает комплексный социологический анализ науки как социального института в регионе. Эффективность выполнения региональными научными организациями своей основной функции – производства научного знания – связана с социально-экономическим развитием региона, т. е. экономический потенциал региона является материальной основой для возмож-

ности эффективного функционирования и развития региональной науки [14].

В основе современного состояния отечественной науки лежит ее функциональный кризис, состоящий в том, что в советские годы на долю ВПК приходилось более 70% расходов на науку, а общественные дисциплины специализировались на идеологической концепции в рамках исторического материализма, что оказалось невос требованным и неконкурентоспособным в 1990-х годах в условиях дефицита государственного бюджета. К ученым стали относить астрологов, нумерологов, парапсихологов и т. д., что свидетельствовало о иррационализации массового сознания общества [15]. При этом к использованию науки, характерному для западных стран, с широким привлечением частного капитала, ориентацией на коммерциализацию научных результатов наше общество в силу отсутствия традиций здоровой конкуренции еще не готово.

В настоящей статье содержится анализ некоторых важных тенденций в развитии системы научных организаций и научного сообщества в современной России, связанных с их функционированием, в частности, динамикой человеческого капитала, инновационным потенциалом, а также, на примере Архангельской области, социальным самочувствием научных работников и их удовлетворенностью условиями и характером своей профессиональной деятельности.

Теория

В России на настоящий момент⁶ насчитывается 4032 организации, производящие научные исследования и разработки, в которых работают 736540 человек, около 67% организаций находится в государственной собственности (рис. 1). В сравнении с 2010 годом количество организаций увеличилось на 13%, доля государственной собственности увеличилась на 2,5%, при этом количество сотрудников уменьшилось на 2%.

⁵ Рейтинги стран. URL: <http://gotoroad.ru/best/indexlife> (дата обращения 06.02.2018).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science (дата обращения 22.03.2018).

Рис. 1. Научные организации России

В процессе трансформации социальной, политической и культурной ситуации роль науки и значимость труда ученых в российском обществе стали снижаться. Многие представители научного сообщества не находят приложения своим интеллектуальным силам. В связи с этим весьма актуальна проблема эмиграции ученых. Этот процесс значительно сказывается на общем балансе социального и человеческого капитала страны, причем последствия, проявляющиеся уже в настоящем времени, в перспективе могут быть катастрофичны.

В российской истории начиная с XX века выделяется четыре волны эмиграции ученых, которые были неотъемлемой частью общего потока эмигрантов [16]: первая (1918–1922) составляла от 1,5 до 3 млн человек; вторая волна (1941–1944) – 0,5–0,7 млн чел., третья волна (1948–1989/1990) – около 0,5 млн чел.; четвертая волна (1990 – по настоящее время). Нынешняя волна, как отмечают специалисты, по сути, первая более или менее цивилизованная эмиграция в российской истории, предопределяющаяся, по большей части, экономическими факторами, побуждающими специалистов переселяться в другие страны с целью повышения уровня жизни⁷. Эмиграция ученых уже не в самом разгаре, но далеко еще не на стадии

завершения, что связывается с нахождением современной отечественной науки на пересечении «ряда кризисов – финансово-экономического, социально-институционального и этико-морального» [17], сопровождающихся значительным снижением статуса и престижа науки и ученых в общественном сознании.

Сложность современного положения российской науки состоит также во вмешательстве государства в принципиальные вопросы самоорганизации и функционирования научного сообщества. Это проявляется, в частности, в реформах научной сферы, которые по замыслу должны способствовать развитию отечественной науки, усилению ее позиций на международном уровне, повышению эффективности работы, однако, имеют массу нареканий со стороны ученых [17]. Так, в 2013 году на волне протестов ученых и конфликта между правительством и Академией наук был организован клуб «1 июля»⁸. На масштабы этой ситуации ученые снова обратили внимание в Открытом письме к Президенту Российской Федерации В.В. Путину от 27 декабря 2017 года⁹. Исследователи Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» [18] связывают кризисные явления в российской науке и образовании с внутренней социально-экономической политикой страны, которая, несмотря на реформы, носит застойный характер.

С 90-х годов прошлого века наука и образование в России находятся в условиях постоянного реформирования, однако реформы тормозятся из-за истощенности кадрового и технического потенциала. Так, штатная численность профессорско-преподавательского состава продолжает сокращаться: за последние семь лет данный показатель упал на 1/3. Система вузовского образования в России входит в этап технологического и технического обновления. Ключевыми факторами успешного развития вузов становятся гибкость и вариативность

⁷ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2008. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/027/s_mar.php (дата обращения 22.12.2017).

⁸ Российская академия наук. Хроника протеста. Июнь – июль 2013 г. / сост. А.Н. Паршин. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 2013. 368 с.

⁹ Коммерсант.ru. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3509262?from=doc_vrez (дата обращения 22.01.2018).

взаимодействия, скорость реагирования на изменения, преодоление естественной инертности¹⁰.

Создание экономически целесообразной и конкурентоспособной в мировом масштабе институциональной среды высшей школы, системы эффективного функционирования академической среды, способствующей сохранению научных кадров и научно-технических разработок внутри страны, возможны посредством модернизации [12]. Однако современное реформирование по большей части не имеет четкого механизма реализации и зачастую встречает сопротивление в научном сообществе. Известно, что период реформ и переходов от одного состояния общества к другому сопровождается проявлениями аномии, выражающимися в ослаблении моральной регуляции поведения и понижении эффективности деятельности основных социальных институтов, что затрагивает, соответственно, и научное сообщество [19].

Анализируя региональную научную деятельность, Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) выпускает Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Рейтинг, сформированный на основе ИНТП (индекс научно-технического потенциала), представляет собой композитную оценку, отражающую развитие научно-технического потенциала регионов по таким его составляющим, как кадровые и финансовые ресурсы научных исследований и разработок, публикационная и патентная активность, разработка передовых производственных технологий и экспорт услуг технологического

характера, в таблице представлены данные за 2008 и 2010¹¹, 2012¹², 2013¹³, 2014¹⁴, 2015¹⁵ годы. Ранжирование регионов по обобщающим значениям позволило распределить их по четырем группам.

Первое место занимают регионы, демонстрирующие высокие значения большинства показателей ресурсной обеспеченности и результативности научно-технической деятельности, индекс ИНТП в которых превышает среднероссийский показатель.

Вторую группу образуют регионы со значениями ИНТП как выше, так и ниже общероссийского. Первую подгруппу (2а), условно объединяющую субъекты Российской Федерации, сохранившие или улучшившие свои позиции, отличают относительно высокие значения индикаторов финансовой обеспеченности сектора исследований и разработок за счет средств предпринимательского сектора, квалификационного состава научных кадров, параметров результативности научной и научно-технической деятельности. Уступая по большей части показателям лидерам рейтинга, по ряду индикаторов регионы данной подгруппы в целом опережают среднероссийский уровень. Вторая подгруппа (2б) охватывает регионы, которые потеряли от одной до десяти позиций в рейтинге. В ряде входящих в нее регионов фундаментальная и прикладная наука традиционно сильна, значения основных показателей интенсивности и результативности исследований и разработок в них несколько ниже общероссийских.

Регионы третьей группы по ИНТП можно охарактеризовать как относительно скромные по значениям основных показателей научно-технического потенциала, причем

¹⁰ Бюллетень в сфере высшего образования. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf> (дата обращения 27.09.2017).

¹¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналит. докл. / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 104 с.

¹² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналит. докл. / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 88 с.

¹³ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.

¹⁴ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 248 с.

¹⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.

как по ресурсным параметрам, так и по результативности исследований и разработок.

В четвертую группу вошли регионы с минимальными средними значениями по всем показателям (табл.).

Таблица. Ранжирование регионов АЗРФ по индексу ИНТП (по годам)

Регион	Год	Группа	Ранг	ИНТП
Российская Федерация	2008			0,384
	2010			0,390
	2012			0,4175
	2013			0,4101
	2014			0,3854
	2015			0,3826
Мурманская область	2008	1	4	0,461
	2010	2а	11–12	0,402
	2012	26	25	0,3969
	2013	2	18	0,4062
	2014	2	24	0,3663
	2015	3	26	0,3398
Республика Коми	2008	2	17	0,374
	2010	26	17–18	0,372
	2012	26	23	0,4005
	2013	2	26	0,3877
	2014	2	39	0,3275
	2015	3	30	0,3303
Республика Карелия	2008	2	34	0,335
	2010	3	42–43	0,309
	2012	3	41	0,3469
	2013	2	31	0,3708
	2014	2	29	0,3555
	2015	3	28	0,3359
Чукотский автономный округ	2008	3	60	0,279
	2010	3	46–47	0,305
	2012	4	77	0,2170
	2013	4	72	0,2462
	2014	2	38	0,3348
	2015	3	47	0,2868
Красноярский край	2008	2	28–29	0,340
	2010	3	49–50	0,302
	2012	26	22	0,4016
	2013	2	27	0,3818
	2014	2	19	0,3790
	2015	2	18	0,3812

Регион	Год	Группа	Ранг	ИНТП
Республика Саха (Якутия)	2008	2	40	0,323
	2010	3	57	0,284
	2012	3	44	0,3405
	2013	3	50	0,3184
	2014	2	42	0,3202
	2015	3	42	0,2941
Архангельская область	2008	4	76	0,213
	2010	3	65	0,260
	2012	3	40	0,3511
	2013	2	29	0,3776
	2014	2	30	0,3478
	2015	3	33	0,3235
Ненецкий автономный округ	2008	4	82	0,149
	2010	4	78	0,178
	2012	4	83	0,1551
	2013	4	83	0,1481
	2014	4	81	0,2035
	2015	4	66	0,2394
Ямало-Ненецкий автономный округ	2008	2	41	0,322
	2010	4	82	0,145
	2012	4	68	0,2723
	2013	3	60	0,2973
	2014	3	50	0,3044
	2015	3	43	0,2929

В целом по Российской Федерации индекс научно-технического потенциала с 2008 по 2012 год имел тенденцию к увеличению, но в 2015 году он снова оказался на уровне 2008 года, что связано с экономической и политической ситуацией в стране. В регионах колебания были в различных амплитудах: более близки к среднему уровню такие регионы, как Мурманская область, республики Коми и Карелия, Красноярский край. Наибольшие колебания в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах.

По данным последнего обследования (2015 год), регионы АЗРФ относятся к 3 группе (самой многочисленной – 39 субъектов Российской Федерации). Исключение составили Красноярский край (2 группа) и Ненецкий автономный округ (4 группа). По сравнению с 2014 годом свои позиции улучшили Республика Коми, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа (рис. 2).

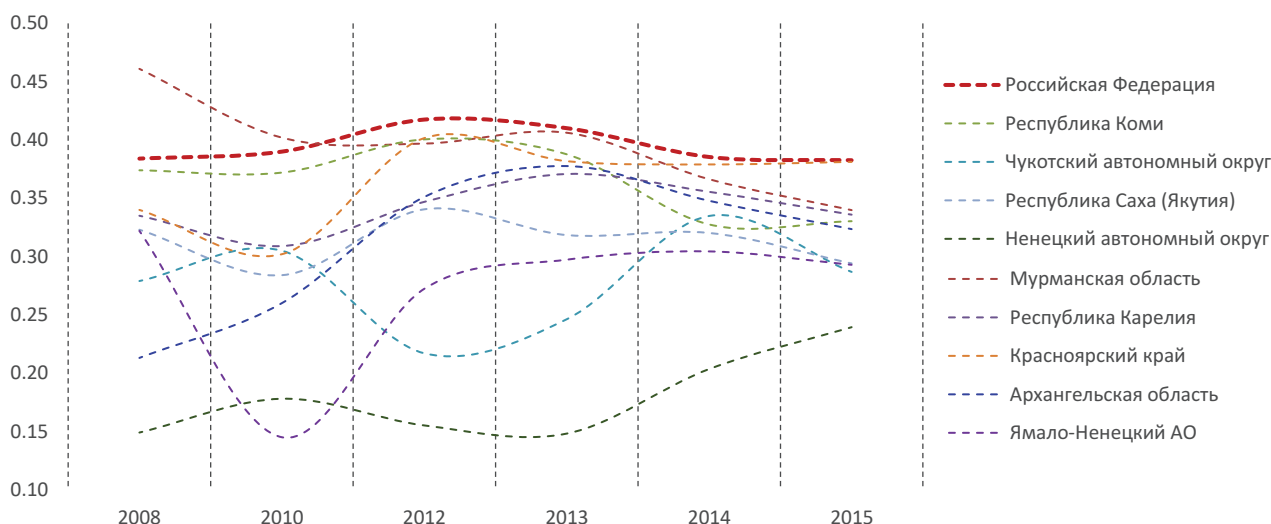

Рис. 2. Динамика ИНТП регионов АЗРФ за период 2008–2015 годов

Методология и методы

Приоритетное значение для формирования представления о сущности науки в регионе имеют работы в рамках нормативной парадигмы, посвященные анализу науки как особого социального института (Р. Мертон, Т. Парсонс, Б. Барбер, Дж. Зимаг, Е.З. Мирская, Э.М. Мирский, И.И. Лейман, Н. Сторер) и социальной системы (Н. Маллинз, Д. Крейн, В.Г. Пыхтин). Впервые представив целостную теоретическую модель науки, западные социологи-институционалисты считали последнюю социальным институтом, не обладающим региональной изменчивостью. Данное положение верно в части сущностных представлений о структуре и функциях науки, но конкретное проявление институциональных признаков может быть весьма разнообразным на региональном уровне, поскольку социальные практики регионального сообщества укореняют социальные институты в культурной почве данного региона, делают их специфичными только для данного регионального социума. Институциональная модель науки является теоретическим конструктом, идеальным типом, который под влиянием региональных социальных практик ученых приобретает свое реальное конкретное воплощение [20]. На это также указывают отечественные социологи науки [21; 22].

Дизайн эмпирического исследования

Для выявления условий, необходимых для повышения привлекательности научной деятельности в Архангельской области, было проведено социологическое исследование на тему «Удовлетворенность работников, занятых научно-исследовательской деятельностью, условиями и результатами своего труда».

По данным Федеральной службы государственной статистики¹⁶, в Архангельской области численность исследователей, занятых в научной сфере, составила 720 человек, в основном, кадровый потенциал сосредоточен в Архангельске. Для более детального изучения генеральной совокупности был проведен анализ организаций г. Архангельска, зарегистрированных в научной электронной библиотеке. Всего зарегистрировано 18 организаций¹⁷. Из них к научно-исследовательским организациям непосредственно относятся Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова РАН (ФИЦКИА), 167 человек, и Северный научно-исследовательский институт лесного хозяйства министерства природных ресурсов и экологии (НИИ лесного хозяйства), 21 человек. В этих организациях был проведен сплошной анкетный опрос. В качестве представителя вузов-

¹⁶ УФСГС по Архангельской области и Ненецкому АО. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science (дата обращения 25.03.2018).

¹⁷ Научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/orgs.asp> (дата обращения 19.05.2017).

ской науки выступил ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет» (С(А)ФУ). Общая численность научно-педагогических работников составляет 1196 человек¹⁸. Для формирования выборочной совокупности был использован метод гнездовой выборки, в качестве единиц выступили высшие школы и кафедры.

Среди представителей академической науки и вузовской науки был проведен анкетный опрос (рис. 3).

Половозрастные и образовательные характеристики представлены на рис. 4–6.

Рис. 3. Организации академической и вузовской науки г. Архангельска, в которых был проведен анкетный опрос

Наибольшее число опрошенных, как из среды академической (39,7%), так и из среды вузовской (36,7%) науки составили респонденты в возрастном интервале 31–40 лет. В порядке убывания степени представленности возрастные группы распределились следующим образом:

- 1) 31–40 лет (36,7%);
41–50 лет (26,7%);
до 30 лет (14,4%);
51–60 лет и старше 60 лет (11,1%) – представители вузовской науки;
- 2) 31–40 лет (39,7%);
до 30 лет (25%);
51–60 лет (16,4%);
41–50 лет (10,3%);
старше 60 лет (8,6%) – представители академической науки.

Гендерное соотношение представлено 68% женщин и 32% мужчин (вузовская наука), 64% женщин и 36% мужчин (академическая наука).

Среди опрошенных представителей вузовской науки наибольшее число составляют респонденты с ученой степенью канди-

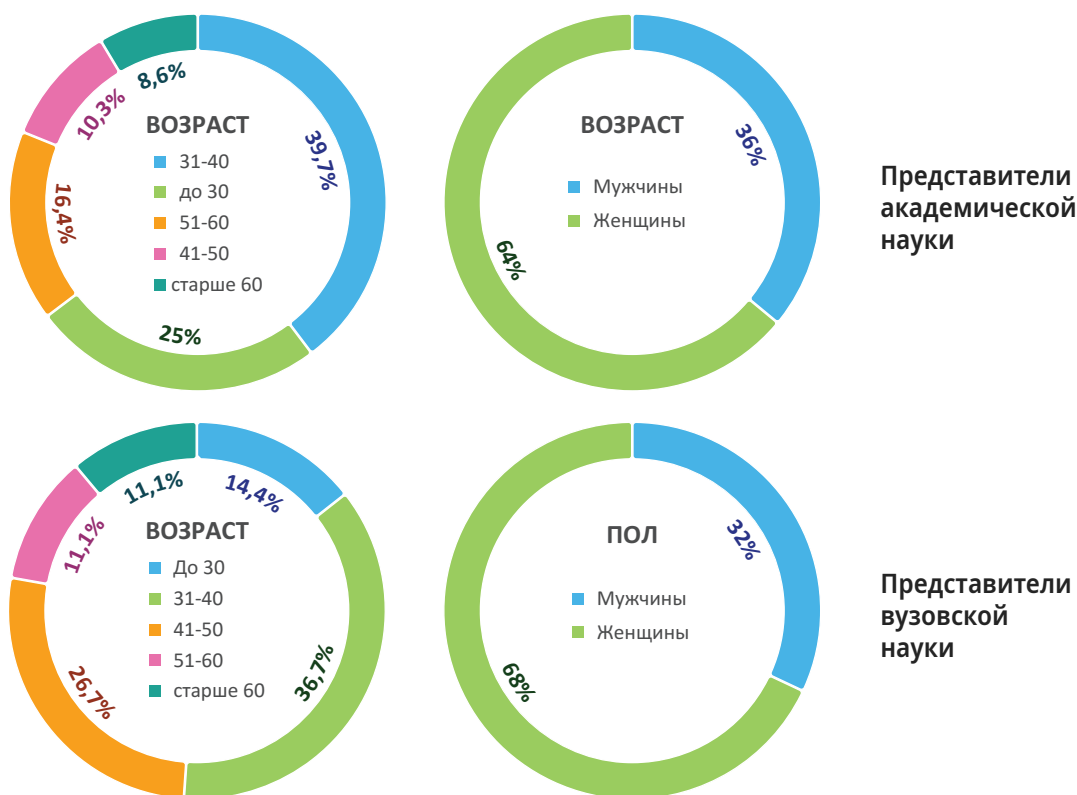

Рис. 4. Половозрастные характеристики респондентов

¹⁸ Отчет о результатах самообследования САФУ им. М.В. Ломоносова (01.04.2016). URL: <http://narfu.ru/upload/medialibrary/fdd/safu-otchet-o-samoobsledovanii-za-2015-god.pdf> (дата обращения 30.05.2017).

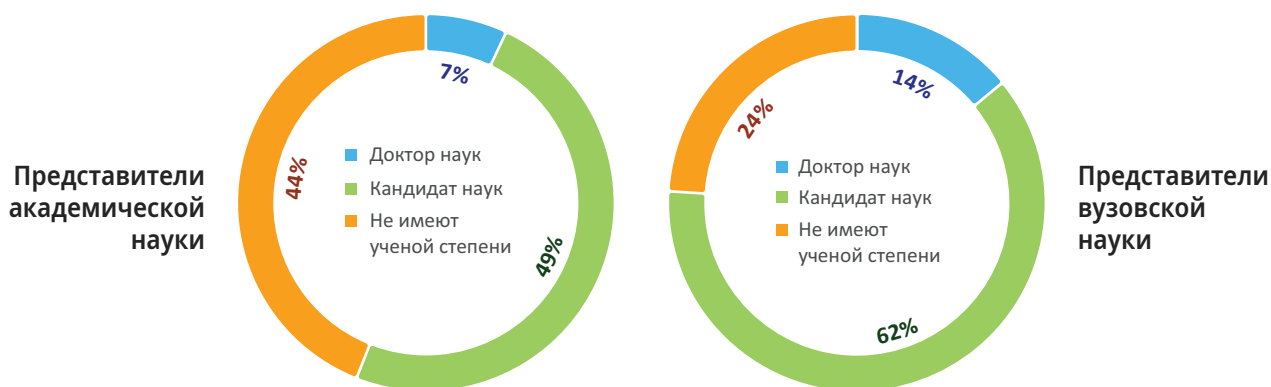

Рис. 5. Характеристики уровня образования респондентов

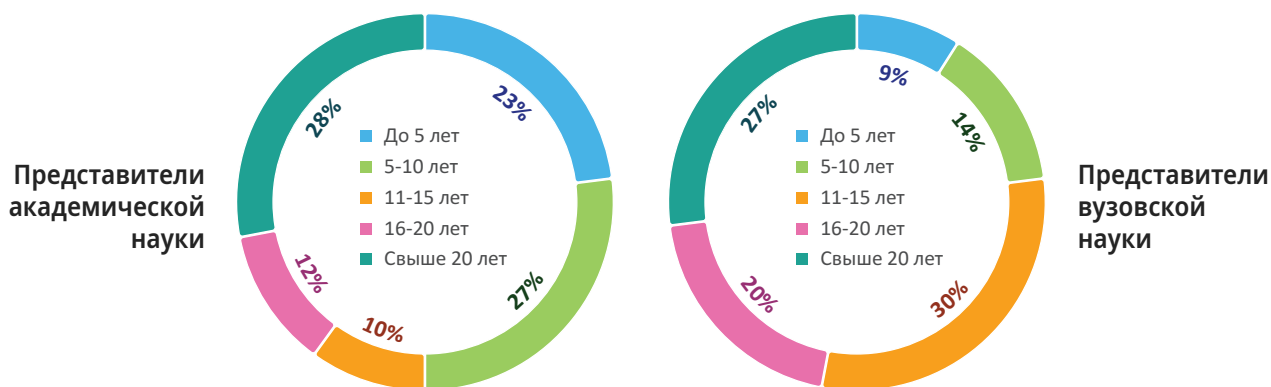

Рис. 6. Научный стаж респондентов

дат наук – 62%, в академической среде – 49%. На втором месте по степени распространенности респонденты, не имеющие ученой степени: 44% среди представителей академической науки и 24% в вузовской среде. Значительно ниже процент респондентов, имеющих ученую степень доктора наук: 7% среди представителей академической науки и 14% в вузовской среде.

Научный стаж респондентов из академической среды распределился следующим образом: у 28% опрошенных стаж составляет свыше 20 лет, у 27% – от 5 до 10 лет, у 23% – до 5 лет, у 12% – 16–20 лет, у 10% – 11–15 лет. Среди представителей вузовской науки научно-педагогический стаж до 5 лет имеют 9%, 5–10 лет – 14%, 11–15 лет – 30%, 16–20 лет – 20% и свыше 20 лет – 27%.

Результаты

Как показало исследование, основными критериями привлекательности работы в на-

учной сфере, по мнению респондентов, выступают интересная творческая работа, психологическая атмосфера в коллективе, комфортные условия труда, социальные гарантии (рис. 7).

При оценке удовлетворенности работой в организации наибольший процент представителей академической науки полностью удовлетворен отношениями с коллегами (57%), социальными гарантиями (54%), соблюдением трудового законодательства (48%) и комфортом рабочего места (44%), что совпадает с приоритетными, по мнению респондентов, критериями привлекательности работы в организации. Оценивая такие критерии работы в сфере науки, как «признание успехов и достижений», большинство респондентов (46%) ответило, что «частично удовлетворены». «не удовлетворены» и «затрудились ответить» 18% и 16% соответственно, практически половина из опрошенных респондентов (46%) частично удовлетворена условиями оплаты труда.

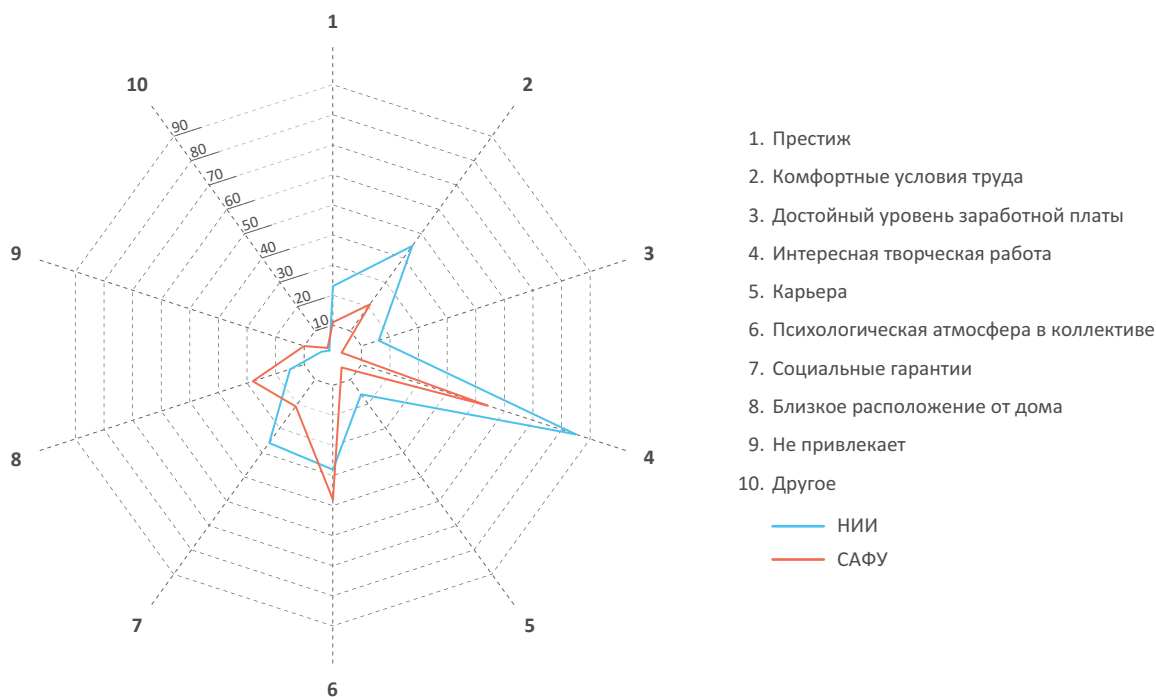

Рис. 7. Критерии привлекательности работы в организации, % от числа опрошенных

Представители вузовской науки по степени удовлетворенности также на первое место поставили отношения с коллегами (62%), что совпадает с выявленными в исследовании тенденциями в академическом сообществе.

Самые негативные оценки получил такой критерий, как «условия оплаты труда»: неудовлетворенность выразили 74%. Почти 2/3 опрошенных респондентов частично или полностью удовлетворены соблюдением трудового законодательства, охраной труда и социальными гарантиями.

Для выявления насущных проблем в научных организациях измерялись следующие переменные: недостаток новой методической литературы, слабая оснащенность современным оборудованием, низкая оплата труда, трудовая дисциплина, старение кадров, уровень научных исследований, финансирование, высокая степень бюрократизации научного (учебного) процесса, проблем нет (рис. 8).

Представители академического сообщества в качестве первоочередных проблем выделяют финансирование научных работ и слабую оснащенность современным оборудованием. Респонденты из числа представителей вузовской науки в большей мере

высказывают обеспокоенность низким уровнем оплаты труда и высокой степенью бюрократизации учебного процесса.

Оценивая возможность создания кадрового резерва в научной сфере и способы его формирования, большинство опрошенных высказало мнение, что формирование кадрового резерва возможно (73% в НИИ и 59% в САФУ). Формированием кадрового резерва должны заниматься заведующие отделов или кафедр, как полагают 43% представителей академической науки и 56% представителей вузовской науки (рис. 9).

Респонденты отмечают, что в кадровый резерв могут входить сотрудники как с ученой степенью (23–30%), так и без степени (23–30%), без ограничений по возрасту (26–35%), наименьший процент получил такой вариант ответа, как «бакалавры, магистранты» (от 7 до 13%). Оценивая мероприятия, способствующие формированию кадрового резерва, представители академической науки предлагают прежде всего работать с учреждениями высшего профессионального образования и привлекать студентов.

Считают, что в учреждении сохранена преемственность кадров 44% представителей академической науки и 36% представителей

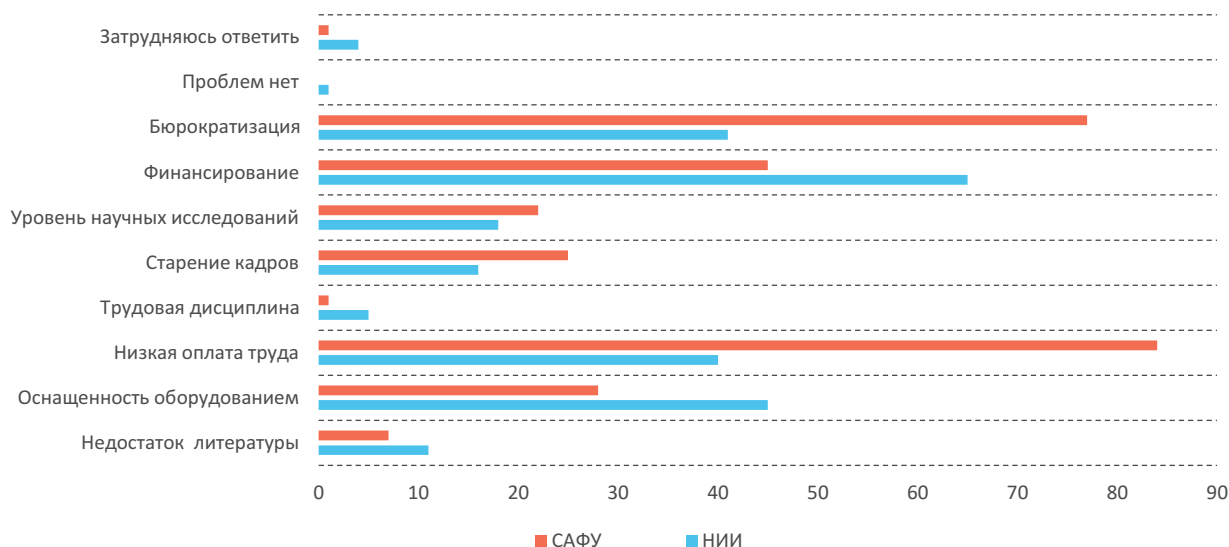

Рис. 8. Распределение ответов работников, занятых научно-исследовательской деятельностью, на вопрос «Какие проблемы в организации требуют первоочередного решения?», % от числа опрошенных

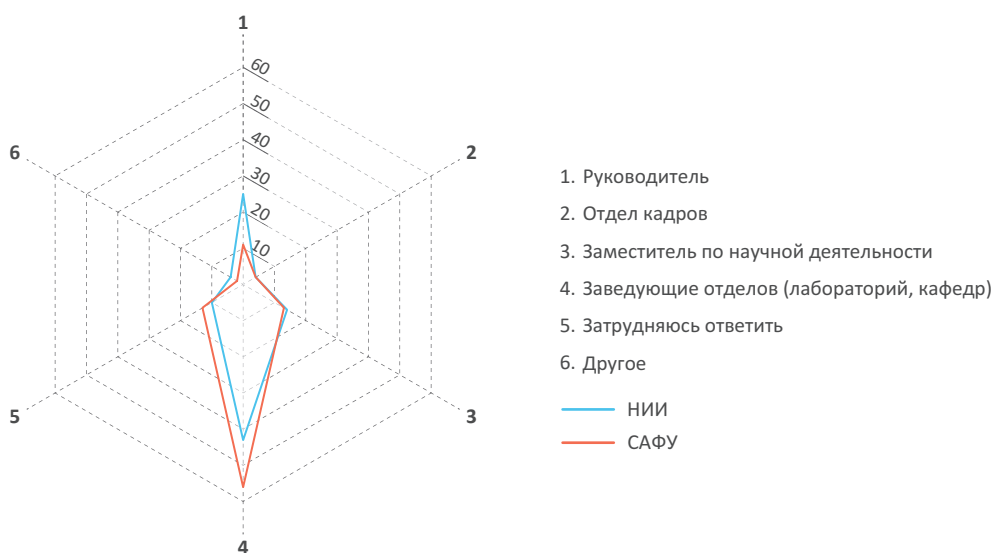

Рис. 9. Формирование кадрового резерва, % от числа опрошенных

вузовской науки. Основной способ сохранения преемственности большинство видит в наличии научной школы (аспирантуры) – 58 и 63% опрошенных соответственно. Представители вузовской науки на второе место поставили психологический климат (28%), а сотрудники НИИ – здоровую конкуренцию (15%). При оценке реальных возможностей организации большая часть респондентов отмечает наличие социальных гарантий (42 и 47% соответственно), а 64% представителей вузовской науки – гибкий график работы (рис. 10).

Для выявления респондентов, совмещающих научную и преподавательскую деятельность, был задан вопрос «Работаете ли Вы в другой организации (совместительство, договор)?». На этот вопрос положительно ответили 18% представителей академической науки, при этом в сфере преподавания из них работают 50%. В вузовской среде работают по совместительству 33%, из них в сфере науки только 13%.

Одним из показателей результативности научной деятельности является наличие

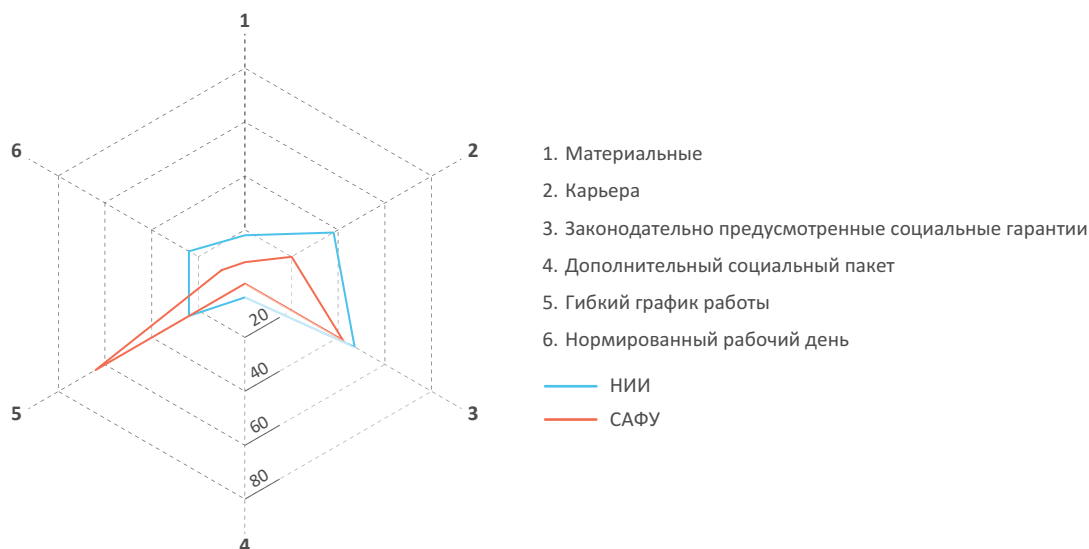

Рис. 10. Возможности организации для привлечения и сохранения кадров, % от числа опрошенных

публикаций и участие в проектах, поддержанных на средства грантов. Представители академической и вузовской науки, как правило, имеют публикации в журналах перечня РИНЦ (90%) и ВАК (82 и 86% соответственно). Число респондентов, отметивших, что имеют публикации в журналах, индексируемых в международных базах данных, выше в НИИ (58%), чем в САФУ (32%). При этом в академической среде опубликовано значительно меньше монографий, учебников, учебных пособий (44%), чем у представителей вузовского сообщества (78%), что связано со спецификой научной деятельности каждой целевой группы. В проектах, поддержанных на средства грантов, наибольшую активность проявляют представители академического сообщества. Со слов респондентов, за последние пять лет участие в таких проектах принимали 78% (в САФУ 56%), из них в качестве руководителя – 34% и исполнителя 66%.

Важным моментом в деятельности по повышению уровня квалификации и качества работы как преподавателя, так и научного сотрудника является процедура «избрания». Требования к избранию на должность зависят в первую очередь от вида организации (университет, академия, институт), уровня его престижности и статуса. Около 70% респондентов в обеих целевых группах считают обязательной процедуру избрания

на должность в сфере науки и образования с оптимальным сроком от 3 до 5 лет. Мнение о целесообразности установления возрастной планки разделились. Так, 47% представителей академического сообщества отрицательно относятся к установлению возрастной планки, а в вузовской среде таких 70%.

В качестве показателей, наиболее важных для работы в сфере науки и образования, большинство респондентов в обеих целевых группах выделило опыт (87–91%), квалификацию (74–85%) и профильное образование (50%). Около половины опрошенных отмечают, что довольны результатами своего труда и что результаты их исследований находят применение или внедряются в производство.

Большинство опрошенных представителей вузовской науки (80%) не видит на сегодняшний день ясной стратегии государственных органов в отношении развития отечественной науки. Так же считают 60% респондентов из академического сообщества, полагая, что ведущими центрами развития науки должны стать Федеральные научные центры и научные институты (40%). У представителей вузовской науки мнения разделились: высшие учебные заведения и научные институты – по 26%, Федеральные научные центры – 24%, национальные исследовательские университеты – 18%.

В качестве дополнительных вариантов были предложены консорциумы или ассоциации указанных организаций.

Заключение

В современных условиях модернизация общества проявляется как наращивание потенциала в сфере образования, науки, технологии и инноваций. Соответственно, становится востребованным большое количество людей, способных не только использовать достижения современной науки и техники, но и создать их. Для достижения этой цели усилия должны быть направлены на увеличение конкурентоспособности региональной науки, а также выявление потенциальных исследователей еще в студенческой среде, что дает возможность будущим ученым оценить перспективу своей карьеры в родном регионе. Для дальнейшего успешного развития образования и науки в АЗРФ необходим ряд мер, таких как стратегическое планирование, стабильное финансирование, интеграция в мировую науку, обеспечение для бизнеса комфортных условий инвестирования в науку.

В арктических регионах России с учетом характерных для них особенностей, в частности, экстремальных климатических условий и низкой плотности населения, одним из условий эффективной реализации государственной политики, на наш взгляд,

должно выступать развитие науки и технологий. В условиях оттока накопленного в прежние годы человеческого капитала научное сообщество может стать незаменимым элементом в системе приращения в регионе человеческого и социального капитала и потенциала, в особенности в данной ситуации, когда в преимуществе не столько количество, сколько качество человеческих ресурсов. Как показали исследования, для этого есть реальные предпосылки, требующие лишь грамотных управленческих решений и внимания со стороны государства.

В частности, арктические регионы РФ, за редким исключением, демонстрируют значения индекса научно-технического потенциала, достаточно близкие к общероссийскому. Во многих из них имеются одновременно центры как вузовской, так и академической науки. Сами члены научного сообщества, как показали результаты опроса в Архангельской области, оценивают свою профессиональную среду как пространство креативности и инноваций, отмечают сплоченность трудовых коллективов и достаточно высокий уровень социальных гарантий. В качестве же ключевых барьеров для реализации имеющегося интеллектуального потенциала остаются недостаточное финансирование исследований и высокая забюрократизированность работы научных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларсен Д.Н., Фондад Г. Развитие человеческого потенциала в Арктике // UArctic. URL: <https://ru.uarctic.org/shared-voices/shared-voices-magazine-2016-special-issue/razvitie-chelovechesko-go-potenfiala-v-arktike> (дата обращения 19.02.2018).
2. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.
3. Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми НЦ УрО РАН, 2005. 512 с.
4. Методологические особенности социологического исследования Арктической зоны Российской Федерации / В.И. Павленко и [др.] // Изв. Коми научного центра УрО РАН. 2017. № 1 (29). С. 109–115.
5. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30.
6. Becker G.S. *Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. National Bureau of Economic Research, General Series, nr 80.* New York and London. Columbia University Press., 1964. 187 p.

7. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, 1962, vol. 70, no. 5, part 2: Investment in Human Beings, pp. 9–49.
8. Thurow L. *Investment in Human Capital*. Belmont, 1970. 104 p.
9. Schultz T. *Human Capital*. *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 1968, vol. 6. New York: Macmillan Reference USA. 550 p.
10. Система фундаментальных научных исследований в Арктике и реализация геополитических интересов циркумполярных стран / В.И. Павленко и [др.] // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 86–92.
11. *Arctic Social Indicators*. Ed.: J.N. Larsen, P. Schweitzer, G. Fondahl. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2014, pp. 29–145.
12. Костылева С.Ю. Толмачева Е.В. Роль человеческого потенциала науки в повышении эффективности институциональных реформ высшей школы: выводы для экономической политики // Вестн. ТГУ. 2015. № 5 (145). С. 171–176.
13. Гаман-Голутвина О.В. Соотношение политики и морали: российская версия // Pronunc. 2005. № 1 (3). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-politiki-i-morali-rossiyskaya-versiya-1> (дата обращения 22.12.2018).
14. Леонов А.К. Региональные особенности современной российской науки как социального института // Социология науки и технологий. 2014. № 3. С. 146–156. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-sovremennoy-rossiyskoy-nauki-kak-sotsialnogo-instituta> (дата обращения 19.12.2017).
15. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2010. 335 с.
16. Полян П. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.
17. Наумова Т.В. Эмиграция ученых из России: интеграция в мировое научное сообщество или дезадаптация? URL: <http://naukarus.com/emigratsiya-uchenyh-iz-rossii-integratsiya-v-mirovoe-nauchnoe-soobshchestvo-ili-dezadaptatsiya> (дата обращения 19.02.2018).
18. Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 9–31. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.1
19. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. Сер. «Gallicinium» / 2-е изд. СПб.: Алетея, 2001. 330 с.
20. Леонов А.К. Региональные особенности современной российской науки как социального института: дис. ... канд. социол. наук. Благовещенск, 2014. 215 с.
21. Мирская Е.З. Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 26–45.
22. Мирский Э.М. Социология науки – новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 3. С. 13–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блынская Татьяна Анатольевна – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Российской академии наук. Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23. E-mail: t_blynskaya@mail.ru. Тел.: +7(8182) 20-09-33.

Малинина Кристина Олеговна – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Российской академии наук. Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23. E-mail: malinina.ciom@gmail.com. Тел.: +7(8182) 20-09-33.

Максимов Антон Михайлович – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Российской академии наук. Россия, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23. E-mail: amm15nov@yandex.ru. Тел.: +7(8182) 20-09-33.

Blynskaya T.A., Malinina K.O., Maksimov A.M.

SCIENTIFIC COMMUNITY FUNCTIONING IN THE REGIONAL SPACE OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION (THE CASE OF THE ARKHANGELSK OBLAST)

The article discusses the scientific sphere development trends through the prism of modernization and scientific and technological progress. The current state of the regional science is characterized not only by scientometric indicators, but also on the basis of the opinion of the research and educational processes direct participants – researchers (Federal Research Center for the Complex Study of the Arctic) and teachers (Northern (Arctic) Federal University). The aim of the study is a comprehensive description of the system of scientific knowledge production in modern Russia, including its institutional and social dimensions. The functional state of this system is illustrated by the example of social well-being and mood in the scientific community of the Arkhangelsk Oblast. The system approach within the framework of the knowledge theory and dialectics, which is characterized by a holistic consideration, the establishment of the components interaction, is chosen as a basis. The novelty of the research work consists in the analysis of the functioning of professional communities of university and academic science during the reform period, taking into account regional specifics. In the course of the study, it was revealed that the researchers identified the following problems as priority ones: financing of research work, poor provision with modern equipment, low wages and a high degree of bureaucratization of the educational process. Assessing their working conditions, the respondents showed the greatest satisfaction with their relations with colleagues, social guarantees and compliance with labor laws, which coincides with the priority criteria for the attractiveness of work in the organization. Less than half of the respondents are partially satisfied with the recognition of their successes and achievements. Most of the respondents expressed dissatisfaction with their pay level. For the most part, the respondents do not see a clear strategy of state bodies regarding the development of domestic science today. According to the respondents, the main criteria for the attractiveness of work in the realm of science is interesting creative work, psychological atmosphere in the team, comfortable working conditions, and social guarantees. The data of the study may form the basis for the development of a program for the development of research activities in the regional space. The disproportions typical for the Russian Federation in the territorial distribution of scientific and technical potential have their impact on the functioning of regional science and require a balanced state policy based on the results of the analysis of the current situation.

Scientific community, academic science, university science, regional space, human capital, the Arctic zone of the Russian Federation, index of scientific and technological potential, human resources.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Blynskaya Tatyana Anatolyevna – Ph.D. in Agricultural Sciences, Senior Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center for the Complex Study of the Arctic named after Academician N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences. 23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation. E-mail: t_blynskaya@mail.ru. Phone: +7(8182) 20-09-33.

Malinina Kristina Olegovna – Ph.D. in Sociology, Head of Laboratory. Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center for the Complex Study of the Arctic named after Academician N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences. 23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation. E-mail: malinina.ciom@gmail.com. Phone: +7(8182) 20-09-33.

Maksimov Anton Mikhailovich – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Senior Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center for the Complex Study of the Arctic named after Academician N.P. Laverov of the Russian Academy of Sciences. 23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation. E-mail: amm15nov@yandex.ru. Phone: +7(8182) 20-09-33.

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11

УДК 314.172:330.43 | ББК 60.723:65в6

© Короленко А.В.

ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАНЕЛЬНЫХ ДАННЫХ¹

КОРОЛЕНКО АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

С 2016 года в России начался второй этап депопуляции: уровень смертности вновь превысил уровень рождаемости, естественный прирост сменился убылью населения. Прогнозные оценки свидетельствуют о нарастании данного негативного тренда в ближайшие десятилетия. Отчасти потери населения вследствие естественной убыли компенсируются миграционным приростом, однако иммиграционный ресурс постепенно иссякает, что актуализирует вопрос изучения факторов, обуславливающих современные демографические тенденции, для понимания причин и определения возможностей управления ими. Целью статьи стал анализ комплекса факторов разной природы и направленности их влияния на демографическое развитие России и ее регионов. Автором рассмотрены и обобщены теоретические подходы к выделению факторов рождаемости, смертности и продолжительности жизни, миграции населения. Для реализации цели исследования использован метод регрессионного анализа панельных данных. Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики за период с 2010 по 2017 год по 80 субъектам РФ. Зависимыми переменными выступили суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, коэффициенты интенсивности по прибытию и выбытию. Для каждой был сформирован набор показателей-

Для цитирования Короленко А.В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11

For citation: Korolenko A.V. Factors contributing to Russia's demographic development: panel data research experience. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11

¹ Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

факторов, из которых посредством корреляционного анализа отбирались наиболее значимые. Затем строились три модели: объединенная регрессия, регрессии с фиксированными эффектами и со случайными эффектами. В ходе их попарного сравнения выбрана наиболее адекватная для анализа модель – во всех случаях регрессия с фиксированными эффектами. Установлено, что на рождаемость на протяжении анализируемого периода существенно влияли уровень жизни населения, объемы финансирования здравоохранения, физкультуры и спорта, а также состояние здоровья младенцев. Наибольший вклад в продолжительность жизни населения вносили факторы заболеваемости по ряду классов и причин, уровня благосостояния, роста цен на товары и услуги, психического здоровья общества и безопасности условий труда. Значимую роль в детерминации миграционных процессов играли факторы уровня жизни населения, развития экономики и инноваций.

Факторы демографического развития, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграция, панельные данные, регрессионный анализ.

Введение

Второе десятилетие 2000-х гг. в России характеризовалось переломом негативных демографических тенденций. В результате к 2013 году впервые за 20-летний период был зафиксирован естественный прирост населения (24013 человек, или 0,2%). В последующие два года положительный тренд продолжился: в 2014 году естественный прирост составил 30336 человек, или 0,2%, в 2015 году – 32038 человек, или 0,3%. Однако уже в 2016 году была вновь отмечена естественная убыль населения (-2286 человек, или -0,01%). По данным за 2017 год, величина убыли достигла уже -135,8 тыс. человек, или -0,9%. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, в ближайшие 10–15 лет естественная убыль населения страны будет нарастать и к 2035 году достигнет значения -541194 человек, или -3,8%². Ряд отечественных исследователей-демографов период с 2016 года относят к началу второго этапа депопуляции [1]. При этом основной вклад в масштабы естественной убыли предракается как снижению рождаемости, так и росту смертности. По прогнозным данным в период с 2017 по 2035 год общий коэффициент рождаемости сократится с 11,5 до 9,6%, а коэффициент смертности увеличится с 12,4 до 13,4%. Снижение показателей рождаемости в этот период будет обусловлено в том числе сокращением численности женщин

репродуктивного возраста (15–49 лет) на 3,4 млн человек – с 34905,3 тыс. в 2018 году до 31501,4 тыс. человек в 2035 году. При этом основная убыль численности придется на женское население наиболее активного репродуктивного возраста (20–34 лет) – она снизится на 2,8 млн человек (или на 18%).

Кроме того, в ближайшие десятилетия продолжится тенденция демографического старения населения: согласно среднему варианту прогноза Росстата доля населения старше трудоспособного возраста к 2035 году вырастет с нынешних 24,0 до 29,8%, что окажет ощутимое воздействие на увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население с 412 до 547 пожилых на 1 тыс. трудоспособных граждан, это, в свою очередь, приведет к росту экономического прессы на государственные социальные системы (пенсионное и социальное обеспечение, здравоохранение и др.). На фоне увеличения доли пожилых граждан в России наблюдается снижение численности и удельного веса трудоспособного населения: с 90099 тыс. человек, или 63,3%, в 2005 году до 83224 тыс. человек, или 56,7% в 2017 году. К 2035 году численность населения трудоспособного возраста сократится на 4,5 млн и достигнет 78667 тыс. человек, а его доля в общей численности населения составит 54,5%. Сокращение численности женщин в фертильном возрасте, обусловленное им снижение рож-

² Предположительная численность населения Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812

даемости и изменение возрастного состава населения в сторону постарения академик РАН А.Г. Аганбегян причисляет к основным проявлениям «демографической драмы» в России [2, с. 5].

В последние десятилетия произошли существенные трансформации репродуктивного поведения населения страны: широкое распространение получили практики планирования беременности [3], среднедетные репродуктивные установки (ориентация на рождение 3–4 детей) сменились малодетными (1–2 ребенка) [4], вырос средний возраст деторождения [5]. Одновременно с ними наблюдалось изменение норм matrimониального поведения, выражающееся в широком распространении сожителств как формы, альтернативной официальному браку, или как отношений, предваряющих регистрацию партнерского союза, в увеличении возраста вступления в брак. Ориентация населения страны на малодетность, «старение» брачности и материнства будут оказывать заметное влияние на сокращение уровня рождаемости [6].

В условиях суженного режима воспроизводства и депопуляции населения многие исследователи особые надежды возлагают

на использование миграции, а именно иммиграции как демографического ресурса для компенсации естественной убыли и обеспечения демографического роста России³.

В последние десятилетия иммиграция стала серьезным демографическим ресурсом для страны. В настоящее время рост численности населения России происходит исключительно за счет иммиграции (рис.). За период с 1993 по 2008 год, когда население неуклонно убывало, иммиграция на 35% компенсировала его естественную убыль. Численность постоянного населения России за эти годы снизилась на 5,8 млн человек, но без учета иммиграции сокращение составило бы 12,5 млн. Всего за период 1990–2017 гг. миграционный прирост населения России составил 7,8 млн человек. Роль иммиграции как основного источника прироста населения России сохранится и в будущем, причем масштабы миграционного притока должны быть достаточно большими. Только чтобы перекрыть неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения населения России, может понадобиться принимать 500 тыс. мигрантов в год, а то и более. Поэтому если рассматривать сокращение населения России как вы-

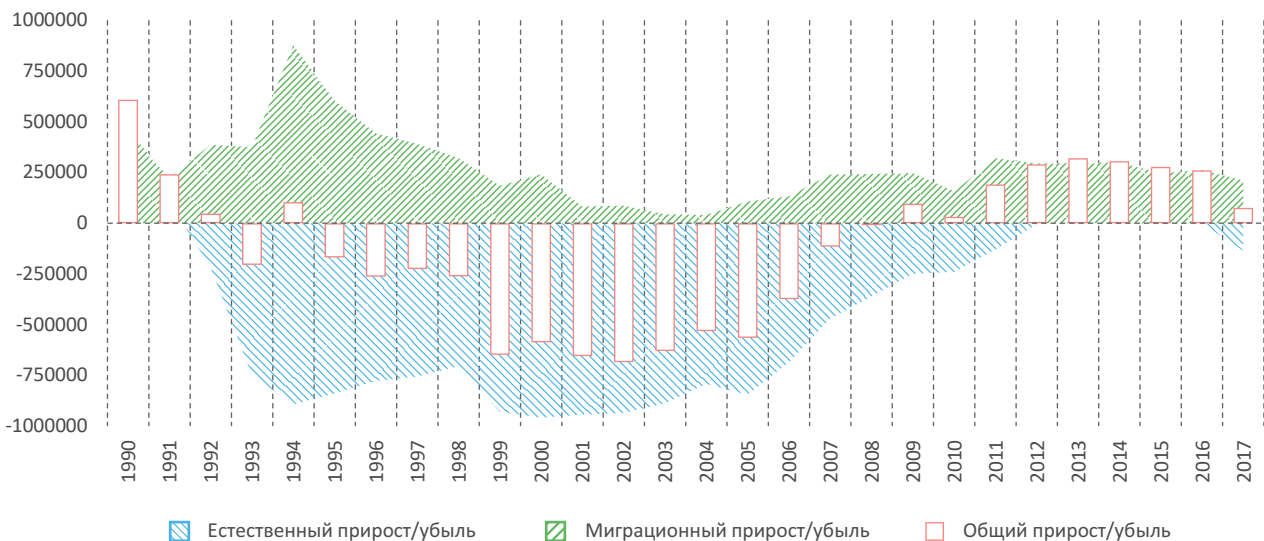

Рис. Компоненты изменения численности населения России в 1990–2017 гг., чел.

Источник: Демография / Федеральная служба государственной статистики.

URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography

³ Демографические вызовы России: экспертно-аналитический доклад. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 71 с.

зов, то ответом на него может стать только привлечение мигрантов⁴.

Для понимания причин и определения возможностей управления демографическими процессами в стране и ее регионах необходимо изучение факторов, обуславливающих вышеобозначенные трансформации. Особое значение должно отводиться определению направленности (прямые или обратные), природы (природные, климатические, экологические, биологические, исторические, политические, экономические, социальные, культурные и т. д.) рассматриваемых детерминант и степени управляемости (управляемые, неуправляемые). Изучение воздействия отдельных факторов или их комплекса на демографическое развитие территорий позволяет находить возможные варианты улучшения параметров демографической ситуации посредством реализации специальных мер государственной политики, что определяет актуальность данного исследования.

Целью статьи стал анализ комплекса факторов разной природы и направленности их влияния на демографическое развитие России и ее регионов. В качестве анализируемого периода были выбраны 2010–2017 годы, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, этот временной интервал следует за мировым экономическим кризисом 2008 года, ставшим серьезным рубежом на пути развития всего мирового сообщества. Во-вторых, к этому моменту в России произошли серьезные демографические изменения, в частности закрылось «окно» демографического дивиденда, наметились такие неблагоприятные тенденции, как сокращение численности трудоспособного населения и репродуктивных контингентов [7].

Теоретические основы исследования

Демографическое развитие территорий определяется динамикой трех основных процессов – рождаемости, смертности и миграции. В зависимости от их масштабов

и соотношения совершаются те или иные демографические изменения (численности, состава, размещения населения)⁵. В свою очередь эти процессы определяются множеством факторов разной природы и направленности.

Как отмечают О.А. Козлова и Е.И. Левина, в научной среде сложилось несколько подходов к исследованию факторов, оказывающих влияние на демографические процессы: экономический, социально-психологический, историко-описательный, эколого-биологический [8, с. 144–148]. Однако вне зависимости от подхода детерминанты демографического развития могут рассматриваться на трех уровнях: макроуровне (глобальном, общемировом), мезоуровне (страновом) и микроуровне (отдельных индивидов, домохозяйств). В качестве ключевого фактора демографического развития территорий на макроуровне выступает процесс исторической смены типов воспроизводства, именуемый демографическим переходом, который, в свою очередь, определяется глубокими социально-экономическими, культурными преобразованиями общества (модернизацией) [9, с. 9]. Кроме того, на демографическое развитие в глобальном выражении существенное воздействие оказывают такие социально-экономические и политические потрясения, как войны, революции и разного рода кризисы. Детерминанты демографического развития на мезоуровне представляют собой комплекс факторов, отражающих политическую, социально-экономическую, экологическую, социокультурную, собственно демографическую и прочую ситуацию на той или иной территории (страны, регионов). Рассмотрение же причин, обуславливающих демографические трансформации на микроуровне, подразумевает анализ характеристик отдельных индивидов (или домохозяйств): их экономического положения, социального статуса (брачно-семейного, образовательного, профессионального и пр.), особенностей поведения (репродуктивного, матримониального, самосохранительного,

⁴ Демографические вызовы России: экспертно-аналитический доклад. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 71 с.

⁵ Практическая демография / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. С. 13.

миграционного), ценностных ориентаций и культурного развития, социальных отношений и т. д.

Среди детерминант, определяющих уровень смертности и продолжительности жизни населения той или иной территории (мезо-

уровень), большинство исследователей выделяют биологические (в т. ч. наследственные), экологические, природно-климатические, социально-психологические, социально-экономические условия, развитие системы здравоохранения и социальную политику (табл. 1).

Таблица 1. Исследуемые факторы смертности и продолжительности жизни населения на мезо- и микроуровне

Факторы смертности и продолжительности жизни	Лисицын Ю.П.	Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В.	Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И.	Шабунова А.А., Калашников К.Н., Калачикова О.Н.	Школьников В.М., Богоявленский Д.Д., Вишневы А.Г., Леон Д.А., Макки М.
Мезоуровень (страна, регион)					
Биологические (наследственность, состояние здоровья)	+	+	+	+	+
Экологические (состояние воздуха, воды, почвы)	+	+	+	+	+
Природно-климатические (температурный режим)	+	+	+	+	+
Социально-экономические условия	+	+	+	+	+
– Уровень благосостояния населения	+	+	+	+	+
– Жилищные и бытовые условия населения	+	+	+	+	+
– Занятость и рынок труда	+	+	+	+	+
– Экономическое развитие территорий	-	+	+	+	-
Развитие системы здравоохранения и социальная политика государства	+	+	+	+	+
Социально-психологические (социальное здоровье общества, социальный стресс, преступность)	-	+	+	+	-
Безопасность окружающей среды (безопасность жизнедеятельности, условия жизни и труда)	+	-	+	+	-
Микроуровень (индивид, домохозяйство)					
Поведенческие (образ жизни, самосохранительное поведение)	+	+	+	+	+
Социально-экономическое положение	+	+	+	+	+
– Уровень доходов	+	+	+	+	+
– Жилищные и бытовые условия	+	+	+	+	+
– Занятость и профессиональный статус, условия труда	+	+	+	+	+
– Уровень образования	+	+	+	-	+
Культурные	+	+	+	+	+
– Национальная принадлежность	-	-	-	-	+
– Уровень культурного развития	+	-	-	-	-
Социально-психологические (подверженность стрессу, социальное здоровье)	+	-	-	+	-
Другие факторы	-	-	-	+	+
Место проживания / тип местности (сельская, городская)	-	-	-	+	+
Гендерная принадлежность	-	-	-	+	+
Брачный статус	-	-	-	-	+
Цветом обозначены доминирующие факторы.					
Составлено по: Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2002. С. 41–45; [10–15].					

В числе факторов, влияющих на параметры смертности и продолжительности жизни на уровне индивида, чаще всего обозначаются поведенческие факторы образа жизни (самоохранительное поведение), социально-экономическое положение (доходы, жилищные и бытовые условия, занятость и профессиональный статус, условия труда, уровень образования), культурные (национальная принадлежность, уровень культурного развития) и социально-психологические факторы. Однако ведущая роль в детерминации смертности и продолжительности жизни отводится факторам поведенческой и социально-экономической природы.

В числе факторов рождаемости на мезоуровне в трудах ученых-демографов и социологов чаще всего значатся биологический (наследственный, состояние репродуктивного здоровья), собственно демографический фактор (структурный – состояние половозрастной и брачной структур), социально-экономические условия, развитие социальных институтов (здравоохранения, образования, социальной защиты) и политика государства (табл. 2). К факторам рождаемости на микроуровне в основном относят демографический (возраст женщины, брачный статус, число рожденных детей), поведенческий (репродуктивное и матримониальное поведение) и культурный факторы, а также факторы социально-экономического положения и места проживания. Ведущую роль в детерминации рождаемости большинство исследователей отводят демографическому поведению и социально-экономическим условиям.

В качестве факторов, влияющих на миграционные процессы на мезоуровне, ученые чаще всего называют экологические, природно-климатические, социально-экономические, военные, политические, демографические, культурные, психологические, а также факторы развития социальной инфраструктуры (табл. 3). К факторам миграции на микроуровне в основном причисляют миграционное поведение, социально-экономическое положение и такие культурные факторы, как религиозная и этническая принадлежность. Решающее значение в опреде-

лении миграционного движения населения большинством ученых отводится социально-экономической детерминанте.

Факторы микроуровня чаще всего изучаются посредством выборочных обследований, социологических опросов индивидов и домохозяйств. Поскольку в качестве объекта нашего исследования выступает демографическое развитие Российской Федерации и ее регионов, то в данной работе мы в большей степени сконцентрируемся на факторах мезоуровня.

Методология исследования

Главной сложностью на пути исследователей, изучающих детерминанты демографического развития территорий, выступает проблема оценки их комплексного (интегрального) воздействия, так как процессы рождаемости, смертности и миграции населения имеют сложную, многофакторную обусловленность. Решить этот вопрос помогают статистические и эконометрические методы, в частности метод регрессионного анализа панельных данных. Панельная совокупность данных представляет собой пространственную выборку объектов, прослеживаемую во времени и предоставляющую возможность наблюдения за множеством отдельных объектов. К преимуществам использования панельных данных относят следующие их особенности: снижают зависимость между объясняющими переменными и стандартной ошибкой оценок благодаря большому количеству наблюдений; предотвращают проблему смещения агрегированности; учитывают индивидуальную эволюцию характеристик всех объектов выборки во времени; позволяют анализировать вопросы, которые не могут быть адресованы к временным рядам и пространственным данным по отдельности; решают проблему поиска инструментов при оценивании моделей с эндогенными регрессорами; помогают избежать ошибок спецификации в результате невключения в модель существенных переменных [27, с. 271].

Данный метод лег в основу ряда исследований, посвященных детерминации отдельных демографических процессов. Так, например,

Таблица 2. Исследуемые факторы рождаемости населения на мезо- и микроуровне

Факторы рождаемости	Архангельский В.Н.	Шабунова А.А. Калачикова О.Н.	Вишневский А.Г., Захаров С.В., Андреев Е.М., Сакевич В.	Синявская О.В., Тындик А.О.	Рощина Я.М., Бойков А.В.
Мезоуровень (страна, регион)					
Биологические (наследственность, состояние здоровья населения)	+	+	+	-	+
Собственно демографические (структурные)	+	+	+	-	+
– Половозрастная структура населения	+	+	+	-	-
– Брачная структура населения	+	+	+	-	-
– Возрастная модель рождаемости	+	+	+	-	-
Социально-экономические условия	+	+	+	-	+
– Уровень доходов и благосостояния	+	+	+	-	+
– Жилищные условия	+	+	+	-	+
– Занятость, положение на рынке труда	+	+	+	-	+
Развитие социальных институтов (здравоохранения, образования, социальной защиты) и политика государства	+	+	+	-	+
Микроуровень (индивид, домохозяйство)					
Демографические	+	+	+	+	+
– Возраст женщины	-	+	+	+	-
– Гендерная принадлежность	+	+	-	+	+
– Брачный статус, состав семьи	+	+	+	+	+
– Число рожденных детей	+	+	+	+	+
Поведенческие (репродуктивное и matrimoniaльное поведение, установки)	+	+	+	+	+
Социально-экономическое положение	+	+	+	+	+
– Уровень доходов	+	+	+	+	+
– Жилищные условия	+	+	+	+	-
– Занятость, профессиональный статус, условия труда	+	+	+	+	+
– Уровень образования	+	+	+	+	-
Культурные	+	-	-	-	+
– Национальная принадлежность	+	-	-	-	-
– Вероисповедание	+	-	-	-	-
Другие факторы	+	+	-	+	+
Место проживания / тип местности (сельская, городская)	+	+	-	+	+
Цветом обозначены доминирующие факторы. Составлено по: [9; 16–22].					

анализ факторов рождаемости на панельных данных осуществлялся зарубежными исследователями А.С. D’Addio, М.М. D’Ercole (по странам ОЭСР) [28], G. Hondroyiannis (по 27 странам Европы) [29], факторов смертности и продолжительности жизни населения – в трудах R. Torre, М. Myrskylä (по 21 государству

ОЭСР) [30], R. Sharma (по 17 развитым странам мира) [31], факторов миграционного движения – А.М. Mayda (по 14 странам ОЭСР) [32]. В работах отечественных исследователей М.М. Кручек, Е.В. Молчановой на панельных данных по регионам России производилась оценка отдельных факторов здоровья и про-

Таблица 3. Исследуемые факторы миграции населения на мезо- и микроуровне

Факторы миграции	Пере-денцев В.И.	Заславская Т.И.	Рязанцев С.В.	Мержанов Г., Чапек В.	Рыбаков-ский Л.Л.	Орлова О.Д., Парфенцева О.А.
Мезоуровень (страна, регион)						
Экологические	+	+	+	+	+	+
Природно-климатические и географические условия	+	+	+	+	+	+
Социально-экономические условия	+	+	+	+	+	+
– Уровень доходов	+	+	+	+	+	+
– Занятость и условия труда	+	+	+	+	+	+
– Жилищные и бытовые условия	+	+	+	+	+	+
Развитие социальной инфраструктуры (учреждений образования, здравоохранения, спорта)	+	+	+	+	+	+
Демографические (половая, возрастная структура)	+	+	+	+	+	+
Культурные	+	+	–	+	+	+
Психологические	+	+	+	+	–	–
Духовные	+	+	–	+	–	–
Культурно-бытовые	–	+	–	–	–	–
Научные	–	–	–	+	–	–
Политические (социальная и миграционная политика)	–	–	+	+	+	+
Культурно-просветительные	–	–	–	+	–	–
Военные	–	+	+	+	+	+
Микроуровень (индивид, домохозяйство)						
Поведенческие (миграционное поведение, установки)	+	+	+	+	+	+
Социально-экономическое положение	+	+	+	+	+	+
– Уровень благосостояния	+	+	+	+	+	+
– Жилищные условия	+	+	+	+	+	+
– Занятость, профессиональный статус, условия труда	+	+	+	+	+	+
– Уровень образования	+	+	+	–	–	–
Культурные	+	+	+	–	+	+
– Этническая принадлежность	+	+	+	–	+	+
– Религиозная принадлежность	+	+	+	–	+	+
Цветом обозначены доминирующие факторы. Составлено по: Миграция населения: теория и политика: учеб. пособие / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012. 364 с.; [23–26].						

должительности жизни населения [33; 34], а также миграции и стабильности семейно-брачных отношений [35]. Вместе с тем исследования, содержащие анализ детерминант всех трех ключевых демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции), практически не встречаются.

Информационной базой нашего исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики за пе-

риод с 2010 по 2017 год по 80 субъектам РФ. Из анализа были исключены Республика Крым, г. Севастополь, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа из-за отсутствия или неполноты статистической информации по ряду показателей. В роли индикаторов (зависимых переменных), отражающих ключевые демографические процессы, выступили следующие: для рождаемости – суммарный коэффициент рож-

даемости, для смертности – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, для миграции – коэффициенты интенсивности по прибытию и выбытию.

На первом этапе на основании ранее проведенного теоретического анализа для каждого индикатора формировался набор статистических показателей-факторов разной природы: экологические, природно-климатические, биологические, демографические, социально-экономические, психологические, культурные, политические и т. д. На втором этапе посредством корреляционного анализа и проверки на мультиколлинеарность отбирались наиболее значимые детерминанты⁶ (табл. 4). На третьем шаге для каждой зависимой переменной производился регрессионный анализ панельных данных, строилось три модели регрессии: объединенная (или сквозная) регрессия, регрессия с фиксированными эффектами, регрессия со случайными эффектами. На четвертом этапе осуществлялось попарное сравнение моделей и выбор наиболее адекватной и качественной из них. По выбранной модели давалась оценка характера влияния факторов на зависимую переменную, полученные результаты подвергались интерпретации. Расчеты и статистическая обработка данных производились в программном пакете STATA.

Остановимся подробнее на последних двух этапах исследования.

Модель сквозной (объединенной) регрессии (pooled model) предписывает одинаковое поведение всем объектам выборки во все моменты времени, она не учитывает индивидуальных различий, из-за чего является самой ограничительной из всех видов. В модели с фиксированными эффектами (fixed effect model) считается, что каждая экономическая единица уникальна и не может рассматриваться как результат случайного выбора из некоторой генеральной совокупности, т. е. учитывается индивидуальная гетерогенность объектов [35, с. 41].

Такая модель наиболее применима при анализе данных по странам, крупным регионам, отраслям промышленности, большим предприятиям. В модели со случайными эффектами (random effect model) предполагается, что индивидуальные отличия носят случайный характер. Ее можно рассматривать как компромисс между объединенной регрессией, налагающей сильное ограничение гомогенности на все коэффициенты уравнения регрессии, и регрессией с фиксированными эффектами, которая позволяет для каждого объекта выборки ввести свою константу и, таким образом, учесть существующую в реальности, но ненаблюдаемую гетерогенность [34, с. 46].

Кроме того, для оценки качества подгонки модели применялись операторы «between» и «within». Первый отражает вектор средних индивидуальных значений y , повторенных T раз для каждого индивидуума (т. е. независимые от времени различия между объектами), тогда как второй – вектор отклонения индивидуальных наблюдений от своих средних по времени значений (т. е. временные флуктуации индивидуальных наблюдений вокруг среднего по времени значения) [27, с. 283].

С целью выбора наиболее адекватной анализируемым данным модели проводится их попарное сравнение по трем статистическим критериям (табл. 5):

1) модель объединенной регрессии против модели с фиксированными эффектами (тест Вальда на наличие индивидуальных эффектов);

2) модель объединенной регрессии против модели со случайными эффектами (тест Бройша-Пагана на наличие случайного индивидуального эффекта);

3) модель со случайными эффектами против модели с фиксированными эффектами (тест Хаусмана на выбор наиболее адекватной модели).

По итогам статистических тестов отбиралась и подвергалась анализу наиболее адекватная и качественная модель.

⁶ Анализировалась корреляционная матрица факторных (объясняющих) показателей: исключались те показатели, у которых парные значения коэффициентов корреляции Пирсона превышали 0,6.

Таблица 4. Показатели, характеризующие факторы демографической ситуации

Факторы рождаемости	Факторы смертности и продолжительности жизни	Факторы миграции
Демографические факторы		
<ul style="list-style-type: none"> - Доля населения в трудоспособном возрасте (%) - Соотношение браков и разводов (число разводов на 1000 браков) - Коэффициент младенческой смертности (умерших до 1 года на 1000 живорожденных) - Коэффициент смертности населения от внешних причин (на 100 тыс. чел. нас.) - Первичная заболеваемость болезнями мочеполовой системы (на 1000 чел. нас.) - Первичная заболеваемость осложнениями беременности, родов и послеродового периода (на 1000 чел. нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Заболеваемость болезнями органов дыхания (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость: травмы, отравления и др. последствия внешних причин (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями нервной системы и органов чувств (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями кожи и подкожной клетчатки (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость осложнениями беременности, родов и послеродового периода (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушения обмена веществ (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями системы кровообращения (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями органов пищеварения (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани (на 1000 чел. нас.) - Заболеваемость болезнями: врожденными аномалиями (пороками развития), деформациями и хромосомными нарушениями (на 1000 чел. нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Доля населения в трудоспособном возрасте (%)
Экономическое развитие территорий		
<ul style="list-style-type: none"> - Индекс промышленного производства (%) 	<ul style="list-style-type: none"> - Индекс промышленного производства (%) 	<ul style="list-style-type: none"> - Индекс промышленного производства (%) - Инновационная активность организаций (% организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации) - Объем инновационных товаров, работ, услуг (% от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)
Уровень жизни населения		
<ul style="list-style-type: none"> - Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%) - Коэффициент Джини - Индекс потребительских цен на товары и услуги (%) - Введено в действие общей площади жилых домов (кв. м на 1000 чел. нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%) - Коэффициент Джини - Индекс потребительских цен на товары и услуги (%) - Введено в действие общей площади жилых домов (кв. м на 1000 чел. нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (%) - Коэффициент Джини - Индекс потребительских цен на товары и услуги (%) - Введено в действие общей площади жилых домов (кв. м на 1000 чел. нас.)
Социальная инфраструктура (здравоохранение, спорт, образование) и политика государства		
<ul style="list-style-type: none"> - Численность врачей всех специальностей (на 10 тыс. чел. нас.) - Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение, физическую культуру и спорт (руб. на душу нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Численность врачей всех специальностей (на 10 тыс. чел. нас.) - Число спортивных площадок и полей (на 100 тыс. чел. нас.) 	<ul style="list-style-type: none"> - Численность врачей всех специальностей (на 10 тыс. чел. нас.) - Число спортивных площадок и полей (на 100 тыс. чел. нас.) - Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на 10 тыс. чел. нас.)

Факторы рождаемости	Факторы смертности и продолжительности жизни	Факторы миграции
Социальное (психологическое) здоровье общества		
–	– Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения (на 100 тыс. чел. нас.) – Заболеваемость наркоманией (на 100 тыс. чел. нас.)	– Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения (на 100 тыс. чел. нас.) – Заболеваемость наркоманией (на 100 тыс. чел. нас.)
Безопасность окружающей среды		
–	– Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям (регионального или межмуниципального значения) (%) – Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом (на 1000 работающих)	– Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям (регионального или межмуниципального значения) (%)
Итого: 13 факторов	Итого: 21 фактор	Итого: 14 факторов
Источник: составлено автором.		

Основные результаты

Проведенные статистические оценки адекватности построенных моделей позволили заключить, что регрессионные модели с фиксированными эффектами в случае всех зависимых переменных отражают наиболее значимые и обоснованные варианты моделирования, объясняющие детерминацию рождаемости, продолжительности жизни и миграционного движения населения (см. табл. 5).

Перейдем к результатам моделирования.

В модели с фиксированными эффектами для суммарного коэффициента рождаемости временные различия проявляются сильнее, чем межрегиональные (коэффициент детерминации R-squared: within = 0,6677, что существенно превышает показатель R-squared: between = 0,0073 и R-squared: overall = 0,0543). Как отмечают исследователи, данный факт свидетельствует в пользу необходимости учета индивидуальных эффектов и против модели сквозного оценивания [33; 36, с. 6]. Значение коэффициента детерминации регрессионной модели для суммарного коэффициента рождаемости говорит о том, что построенная модель на 67% объясняет зависимость СКР от представленного набора факторов. Анализ уравнения регрессии и р-критерия⁷ позволяет сделать

⁷ О статистически значимой связи свидетельствует значение р-критерия < 0,01.

вывод о статистически значимом положительном влиянии на рождаемость коэффициента младенческой смертности, смертности населения от внешних причин, индекса потребительских цен на товары и услуги, душевых бюджетных расходов на здравоохранение, спорт и физкультуру на протяжении рассматриваемого периода (табл. 6). В то же время отмечается значимая обратная связь ОПЖ с долей трудоспособных граждан и удельным весом населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума.

Прямую связь младенческой смертности с рождаемостью можно объяснить действием компенсационного механизма. Отечественный статистик и демограф С.А. Новосельский отмечал, что факт смерти ребенка и прекращения лактации заметно повышает возможность нового зачатия, а потеря ребенка психологически стимулирует женщину к ее возмещению новым рождением [37]. Значимое влияние на СКР фактора бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) и государственных расходов на здравоохранение подтверждает большую роль экономического фактора в детерминации рождаемости. Сложнее поддается интерпретации существование прямой взаимосвязи рождаемости с коэффициентом смертности от внешних причин и индексом потребительских цен, а также

Таблица 5. Результаты проверки адекватности моделей

Критерии адекватности	Модели по факторам рождаемости	Модели по факторам смертности и ОПЖ	Модели по факторам миграции	
			интенсивности прибытия	интенсивности выбытия
Тест Вальда: проверка гипотезы о равенстве нулю всех индивидуальных эффектов	F test that all $u_{ij}=0$: F(79, 533) = 77.19; Prob > F = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мскв	F test that all $u_{ij}=0$: F(79, 513) = 47.93 Prob > F = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мскв	F test that all $u_{ij}=0$: F(79,509)=17.51 Prob > F=0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мскв	F test that all $u_{ij}=0$: F(79,509)=19.32 Prob > F=0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мскв
Тест Бройша-Пагана: проверка наличия случайного индивидуального эффекта	chibar2=1089.17 Prob > chibar2 = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мсэ лучше описывает данные, чем Мскв	chibar2=987.97 Prob > chibar2 = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мсэ лучше описывает данные, чем Мскв	chibar2=592.77 Prob > chibar2 = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мсэ лучше описывает данные, чем Мскв	chibar2=415.57 Prob > chibar2 = 0.0000 p-уровень < 0,01 ↓ Мсэ лучше описывает данные, чем Мскв
Тест Хаусмана: позволяет сделать выбор между $M_{фэ}$ и $M_{сэ}$ моделями	chi2=108.67 Prob > chi2 = 0.0000 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мсэ	chi2=83.61 Prob > chi2 = 0.0000 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мсэ	chi2=88.56 Prob > chi2 = 0.0000 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мсэ	chi2=158.64 Prob > chi2 = 0.0000 ↓ Мфэ лучше описывает данные, чем Мсэ
Модели: $M_{скв}$ – сквозная (объединенная) регрессия, $M_{фэ}$ – регрессионная модель с фиксированными эффектами, $M_{сэ}$ – регрессионная модель со случайными эффектами. Источник: расчеты автора.				

обратной – с долей населения трудоспособного возраста. Вероятно, эта закономерность требует более подробного изучения.

Значение коэффициента детерминации модели регрессии с фиксированными эффектами для логарифма ОПЖ и ее факторов (R -squared:within = 0,7902) свидетельствует о высоком качестве подгонки модели. Анализ компонентов уравнения регрессии показал, что значимое положительное влияние на ожидаемую продолжительность жизни населения оказывает введение в действие жилых площадей, тогда как отрицательное – первичная заболеваемость болезнями органов дыхания, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани, осложнения беременности, родов и послеродового периода, заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, рост цен на товары и услуги, разрыв в уровне доходов (коэффициент Джини), удельный вес населения за чертой бедности, производственный травматизм (табл. 7). Таким образом, в детерминации

продолжительности жизни в 2010–2017 гг. большую роль играли факторы заболеваемости населения по ряду классов и причин, уровня жизни населения (обеспеченность жильем, разрыв в доходах, бедность), роста цен на товары и услуги, состояния психического здоровья общества и безопасности условий труда.

При исследовании факторов миграционного движения регрессионные модели строились для двух зависимых переменных, характеризующих разную направленность потоков миграции: коэффициента интенсивности по прибытию и коэффициента интенсивности по выбытию. Качество подгонки обеих моделей достаточно высокое: коэффициент детерминации (R -squared: within) первой составил 0,6576, второй – 0,6890.

Согласно произведенным расчетам, на интенсивность миграционного притока значимое положительное влияние оказывают введение в действие общей площади жилых домов, инновационная активность организаций, коэффициент Джини (табл. 8). Значи-

Таблица 6. Регрессия с фиксированными эффектами для логарифма СКР и ее факторов*

Фактор	Coef.	Std. Err.	t	P> t	95% Conf. Interval	
Доля населения в трудоспособном возрасте	-2,069	0,115	-17,930	0,000	-2,296	-1,843
Соотношение браков и разводов	0,023	0,012	1,950	0,052	0,000	0,047
Коэффициент младенческой смертности	0,034	0,010	3,410	0,001	0,014	0,053
Коэффициент смертности населения от внешних причин	0,132	0,021	6,270	0,000	0,091	0,174
Первичная заболеваемость болезнями мочеполовой системы	-0,018	0,015	-1,250	0,213	-0,047	0,010
Первичная заболеваемость осложнениями беременности, родов и послеродового периода	0,017	0,008	2,220	0,027	0,002	0,033
Индекс промышленного производства	-0,003	0,024	-0,130	0,899	-0,050	0,044
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	-0,121	0,018	-6,790	0,000	-0,156	-0,086
Коэффициент Джини	0,129	0,084	1,540	0,125	-0,036	0,294
Индекс потребительских цен на товары и услуги	0,290	0,061	4,760	0,000	0,170	0,410
Введено в действие общей площади жилых домов	-0,007	0,008	-0,890	0,374	-0,022	0,008
Численность врачей всех специальностей	-0,061	0,035	-1,740	0,083	-0,130	0,008
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение, физическую культуру и спорт	0,057	0,006	10,140	0,000	0,046	0,068
Константа (_cons)	6,954	0,535	13,010	0,000	5,904	8,005
sigma_u	0,172					
sigma_e	0,037					
rho	0,956 (fraction of variance due to u_i)					
* Переход к логарифму позволяет уменьшить асимметрию распределения эконометрической величины. F(13,533) = 82,40; Prob > F = 0,0000; R-sq: within = 0,6677, between = 0,0073, overall = 0,0543; corr(u_i, Xb) = -0,3572 F test that all u_i=0: F(79, 533) = 77,19 Prob > F = 0,0000						

мая обратная связь зафиксирована с долей трудоспособного населения, индексом промышленного производства, долей населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, индексом потребительских цен на товары и услуги. Положительное влияние на миграционный приток разрыва в уровне доходов (коэффициента Джини) можно объяснить тем, что на динамику неравенства в настоящее время сильно влияют две российские столицы – Москва и Санкт-Петербург. Как отмечают исследователи Н.Г. Зубаревич и С.В. Сафронов, неравенство в доходах в больших городах страны растет, что объясняется сильным отрывом заработной платы в федеральных городах, которые обладают максимальными преимуществами агломерационного эффекта и статуса. При исключении федеральных городов отмечается устойчивое снижение неравенства как для всех городов, так и для больших

[38, с. 107]. То есть большие города не теряют своей миграционной привлекательности, несмотря на большой разрыв в доходах населения. Отрицательное воздействие на интенсивность миграционного притока индекса промышленного производства и удельного веса трудоспособного населения на данном этапе представляется сложно объяснимым, что свидетельствует о необходимости более углубленного исследования данного вопроса.

На интенсивность миграционного оттока оказывают воздействие практически те же факторы, что и на миграционный приток, что свидетельствует об отсутствии различий в детерминации разных потоков миграции (табл. 9).

Заключение

Построенные в ходе регрессионного анализа панельных данных модели позволили выявить факторы, оказывающее наибольшее

Таблица 7. Регрессия с фиксированными эффектами для логарифма ОПЖ и ее факторов*

Фактор	Coef.	Std. Err.	t	P> t	95% Conf. Interval	
Заболеваемость болезнями органов дыхания	-0,030	0,008	-3,940	0,000	-0,015	-0,044
Заболеваемость: травмы, отравления и др. последствия внешних причин	-0,003	0,005	-0,610	0,539	-0,013	0,007
Заболеваемость болезнями нервной системы и органов чувств	-0,013	0,006	-2,220	0,027	-0,024	-0,001
Заболеваемость болезнями кожи и подкожной клетчатки	-0,009	0,003	-2,930	0,004	-0,014	-0,003
Заболеваемость осложнениями беременности, родов и послеродового периода	-0,006	0,002	-3,880	0,000	-0,010	-0,003
Заболеваемость болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушения обмена веществ	0,001	0,002	0,530	0,598	-0,003	0,006
Заболеваемость болезнями системы кровообращения	0,005	0,003	2,000	0,046	0,000	0,011
Заболеваемость болезнями органов пищеварения	0,003	0,003	1,150	0,252	-0,002	0,008
Заболеваемость болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани	-0,018	0,004	-4,370	0,000	-0,026	-0,010
Заболеваемость болезнями: врожденными аномалиями (пораками развития), деформациями и хромосомными нарушениями	0,003	0,002	1,570	0,117	-0,001	0,006
Индекс промышленного производства	-0,010	0,006	-1,780	0,076	-0,022	0,001
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	-0,017	0,004	-3,890	0,000	-0,025	-0,008
Коэффициент Джини	-0,108	0,020	-5,390	0,000	-0,147	-0,069
Индекс потребительских цен на товары и услуги	-0,118	0,014	-8,530	0,000	-0,145	-0,091
Введено в действие общей площади жилых домов	0,012	0,002	6,260	0,000	0,008	0,016
Численность врачей всех специальностей	0,008	0,009	0,970	0,334	-0,009	0,025
Число спортивных площадок и полей	0,012	0,005	2,390	0,017	0,002	0,021
Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения	-0,011	0,003	-3,990	0,000	-0,016	-0,005
Заболеваемость наркоманией	-0,001	0,001	-0,570	0,571	-0,003	0,001
Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям (регионального или муниципального значения)	0,000	0,002	-0,120	0,908	-0,003	0,003
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом	-0,020	0,002	-9,800	0,000	-0,024	-0,016
Константа (_cons)	4,694	0,099	47,240	0,000	4,499	4,890
sigma_u	0,032					
sigma_e	0,009					
rho	0,929 (fraction of variance due to u_i)					
* Переход к логарифму позволяет уменьшить асимметрию распределения эконометрической величины. F(21, 513) = 91.98; Prob > F = 0,0000; R-sq: within = 0,7902, between = 0,2327, overall = 0,3189; corr(u_i, Xb) = -0,0246 F test that all u_i=0: F(79, 513) = 47,93 Prob > F = 0,0000						

воздействие на ключевые демографические процессы. Установлено, что на показатели рождаемости на протяжении анализируемого периода существенно влиял уровень жизни населения (в частности фактор бедности), социальная политика государства в области финансирования здравоохране-

ния, физкультуры и спорта, а также состояние здоровья младенцев. Наибольший вклад в смертность и продолжительность жизни населения вносили факторы уровня жизни (разрыва в доходах, бедности), заболеваемости болезнями органов дыхания, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной систе-

Таблица 8. Регрессия с фиксированными эффектами для логарифма коэффициента интенсивности по прибытию и его факторов

Фактор	Coef.	Std. Err.	t	P> t	95% Conf. Interval	
Доля населения в трудоспособном возрасте	-6,517	0,647	-10,070	0,000	-7,788	-5,245
Индекс промышленного производства	-0,339	0,123	-2,770	0,006	-0,580	-0,098
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	-0,487	0,090	-5,380	0,000	-0,665	-0,309
Коэффициент Джини	1,865	0,433	4,310	0,000	1,016	2,715
Индекс потребительских цен на товары и услуги	-0,793	0,274	-2,890	0,004	-1,331	-0,254
Введено в действие общей площади жилых домов	0,117	0,041	2,830	0,005	0,036	0,198
Численность врачей всех специальностей	0,111	0,180	0,620	0,536	-0,242	0,464
Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения	-0,065	0,056	-1,170	0,242	-0,175	0,044
Заболеваемость наркоманией	-0,035	0,023	-1,550	0,122	-0,080	0,009
Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям (регионального или межмуниципального значения)	0,031	0,033	0,950	0,342	-0,033	0,095
Число спортивных площадок и полей	0,249	0,103	2,420	0,016	0,047	0,451
Инновационная активность организаций	0,093	0,030	3,140	0,002	0,035	0,151
Объем инновационных товаров, работ, услуг	-0,005	0,010	-0,490	0,624	-0,024	0,014
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	0,029	0,088	0,330	0,739	-0,144	0,202
Константа (_cons)	38,230	2,747	13,920	0,000	32,833	43,626
sigma_u	0,504					
sigma_e	0,176					
rho	0,891 (fraction of variance due to u_i)					
* Переход к логарифму позволяет уменьшить асимметрию распределения эконометрической величины. F(14, 509) = 69.84; Prob > F = 0,0000; R-sq: within = 0.6576, between = 0.0549, overall = 0.0627; corr(u_i, Xb) = -0.6572 F test that all u_i=0: F(79, 509) = 17.51 Prob > F = 0.0000						

мы и соединительной ткани, осложнениями беременности, родов и послеродового периода, психическими расстройствами и расстройствами поведения, фактор роста цен на товары и услуги, обеспеченности системы здравоохранения врачебным персоналом и опасных условий труда. Значимую роль в детерминации миграционных процессов в стране играют факторы уровня жизни населения (уровня доходов), развития экономики (инфляции, промышленного производства) и инноваций (инновационной активности организаций). Общим фактором для всех трех демографических процессов выступал уровень жизни населения, в частности неравенство в уровне доходов и бедность. Исходя из этого можно предположить, что принятие дополнительных мер по повышению уровня жизни населения с большой долей вероятно-

сти позволит обеспечить положительные изменения в динамике показателей рождаемости, смертности и миграционного движения.

Таким образом, полученные результаты позволяют сформулировать следующие направления улучшения демографической ситуации в России:

- повышение уровня и качества жизни населения: увеличение доходов населения, сокращение разрыва (неравенства) в их уровне, улучшение жилищных условий населения;
- совершенствование механизмов государственного сдерживания роста цен на товары и услуги;
- повышение государственных расходов на здравоохранение, физкультуру и спорт;
- введение в систему индикаторов нацпроекта «Здравоохранение» показателей заболеваемости болезнями органов дыха-

Таблица 9. Регрессия с фиксированными эффектами для логарифма коэффициента интенсивности выбытия и его факторов

Фактор	Coef.	Std. Err.	t	P> t	95% Conf. Interval	
Доля населения в трудоспособном возрасте	-5,777	0,593	-9,740	0,000	-6,942	-4,611
Индекс промышленного производства	-0,329	0,112	-2,930	0,004	-0,550	-0,109
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	-0,662	0,083	-7,980	0,000	-0,825	-0,499
Коэффициент Джини	1,064	0,397	2,680	0,008	0,284	1,843
Индекс потребительских цен на товары и услуги	-0,836	0,251	-3,330	0,001	-1,330	-0,343
Введено в действие общей площади жилых домов	0,126	0,038	3,310	0,001	0,051	0,200
Численность врачей всех специальностей	-0,087	0,165	-0,530	0,597	-0,411	0,236
Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения	-0,034	0,051	-0,660	0,508	-0,135	0,067
Заболеваемость наркоманией	-0,031	0,021	-1,510	0,132	-0,072	0,009
Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям (регионального или межмуниципального значения)	0,067	0,030	2,250	0,025	0,009	0,126
Число спортивных площадок и полей	0,215	0,094	2,280	0,023	0,029	0,400
Инновационная активность организаций	0,110	0,027	4,040	0,000	0,056	0,163
Объем инновационных товаров, работ, услуг	0,000	0,009	0,050	0,961	-0,017	0,018
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	-0,008	0,081	-0,100	0,916	-0,167	0,150
Константа (_cons)	35,787	2,519	14,210	0,000	30,839	40,736
sigma_u	0,562					
sigma_e	0,161					
rho	0,924 (fraction of variance due to u_i)					
* Переход к логарифму позволяет уменьшить асимметрию распределения эконометрической величины. F(14, 509) = 80.54; Prob > F = 0,0000; R-sq: within = 0.6890, between = 0.1940, overall = 0.0055; corr(u_i, Xb) = -0.7340 F test that all u_i=0: F(79, 509) = 19.32 Prob > F = 0.0000						

ния, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани, осложнениями беременности, родов и послеродового периода, психическими расстройствами и расстройствами поведения;

- повышение безопасности условий труда на производстве: ужесточение требований к условиям труда, поддержка «добросовестных» работодателей;

- усиление государственной поддержки развития промышленных предприятий;

- повышение инновационной активности предприятий, их государственная поддержка.

Часть вышеобозначенных мер уже реализуется в рамках национальных проектов, концептуально-стратегических и программ-

ных документов, однако важно понимать, что их действие должно быть согласованным, носить комплексный и системный характер. Кроме того, при принятии решений в области регулирования демографических процессов большое значение имеет учет отсроченного во времени ответного эффекта, а также влияния на демографические тенденции структурных факторов (демографических волн).

На последующих этапах исследования планируется выявление региональной специфики в детерминации демографических процессов, что, возможно, позволит ответить на ряд нерешенных в данной работе вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности: науч. докл. / под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2017. 76 с.
2. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3. С. 4–23.
3. Денисов Б.П., Сакевич В.И. Применение контрацепции в России (по материалам выборочного обследования) // Доказательная медицина и клиническая эпидемиология. 2009. № 2. С. 32–37.
4. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95–112.
5. Ипатов А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. № 4. С. 123–148.
6. Захаров С.В. Какой будет рождаемость в России? // Демоскоп Weekly. 2012. 23 января – 5 февраля. № 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (дата обращения 25.03.2019).
7. Васин С.А. Прощание с демографическим дивидендом // Демоскоп Weekly. 2008. 21 января – 3 февраля. № 317–318. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema01.php> (дата обращения 25.03.2019).
8. Козлова О.А., Левина Е.И. Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // Журн. экон. теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 144–153.
9. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.
10. Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В. Факторы, влияющие на здоровье населения России // Народонаселение. 2011. № 1. С. 38–49.
11. Общественное здоровье и здравоохранение / Б.Б. Прохоров [и др.]; отв. ред. Б.Б. Прохоров. М.: МАКС Пресс, 2007. 292 с.
12. Шабунова А.А., Калашников К.Н., Калачикова О.Н. Общественное здоровье и здравоохранение территорий. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 284 с.
13. Шабунова А.А. Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 43 с.
14. Неравенство и смертность в России / под ред. В. Школьников, Е. Андреева, Т. Малевой. М.: Сигнал, 2000. 107 с.
15. Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов / В. Школьников [и др.] // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 2. URL: <https://ojs-test.hse.ru/index.php/demreview/article/view/1815> (дата обращения 25.03.2019).
16. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
17. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.
18. Синявская О.В., Тындик А.О., Головляница Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // Семья в центре социально-демографической политики? Сб. аналит. ст.; отв. ред. О.В. Синявская. М.: НИСП, 2009. С. 19–46.
19. Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 9–44.

20. Демографические вызовы России. Часть вторая – рождаемость и смертность / А. Вишневский [и др.] // Демоскоп Weekly. 2017. 4–17 декабря. № 751–752. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0751/tema02.php> (дата обращения 25.03.2019).
21. Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: сб. аналит. ст. Вып. 1. / науч. ред. Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 127–170.
22. Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005. 64 с.
23. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
24. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования / под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО СССР, 1969. 127 с.
25. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51–61.
26. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2001. 542 с.
27. Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экон. журн. ВШЭ. 2006. № 2. С. 267–316.
28. D'Addio A.C., D'Ercole M.M. Policies, Institutions and Fertility Rates: A Panel Data Analysis for OECD Countries. *OECD Economic Studies*, 2005, vol. 2, no. 41, pp. 7–45.
29. Hondroyiannis, G. Fertility Determinants and Economic Uncertainty: An Assessment Using European Panel Data. *Journal of Family and Economic Issues*, 2010, vol. 31, iss. 1, pp. 33–50. DOI: [org/10.1007/s10834-009-9178-3](https://doi.org/10.1007/s10834-009-9178-3)
30. Torre R., Myrskylä M. *Income inequality and population health: a panel data analysis on 21 developed countries*. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2011. 34 p.
31. Sharma R. Health and economic growth: Evidence from dynamic panel data of 143 years. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, no. 10. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204940> (accessed 08.04.2019).
32. Mayda A.M. International migration: a panel data analysis of the determinants of bilateral flows. *Journal of Population Economics*, 2010, vol. 23, iss. 4, pp. 1249–1274. DOI: [org/10.1007/s00148-009-0251-x](https://doi.org/10.1007/s00148-009-0251-x)
33. Молчанова Е.В., Кручек М.М. Математические методы оценки факторов, влияющих на состояние здоровья населения в регионах России (панельный анализ) // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 5 (33). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/513/30> (дата обращения 08.04.2019).
34. Кручек М.М., Молчанова Е.В. Исследование медико-демографических процессов в регионах России методом регрессионного анализа по панельным данным // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 18 (297). С. 41–50.
35. Буркин М.М., Молчанова Е.В., Кручек М.М. Интегральная оценка влияния социально-экономических и экологических факторов на региональные демографические процессы // Экология человека. 2016. № 6. С. 39–46.
36. Россосанский А.И. Моделирование влияния социально-экономических факторов на качество жизни населения регионов России // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2766>. DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.6
37. Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью // Вестн. статистики. 1925. Книга XXI. Апрель – июнь. С. 1–21. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0737/nauka04.php> (дата обращения 15.04.2019).
38. Зубаревич Н.Г., Сафронов С.В. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 100–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Короленко Александра Владимировна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: coretra@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Korolenko A.V.

FACTORS CONTRIBUTING TO RUSSIA'S DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: PANEL DATA RESEARCH EXPERIENCE

Since 2016, the second stage of depopulation has begun in Russia: the mortality rate exceeded the birth rate again, natural increase was replaced by population decline. Forecasts indicate an increase in this negative trend in the coming decades. The loss of population as a consequence of natural decline is partly compensated by migration growth, however, the immigration resource is gradually exhausting, which makes studying the factors determining the current demographic trends relevant for understanding the causes and determining the possibilities for managing them. The aim of the article is to analyze a complex of factors of different nature and the direction of their influence on the demographic development of Russia and its regions. The author considers and summarizes theoretical approaches to the identification of factors of birth rate, mortality and life expectancy, population migration. To achieve the object of the study, the method of regression analysis of panel data was used. The data of the Federal State Statistics Service for the period from 2010 to 2017 on 80 subjects of the Russian Federation was used as the information base. The total fertility rate, life expectancy at birth, and intensity factors for arrival and departure were the dependent variables. A set of indicator factors was formed for each variable; the most significant ones were selected through correlation analysis from each of them. Then three models were built: combined regression, regression with fixed effects and with random effects. In the course of their pairwise comparison, the model most suitable for analysis was selected – in all cases, regression with fixed effects. It was found that during the analyzed period the birth rate was significantly influenced by the population standard of living, the amount of health care, physical education and sports financing, as well as the infants' state of health. The greatest contribution to the population's life expectancy was made by morbidity factors in a number of classes and reasons, the level of well-being, rising prices for goods and services, social mental health, and working conditions safety. The factors of living standards, economic development and innovation played a significant role in the determination of migration processes.

Demographic development factors, fertility, mortality, life expectancy, migration, panel data, regression analysis.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korolenko Aleksandra Vladimirovna – Research Associate, Department for the Studies of Life-styles and Standards of Living. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: coretra@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

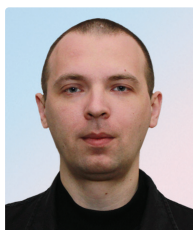
АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.12

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2019 ГОДА

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3072-5614; ResearcherID: H-4767-2017

ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6459-8986; ResearcherID: I-9446-2016

Для цитирования: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 189–195. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.12

For citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in August 2019. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 5 (103), pp. 189–195. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.12

В июле – августе 2019 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В августе 2019 года по сравнению с июнем 2019 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составила 71%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 23–24% (табл. 1).

В различных социально-демографических категориях населения за последние два месяца отмечаются неоднозначные изменения: улучшение индекса социального настроения наблюдается, прежде всего, среди людей в возрасте до 30 (на 5 п., со 169 до 174 п.) и от 30 до 55 лет (на 7 п., со 147 до 154 п.), среди лиц, имеющих высшее и неполное высшее образование (на 4 п., со 149 до 153 п.); ухудшение – среди людей в возрасте старше 55 лет (на 13 п., со 140 до 127 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 8 п., со 158 до 150 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 4 п., со 152 до 148 п.)².

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 77%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 16%. Наиболее значительное

снижение индекса запаса терпения в июне – августе 2019 года отмечается среди жителей области в возрасте старше 55 лет (на 5 п., со 158 до 153 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 8 п., со 173 до 165 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 п., со 187 до 177 п.).

В среднем за последние 6 опросов (октябрь 2018 года – август 2019 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2018 года: индекс социального настроения составляет 146 пунктов, индекс запаса терпения – 159 пунктов.

В динамике самооценок материального положения за период с июня по август 2019 года произошли неоднозначные изменения.

С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наименее обеспеченных (с 7456 до 8398 руб.; табл. 2).

С другой стороны, в июне – августе снизился размер фактического дохода в 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 28205 до 27211 руб.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза).

В период с июня по август 2019 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 25 и 34% (табл. 3). Заметное пони-

¹ Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2018	2011	2007
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,2	-1	+7	+7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	23,4	24,1	+1	-5	-4
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	148,2	147,2	142,4	143,3	147,9	147,5	146,1	-2	+12	+10
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	75,7	77,1	74,3	76,7	78,0	76,8	76,4	-1	+2	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	17,1	17,5	19,1	17,5	16,5	16,2	17,3	+1	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	158,6	159,6	155,2	159,2	161,3	160,6	159,1	-2	0	-1

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.

2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018 гг. – среднегодовые данные.

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	6370	7678	7442	7391	7456	8398	7456	+858	+3551	+5370
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	13741	13119	14058	13759	14109	14151	13823	+578	+5398	+9190
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	29114	26415	28005	28332	28205	27211	27880	+452	+10243	+16662
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	15344	14692	15526	15430	15599	15616	15368	+616	+6005	+9928
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10658	10995	10980	10980	10698	10698	11391	10957	+299	+4443	+7192
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	+0,1	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	+0,1	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,6	2,4	2,6	2,6	2,6	2,4	2,5	-0,1	-0,2	-0,5
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	0	0	0

жение индекса оценок экономической ситуации в стране наблюдалось в возрастной группе старше 55 лет (на 8 п., с 90 до 82 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 9 п., со 105 до 96 п.), а повышение – в воз-

растной группе от 30 до 55 лет (на 6 п., с 87 до 93 п.). Индекс оценок экономического положения в регионе существенно снизился в категории высокообеспеченных жителей области (на 7 п., с 96 до 89 п.).

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	14,3	14,7	14,1	14,9	14,6	15,1	14,6	0	+5	-6
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	45,3	44,5	44,7	44,7	46,8	44,4	45,1	+1	-5	-4
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	27,0	27,6	26,1	26,4	24,7	25,1	26,2	-1	-2	+11
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	87,2	87,3	87,1	88,0	88,5	89,9	90,0	88,5	+1	+7	-17
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	11,7	12,3	11,3	10,6	11,6	11,5	11,5	0	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	39,3	40,4	41,3	41,5	42,7	42,1	41,2	+2	-7	-8
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	37,6	38,1	36,7	37,0	35,2	33,5	36,4	-1	+6	+22
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,9	74,1	74,2	74,6	73,6	76,4	78,0	75,2	0	-5	-33
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	12,3	11,1	11,9	9,3	10,5	9,5	10,8	-1	+1	-4
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	49,1	47,7	50,1	50,8	51,5	48,3	49,6	+1	-1	-3
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	30,3	32,1	29,8	31,2	29,5	29,5	30,4	0	+1	+8
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	82,0	79,0	82,1	78,1	81,0	80,0	80,4	-1	+1	-12

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 10%, негативные суждения высказывали 30% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения некоторое ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе старше 55 лет (индекс снизился на 5 п., с 78 до 73 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 4 п., с 86 до 82 п.). В возрастной категории до 30 лет оценки материального положения существенно улучшились (на 13 п., с 82 до 95 п.).

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2018 года характер суждений об экономике России и области не изменился: соответствующие индексы установились на отметке 89 и 75 пунктов. Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 80 п.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 47%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 41% (табл. 4).

Существенный рост индекса оценки политической ситуации в стране отмечается в возрастной группе до 30 лет (на 10 п., со 103 до 113 п.); снижение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 21 п., с 91 до 70 п.), в возрастной группе старше 55 лет (на 7 п., со 107 до 100 п.).

В июне – августе 2019 года стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 60%, отрицательных – 29%.

Наиболее существенные позитивные тенденции в оценках политической обстановки в области отмечаются в возрастной группе до 30 лет (индекс увеличился на 14 п., со 124 до 138 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 7 п., со 129 до 136 п.), среди лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (на 8 п., со 116 до 124 п.); негативные – среди представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (на 9 п., со 115 до 106 п.) и 20%-й группы наиболее обеспеченных (на 8 п., со 146 до 138 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом характер суждений о политической ситуации в стране улучшился: соответствующий индекс возрос с 95 до

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	40,3	42,3	42,1	42,6	45,9	46,5	43,3	+3	-1	-5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	47,3	46,0	44,2	44,3	40,8	41,1	44,0	-2	+6	+10
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	94,8	93,0	96,3	97,9	98,3	105,1	105,4	99,3	+5	-7	-15
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	52,9	55,1	55,6	55,5	59,3	60,1	56,4	+2	+5	-4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	35,3	34,9	34,5	33,5	30,6	29,4	33,0	0	+7	+8
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	121,6	117,6	120,2	121,1	122,0	128,7	130,7	123,4	+2	-2	-12

99 п. Оценки политической обстановки в регионе сохранились без изменений: индекс соответствует отметке 123 пункта.

РЕЗЮМЕ

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в июне – августе 2019 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 90 п. и 78 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (80 п.);
- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (105 и 131 п. соответственно);
- значительно не изменились показатели социального настроения (148 п.) и запаса терпения (161 п.).

В отдельных категориях населения за последние два месяца отмечались негативные изменения. Прежде всего, обращает на себя внимание ухудшение оценок:

- в возрастной группе старше 55 лет: в данной категории снизились индексы социального настроения (на 12 п.), запаса тер-

пения (на 4 п.), оценки экономической ситуации в стране (на 8 п.), материального положения (на 5 п.), политической обстановки в России (на 7 п.);

- среди жителей области, имеющих среднее специальное образование: в данной категории ухудшились индексы социального настроения (на 8 п.), запаса терпения (на 8 п.), оценки экономической ситуации в России (на 5 п.), материального положения (на 4 п.), политической обстановки в стране и области (на 5 и 4 п. соответственно);

- в 20%-й группе наименее обеспеченных: в данной группе снизились индексы запаса терпения (на 10 п.), политического положения в России и регионе (на 21 и 9 п. соответственно);

- в 20%-й группе наиболее обеспеченных: в данной категории ухудшились показатели экономического положения России и региона (на 9 и 7 п.), политической ситуации в области (на 9 п.);

Обращает на себя внимание существенное улучшение общественного мнения среди жителей региона в возрасте до 30 лет. В данной возрастной группе возросли индекс социального настроения (на 5 п.), материального положения (на 13 п.), индексы политической ситуации в России (на 10 п.) и области (на 14 п.).

Стабилизация оценок по всем показателям, характеризующим социальное самочувствие жителей региона (оценка экономической и политической ситуации, самооценка благосостояния семьи и социального настроения), может быть связана с сезонным фактором, поскольку летние месяцы позволяют приспособиваться к сложностям экономической ситуации за счет увеличения опоры на личное подсобное хозяйство, а также традиционно являются периодом ежегодных отпусков и отличаются некоторой пассивностью в отношении к общественно-политическим проблемам³. Немаловажное значение имеют также фиксируемые официальной статистикой повышение темпов роста доходов населения и замедление инфляционных процессов в регионе. Так, по данным Вологдастата, в июне 2019 года по отношению к маю 2019 года реальная начисленная заработная плата населения составила 104,4% (в мае 2019 года к апрелю 2019 года – 100,2%), при этом потребительские цены на протяжении нескольких месяцев (с мая по июль 2019 года) остаются стабильными (100,2%), что, на наш взгляд, влияет на отсутствие негативной динамики в оценках населения⁴. Однако, несмотря на указанные позитивные изменения, проблема уровня и качества жизни населения не теряет своей значимости. По данным социологических измерений, более 40% жителей области отличается низкой покупательной способностью доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»), а около половины (47%) идентифицирует себя с низкодоходными группами населения («бедные и нищие»).

Подобная ситуация наблюдается и на уровне России в целом. По результатам общероссийского опроса Левада-Центра, в июле 2019 года доля жителей России, которым денег хватает только на покупку продуктов питания и/или одежды, но не более, составила 69%, а 5% участников исследования не хватало даже на еду. Более того, представления большинства россиян о расходах для обеспечения «нормальной» жизни сконцентрированы на трех моментах: «полноценном и качественном питании» (77%), «текущей оплате жилья» (62%), «покупке одежды, обуви» (55%). Это свидетельствует о преобладании «потребительского поведения бедности», ориентированного на удовлетворение текущих материальных потребностей, и отсутствии у большинства населения возможностей для саморазвития, регулярного досуга, здорового образа жизни⁵.

В связи с этим эффективность мероприятий властей в направлении преодоления бедности, избыточной дифференциации, повышения уровня и качества жизни населения приобретает все большую актуальность как объективное условие, необходимое для дальнейшего улучшения социального самочувствия и поддержания социальной стабильности.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНИЦ РАН, который пройдет в октябре 2019 года.

³ Социальное самочувствие россиян: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9746>

⁴ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdatastat.gks.ru>

⁵ Бедность в кошельках и бедность в головах . URL: <https://www.levada.ru/2019/08/22/bednost-v-koshelkah-i-bednost-v-golovaha>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN JUNE 2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Экономика региона глазами старшекласников: сб. конкурсных работ. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. Вып. 15. 160 с.

Одним из основных направлений деятельности Научно-образовательного центра ФГБУН ВолНЦ РАН является вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность в сфере экономики. В рамках реализации данного направления в Научно-образовательном центре ежегодно проводится научно-практическая конференция «Экономика региона глазами старшекласников», по итогам которой выпускается сборник конкурсных научно-исследовательских работ и эссе школьников. В данном выпуске опубликованы работы победителей и лауреатов конкурса научно-исследовательских работ, бизнес-проектов и эссе по экономике 2017/18 учебного года.

Сборник представляет интерес для школьников, студентов, аспирантов, а также может быть использован преподавателями образовательных учреждений экономического профиля при работе с обучающимися и специалистами в сфере экономики.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.09.2019.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,37. Тираж 500 экз. Заказ № 265
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru